

Д. Г. МУХАМЕТШИН, Ф. С. ХАКИМЗЯНОВ

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ
ГОРОДА
БУЛГАРА

КАЗАНЬ
ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1987

Мухаметшин Д. Г., Хакимянов Ф. С.

М 92 Эпиграфические памятники города Булгара. Казань: Татарское кн. изд-во, 1987. — с. 128.

Авторы рассказывают об эпиграфических памятниках XIII—XIV веков бывшей столицы Волжской Булгарии — города Булгара, которые рассматриваются как образцы декоративного искусства, языка и истории волжских булгар.

Книга адресована широкому кругу читателей.

М 4902020000—302
М 132(03)—87 281—87

ББК 63. 3 (2Р-Тат)

ВВЕДЕНИЕ

О камни,
Вы сама история.

С. Капутикян

Письмо является основой всех цивилизаций мира. Создание предметного письма в первобытнообщинном строе по мере совершенствования материала для письма и объединения человечества в многолюдные коллективы привело к осуществлению потребности в письменном общении, и рисуночный облик письма принял буквенную форму.

Писать можно на чем угодно: на бересте, тканях, коже, глине, бумаге, предметах из металла и дерева, керамических изделиях, камнях и т. д. Надписи на камнях, несмотря на присущую им краткость, по значимости близки к старинным рукописям, но у них имеется и бесспорное преимущество. Если рукописям обычно присуще наличие нескольких отличающихся друг от друга списков, что приводит к разночтениям, то эпитафии не имеют копий, к тому же место установки эпитафического памятника, как правило, совпадает с местом изготовления, или, за редким исключением, находится от него в непосредственной близости, и в силу этого является ценнейшим документом эпохи того региона, где обнаружен.

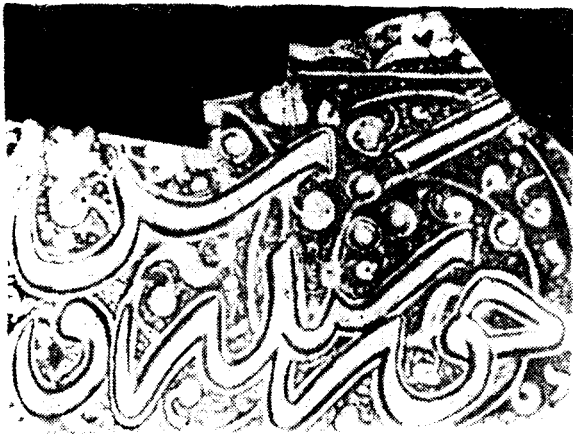
Когда-то великий царь древних персов Дарий I торжественно завещал потомкам:

Говорит Дарайавауш, царь:
«Ты, который в будущие дни
Увидишь эту надпись,
Которую я приказал выбить в скале,
Или эти изображения, —
Не разрушай их!
Но оберегай,
Пока можешь».

Много труда и времени требовало монументальное

письмо. Резчиками высечались на камне красивые, строгие буквы. И такая мемориальная, чаще всего надгробная, надпись была вечной, ее не страшило время. Недаром из глубин веков больше всего дошло до нас текстов, вырезанных на камне. «Я — вечный камень... Памятник я поставил...» — провозглашал, например, каган древних

тюрков Кюль-тегин. Дворец Дария I, стоявшего во главе державы, которая до создания империи Александра Македонского была величайшим государственным образованием древнего мира, был открыт лишь благодаря клинописным надписям, высеченным на некогда величественных монументах, памятниках-надгробиях.

Во время пиршества Александр Македонский швыр-

нул горящий факел во дворец в отместку за разрушение персами Афин. Город Персеполь был разграблен и спален. И лишь в 1803 году благодаря Гротефенду мир узнал местоположение дворца и города, когда тот дешифровал древнеперсидскую клинопись. «Дарий, царь великий, царь царей, царь стран, Гистаспа сын, Ахеменид [тот], который построил этот дворец», — гласила надпись.

У многих древних народов существовал обычай устанавливать надмогильные монументы с надписями. Благодаря сохранившимся памятникам открываются новые письменности, культуры, узнаются древние языки. Однако не все загадки древности поддаются разгадке. «Загадкой всех италийских загадок» называли ученые забытый язык этрусков, живших в I тысячелетии до нашей эры на территории современной Италии. Исследователи научились читать каждое слово, но почти совершенно не понимают этот язык. Между тем, из известных науке свыше 9000 этрусских надписей четыре пятых составляют совсем короткие надмогильные тексты, дающие лишь личные имена и кое-какие термины родства. Выходит, с одной стороны, эпитафии сохраняют письменность и язык, на котором высечен текст, но с другой — эпитафийный характер не позволяет полностью раскрыть язык надписи.

К счастью исследователей, древнетюркские эпитафии не были столь короткими, как этрусские, что дало возможность В. Томсену и В. В. Радлову раскрыть тайну тюркской рунической письменности и представить миру первые образцы тюркского письменно-литературного языка VII—IX веков.

Вначале немного истории.

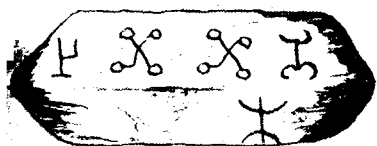
Холодное лето 1889 года. Небольшая экспедиция Н. Ядринцева все дальше и дальше углублялась в монгольские степи. И вот в долине реки Орхон она наткнулась на крупнейший храмовый комплекс, воздвигнутый в честь принца и полководца Кюль-тегина, который скончался в 731 году. Но все это выяснилось гораздо позже, после различных экспедиций, а пока перед ними лежали развалины какого-то строения, низкая кирпичная стена длиной в 25 метров. Начиная от входа на расстоянии 4,5 км тянется ряд каменных изваяний людей и баранов, установленных в 10—12 метрах друг от друга. Здесь же находилась мраморная плита высотой в

3,5 метра, сброшенная с постамента — черепахи. Их поразило обилие значков, начерченных со всех сторон камня.

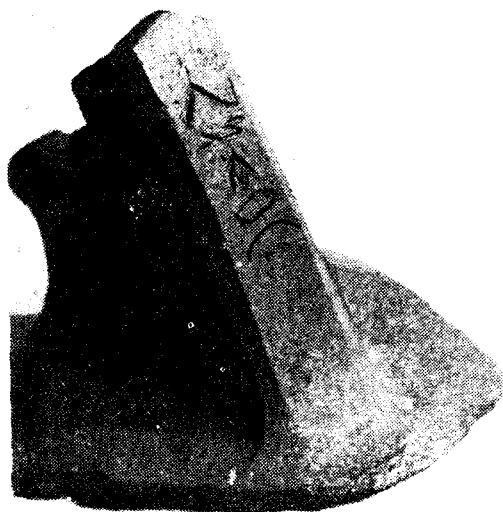
Такой же второй памятник был обнаружен в одном километре от этого места, но, к сожалению, разбитый на несколько кусков и местами выветрившийся. Тогда еще ни сам Ядринцев, ни его спутники и не подозревали, что найденные ими надмогильные памятники послужат основой, на которой станет возможной расшифровка древнетюркской рунической письменности.

Правда, первые сведения о памятниках тюркской рунической письменности имелись еще со времен Петра I, но их никто не мог читать. Лишь в 1893 году датскому ученому В. Томсену удалось установить значение знаков и найти ключ ко всему алфавиту надписей с берегов рек Орхон и Енисей. Академик В. В. Радлов дал перевод текстов стел, обнаруженных Ядринцевым, которые оказались надмогильными памятниками тюркского кагана Бильге (т. е. «мудрого кагана») и его младшего брата Кюль-тегина (т. е. принца Кюль). На холодном сером камне была написана вся история древнетюркского государства, его мощь, величие и советы будущему поколению. Так, надмогильные обелиски возвратили нам из глубин истории забытые племена и государства Центральной Азии, познакомили с государственным строем древних тюрков, поведали о языке этих племен.

Много интересных историй можно рассказать о расшифровке древних памятников, но мы в своем рассказе остановимся лишь на надмогильных памятниках волжских болгар — предков казанских татар. Почему именно на них? Потому, что это единственные датированные исторические источники, оставленные булгарами для потомков. Конечно, у исследователей еще теплится луч надежды, что когда-нибудь в рукописных хранилищах отыщется и сочинение на болгарском языке или обнаружится надпись с более пространством текстом. Здесь сразу же приходит на ум имя основоположника болгаро-татарской письменной поэзии Кул Гали и его поэтическая жемчужина — поэма «Кисса-и Йусуф». Обычно произведения такого характера опираются на хорошо обработанную систему художественных и языковых средств и нередко невозможно однозначно определить, на каком языке они сочинены. То же самое можно сказать и в отношении языка «Кисса-и Йусуф». Говоря о нем,

Надписи-знаки на
вещах из Танкесв-
ского могильника
X в.

Руническая надпись
на ручке гончарного
сосуда из Биляра.
XI—XII вв.

ученые называют его то литературным огузским или огузо-кипчакским языком (Э. Н. Наджиб), то староосманским (К. Броккельман), то поволжским тюркский (Дж. Алмаз, Ф. С. Фасеев) и т. д. Смешанный огузо-кипчакский характер языка этой поэмы позволяет счи-

тать его продолжением среднетюркского литературного языка, сформировавшегося когда-то в Хорезме на огузско-кипчакской диалектной основе. Однако нельзя упускать из виду то обстоятельство, что «Кисса-и Йусуф» поэтическое произведение, написанное в «высоком» стиле, который, как правило, бывает оторванным от народно-разговорного языка и характеризуется искусственным, книжно-литературным. Ведь поэтический язык складывается на основе отобранных поэтической традицией форм разных диалектов или языков, которые, подобно сложному узору, состоящему из более простых линий и завитушек, в языке произведений образуют неразрывное поэтическое единство.

Несомненно, данная поэма создана на основе литературно-языковых традиций периода караханидов, т. е. существования одного из культурнейших тюркских государств Средней Азии в X—XII веках. Образовавшееся в X веке в Семиречье мощное государство Караханидов подчинило себе уйгурские княжества и тюрко-иранское население, проживавшее между Сырдарьей и Амударьей. Таким образом, были созданы предпосылки для синтеза тюркской и персидской культур и появившиеся литературные традиции оказывали влияние на литературу и языки других регионов вплоть до XIV—XV веков. Не противоречит этому и вывод Н. Ш. Хисамова об огузских и болгаро-татарских фольклорных литературных источниках поэмы.

НА РАЗВАЛИНАХ ДРЕВНЕГО ГОРОДА

На крутом берегу, над водными просторами великой реки Волги возвышаются белокаменные постройки тысячелетнего города. В X—XV веках здесь находился крупнейший политический, экономический и культурный центр Поволжья — город Булгар, который в золотоордынском периоде именовали Великими Булгарами, вслед за великим городом Биляром. Теперь древнейший город — обширное городище с архитектурно-археологическими памятниками — объявлен государственным историко-архитектурным заповедником.

Различные предметы, находимые археологами на поверхности и при раскопках, свидетельствуют о былом богатстве и величии погребенного здесь древнего горо-

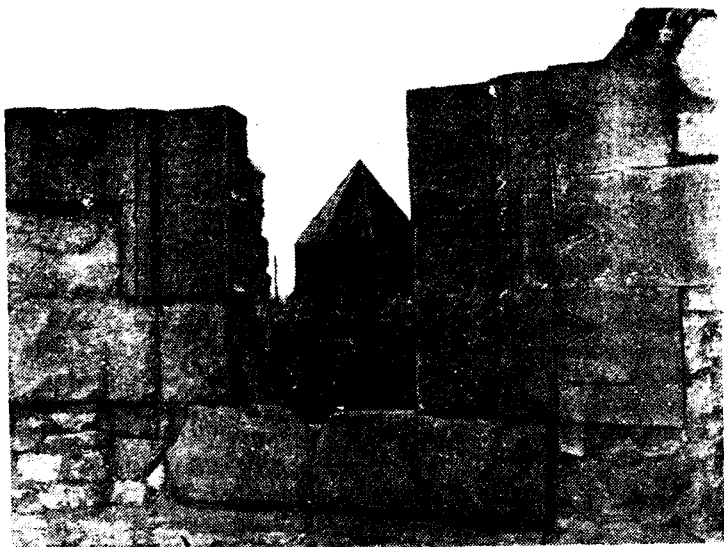

да. Обычно считается, что названия городов нередко отражают наименования племен, так как город в большинстве случаев является племенным центром. Так, Сувар был центром суваров (сабиров), Ошель — ишкилей (эсегелов), а Булгар, по всей видимости, являясь столицей государства, назывался по имени господствующего племени. Исторические источники упоминают о присутствии в Волжской Булгарии многих племен — берсул, собекулян, челмат, темтюз, баранджар, местных финно-угорских и других. Но важно то, что в XII веке уже сложилась единая булгарская народность.

Еще задолго до основания Булгара место впадения Камы в Волгу являлось пунктом обмена, в булгарскую эпоху оно стало своего рода ярмаркой, куда приезжали торговцы из разных мест. Город Булгар был известен как центр торговли с Востоком, Византией, Русью и северными народами. По этому поводу в начале X века Ибн-Руста писал: «Хазаре ведут торг с Булгарами, равным образом и руссы привозят к ним свои товары». В 922 г. Ибн-Фадлан сообщал: «У них [булгар.— Ф. Х.] много купцов...» Всю торговлю востока с севером булгары держали в своих руках и не допускали восточных купцов на север, сочиняя всякие небылицы, чтоб запугать конкурентов.

В 20-х годах X века в истории Булгарии произошло крупное политическое событие — прибыло посольство багдадского халифа Муктадира по просьбе царя булгар Алмуша. Царю хотелось не только укрепить мусульманство в стране, но и, с помощью багдадских строителей, соорудить крепость для защиты от врагов. Принятие ислама имело для государства булгар большое значение, так как приобщило к мусульманской культуре, являвшейся тогда передовой культурой Востока. Однако до нас не дошли ни культовые сооружения, ни другие постройки того времени. Все сохранившиеся здания в Булгаре относятся к золотоордынскому периоду, то есть к тому времени, когда Волжская Булгария была завоевана монгольским войском и ее история стала тесно связанной с историей Золотой Орды.

Из сохранившихся построек в центральной части города (в данном случае мы ведем речь лишь о культовых сооружениях, связанных с эпиграфическими памятниками) имеются два мавзолея — северный и восточный, которые с XVIII века известны в литературе как «Мона-

Восточный мавзолей.
Вид через оконный проем Соборной мечети

стырский погреб» и «Церковь святого Николая» — по их практическому использованию в то время.

Строительство мавзолеев над погребениями знатных людей было широко распространено в мусульманском мире. Вспомним великолепный ансамбль Шах-и Зинда в Самарканде с мавзолеем Кусамы ибн-Аббаса, Султан-Саодата, Ходжи Ахмада, Шади Мульк-ака, Эмирзаде, Бурундука, Туман-ака, Казызаде Руми, Туглу-Текина, Ширинбек-ака, мавзолей Исмаила Самани в Бухаре и т. д.

Северный мавзолей в Булгарах был сооружен в 30-х годах XIV века напротив северного фасада Соборной мечети. Он имел купольное покрытие, стрельчато-арочные дверные и оконные проемы. Небольшой коридор выходил на вымощенную камнем площадь перед Соборной мечетью, в которой в начале XVIII века лежали надгробные плиты знатных людей города, однако монахи монастыря, освободив помещение от надгробий, использовали его в качестве погреба. Богатые болгарские погребения были раскопаны и разграблены.

Еще один мавзолей расположен у восточного фасада

Фрагмент памятника Сабар-элчи,
найденного в Восточном мавзолее

Соборной мечети, построенной примерно в одно и то же время с северным мавзолеем. Он принадлежал к типу восточных шатровых усыпальниц с выносным порталом. Кроме двери, обращенной на юг, с трех сторон различаются окна стрельчато-арочной формы. В восьмигранном ярусе сохранились ложные окна — декоративные ниши, способствующие зрительному устранению массивности суровых каменных стен и создающие при солнечном освещении игру света и тени.

В XVIII веке и в этом мавзолее были обнаружены болгарские надмогильные плиты, а во время ремонтных работ 1889—1890 годов была выкопана изящная плита высотой около трех метров. С большим мастерством вырезанные рельефные буквы соединялись даже в тех случаях, когда в обычном письме пишутся отдельно, под некоторыми из них указаны отдельные начертания букв. Под буквами проставлены добавочные точки, что является характерным приемом для болгарских надписей. Этот прекрасный памятник был поставлен над могилой княжны Сабар-элчи, имя которой, обрамленное в надписи такими хвалебными эпитетами, как «благочестивая, непорочная, заботливая, щедрая, целомудренная, набожная, благонравная, добродетельная, источник милостей, идеал счастливых женщин, начало добрых дел, венец женщин в обоих мирах», сразу же напоминает поэтическую легенду о красавице дочери болгарского хана.

Согласно легенде, болгарский хан Абдуллах при взятии города Булгара Булат-Тимуром вместе со своими детьми, женой и ближайшими родственниками закрылся в одной из каменных построек столицы. Завоеватель приказал завалить здание бревнами и поджечь его. В результате все спрятавшиеся погибли, за исключением набожной и добродетельной младшей дочери хана, считавшейся самой красивой и разумной девушкой края.

Булат-Тимур, увидев ее в белом одеянии, бесстрашно стоящей на крыше здания перед языками разбушевавшегося пламени, был поражен ее смелостью, решительностью и необычайной красотой и тут же велел потушить огонь. Когда шум огня затих, он громко, во всеуслышание, заявил красавице, что сделает ее главной женой и она будет украшать его ханскую юрту. Однако царица ответила, что скорее бросится вниз головой, чем сделается женой завоевателя и убийцы.

Разъяренный Тимур приказал привести к нему двух ее братьев, взятых в плен. Увидев их с колодками на шее, она побледнела и крикнула завоевателю, что согласна стать его женой, если он тотчас отпустит ее братьев на свободу и даст им лучших своих коней. Тимур, желавший во что бы то ни стало овладеть красавицей, освободил пленников и сам подвел к ним двух резвых скакунов. Булгарские царевичи, бросив последний, прощальный взгляд на младшую сестру, исчезли

из поля зрения. Дочь же болгарского хана бросилась вниз головой на догорающие бревна. А два ее брата добрались до северных районов Болгарии и на берегу Казанки основали город Казань, который стал приемником болгарской культуры.

Наличие мавзолеев в центре Булгара позволяет предположить функционирование здесь кладбища. Известно, что еще в домонгольское время на Бабьем бугру, расположенном к западу от центра городища на краю склона волжской террасы, возникло городское кладбище. Погребение совершалось по официальному мусульманскому обряду: покойника клали в вытянутом положении головой на запад, лицом вверх или повернутым к югу, в сторону Мекки. В более ранних погребениях наблюдается и отступление от этого обряда, что показывает сохранение в народе языческих пережитков. Так как здесь хоронили рядовых жителей, кладбище не имеет богатых надгробных плит, склепов и мавзолеев.

На городище имеется еще одно кладбище, которое обычно называют «ханским». Такое наименование не означает, что там обязательно должен быть похоронен хан. В народе «ханским» считают те древние кладбища, где имеются богато оформленные массивные надгробия. Подобные «ханские» кладбища существуют близ сел Старое Ромашкино Чистопольского района, Тямти Сабинского, Средние Кирмени, Нижние Яки Мамадышского района ТАССР, однако ни в эпитафиях, ни в исторических источниках нет и намека, что там похоронены ханы.

В районе «ханского» кладбища Булгара прежде всего привлекают внимание минарет и мавзолеев. В отличие от Большого минарета Соборной мечети жители называли его Малым, который был сооружен во второй половине XIV века по образцу минарета Соборной мечети. Малый минарет, как гласит предание, стоит на месте захоронения «болгарских святых», он был необходим для окружавших его усыпальниц — поминальных мечетей, среди которых есть и так называемая Ханская усыпальница.

Гордо стоящий минарет окружает целый комплекс усыпальниц. Когда-то вокруг усыпальниц располагалось мусульманское кладбище городской знати и могилы тянулись рядами с севера на юг. Долгое время над ними стояли каменные надгробия. Закономерно возникает вопрос: когда болгары стали ставить каменные плиты с

Малый минарет

надписями и почему? Однозначно ответить на него трудно, да и вряд ли возможно.

Если заняться историей, хотя бы тем периодом, когда в 631 году в Приазовье возникла Великая Болгария во главе с ханом Кубратом, то можно увидеть, что это объединение существовало недолго, и не позже третьей четверти VII века произошло разделение и переселение древних болгар на новые места. Болгары разделились на пять групп, но ни в одном письменном источнике нет указаний на наличие какой-либо группы, которую можно было бы сопоставить с будущими волжскими булгарами. Однако в данном случае для нас это не так уж важно. В верховьях Кубани, в пространстве от Лабы до Малки, на плитах раннесредневековых склепов, на потолках и стенах вырубленных скальных пещерок (могил) и на предметах быта археологами были обнаружены рунические надписи. Вот некоторые из них: Эгънбех белюгю дйог эни эш ойуштук. Ижден эле ол (Эгюнбега надмогильный знак, поминання дом — погребение выдолбили мы. Предстанет перед богом); Дйогшыу эн эш мен Эг Бка ... улум а бёкмёт...м уйа эрен аз айырылтым. (Поминальный дом (лежбище) — погребение, я, Эг-Бка... сыном своим (о горе!) не наслаждался, от родственников, от мужественных азов отделился); Жгугтур учемгә менчүр элииче ур бити эшгән (В третьем (месяце года) горного козла, в тысяча сто пятидесятом, выбитой надписью воздает хвалу).

Дешифровав эти надписи, карачаевский ученый С. Байчоров сделал вывод об их тюркском характере. «Анализ языка рунических памятников Приэльбрусья показал, — пишет он, — что по своим графо-фонетическим особенностям он — протобулгарский, имеющий д'- и ж-диалекты, которым характерен ротацизм. Первый из них известен как дунайскобулгарский, второй — как волжскобулгарский».

Стало быть, протоболгары, исходя из природных условий, в честь погребенных сооружали поминальные дома и составляли надписи. Здесь интересно сопоставить протобулгарское слово **белюг (белюх)** с волжскобулгарским **бэлүк** со значением «надмогильный знак, памятник», в которых наблюдается полное соответствие значения и формы. Когда-то у древних болгар, как и у многих древнетюркских племен, над погребениями, очевидно, ставились символы человеческого изображения для по-

гребально-поминальных обрядов. Вначале это могли быть просто камни или дерево, затем им стали придавать некоторый человеческий облик, сравните, например, отголоски такого явления в татарском языке, где употребляются сложные слова **ташбилге** (каменный знак). — кстати, ряд древних болгарских кладбищ называется так, есть и села, носящие такое название; **тораташ** (каменное изваяние; небольшая скала); **сынташ** (каменная баба), в которых вначале отсутствовал текстовой материал.

Теперь трудно утвердительно ответить об установлении какой-либо отметки над погребенными ранними булгарами на Волге, потому что чаще всего захоронения открываются случайно во время вспашки или обвала обрывов. Все же изучение археологами Больше-Тарханского могильника (конец VIII — начало IX вв.) ранних булгар показало, что ни в одном случае не наблюдалось взаимного нарушения могильных ям. А ведь изучено было 366 погребений! Все это позволяет предполагать, что могилы сверху имели какие-то отметки. Были это простой холмик или деревянное сооружение, исчезнувшее от времени, — сказать невозможно.

Синхронный Больше-Тарханскому Кайбельский могильник был оставлен племенами, близкими в культурном и этническом отношении к Тарханскому, но здесь над могилами насыпали холмики. В Танкеевском (в 20 км от г. Булгара) могильнике было исследовано около 1000 как языческих, так и мусульманских захоронений середины IX—X веков. Хотя на поверхности не заметно никаких отметок, однако нарушения одной могилы другой не наблюдается. Это говорит о том, что все-таки какие-то внешние указатели существовали.

Во время экспедиционных выездов на древних кладбищах, которые иногда трудно и признать за кладбища — до того задернованы и напоминают лужайки — нет-нет да можно обнаружить небольшие камни, поставленные в каком-то порядке. Иногда камни обозначают периметр могил. По всей видимости, это те самые каменные знаки («таш билге»), указывающие место захоронения и являющиеся символическим образом покойного. Нельзя упускать из виду и тот факт, что Волжская Булгария была многоплеменным государством и, возможно, у некоторых племен, связанных больше с коче-

вым образом жизни, не было традиции обозначать могилы.

Вспомним классический случай с великим персидским царем Дарием I во время его похода против скифов, о котором рассказал Геродот. Не имея сил противостоять полчищам Дария, скифы стали отступать и заманивать персов в степи. Наконец Дарий не выдержал и отправил царю скифов послание. «Чудак! Зачем ты все время убегаешь, хотя тебе предоставлен выбор?» — писал он.

Царь скифов Иданфирс не замедлил с ответом: «У нас ведь нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения и поэтому не вступили в бой с вами немедленно. Если вы желаете во что бы то ни стало сражаться с нами, то вот у нас есть отеческие могилы. Найдите их и попробуйте разрушить, и тогда узнаете, станем ли мы сражаться за эти могилы или нет».

Таким образом, способ захоронения целиком зависел от погребального культа, господствующего в системе мировоззрения того или иного племени, союза племен. В истории известны разные погребальные обряды, имеющие как некоторые общие элементы, так и различия в ритуальных действиях. В Волжской Булгарии с X века получил распространение мусульманский обряд захоронения со своими нормами и правилами. И от золотоордынского периода истории этого раннефеодального государства дошли до нас эпитафии, написанные арабским письмом. Могилы предков олицетворяли для народа родную землю, родину и считались священными.

И ВРЕЗАЛСЯ РЕЗЕЦ В КАМЕНЬ

Сохранившиеся эпиграфические памятники Волжской Булгарии охватывают конкретный исторический отрезок — XIII—XIV вв. У нас нет фактов обнаружения более ранних эпитафий волжских булгар. Однако следует учесть, что многие надгробия на заброшенных кладбищах уничтожаются либо исчезают, нередко они вовлекаются в арену своеобразной религиозной или межфеодальной борьбы, либо используются на хозяйственные нужды населением.

Как бы то ни было, из сохранившихся на сегодняш-

ний день эпитафий самый древний датирован 1271 годом, найден он на развалинах Булгара. Правда, в 1770 году Н. П. Рычков, подробно описавший кладбище в Биляре со множеством стоящих и лежащих на земле плит с надписями, сообщал, что в Биляре находится надмогильный камень 1173 года. Он ссылаясь на сообщение одного муллы о дате древнего камня, сам он читать арабские тексты не мог. Пока эта дата остается простым сообщением, которого нельзя не подтвердить, не опровергнуть. Попутно хотелось бы заметить, что некоторые современные служители религии или люди, владеющие старотатарским письмом арабскими буквами, называют даты и более древние, указывая при этом на эпитафии 100—200-летней давности. Чтение надписей на камнях иногда не под силу даже владеющему арабским языком. Для этого необходимо разбираться в особенностях письма на твердых предметах и иметь определенные навыки чтения.

Появившиеся на определенной стадии развития болгарского феодального общества эпитафические памятники неразрывно связаны с историей болгарского, позднее — татарского народов. Они повторяют этапы развития общества, остро реагируя на его взлеты и падения.

Обычно возникновение традиции установления эпитафических памятников в Среднем Поволжье и Приуралье все исследователи единодушно связывают с проникновением и распространением в Волжской Булгарии мусульманской религии. Многочисленные примеры на матерналах Аравии, Кавказа и Средней Азии, где имеются более ранние памятники домонгольской эпохи, подтверждают такое мнение.

Ислам начал проникать в Волжскую Булгарию задолго до официального его принятия в 922 году царем Алмушем, хотя большинство исследователей принимают эту дату за начало мусульманизации края. Х. Френ и Б. Мункачи считали, что мусульманство распространилось среди болгар в VIII веке. Действительно, некоторые болгарские племена могли познакомиться с исламом еще во время арабских северных походов.

По мнению известного востоковеда В. В. Бартольда, болгары приняли ислам в IX веке. Такого же мнения придерживался Ш. Марджани. Наличие мечетей и училищ при них до официального принятия в Волжской Булгарии мусульманства отмечал персидский географ

Ибн-Руста, написавший свое сочинение около 903—913 годов. У самого Ибн-Фадлана отмечается, что до прибытия посольства багдадского халифа Алмуш уже был мусульманином и в Булгарах жило мусульманское духовенство. В мусульманизации края была ощутима роль Средней Азии. Ибн-Фадлану пришлось нелегко, возражая против некоторых обрядов среднеазиатского ханифитского толка. Разумеется, в это время не может быть и речи о массовом распространении мусульманства. В первую очередь ислам был принят феодальной верхушкой и купечеством, однако в XI—XII веках новая религия довольно широко распространяется среди всех болгар, потому что высшим слоям выгодно было иметь единобожие, а окончательный выбор в пользу ислама был продиктован политическими соображениями и интересами торговли. Это подтверждается и археологическими материалами. Так, в болгарских могильниках IX — начала XIII веков (Танкеевский, Тетюшский, I Старокуйбышевский, Измерский, II и III Билярский и др.) выявлен выдержанный «ортодоксальный» мусульманский погребальный обряд. Здесь наблюдается значительная унификация деталей: строгое соблюдение кыблы, единообразие в положении тела с легким поворотом на правый бок, правая рука вытянута вдоль корпуса, а левая согнута на таз. Полностью отсутствует какой-либо реликтовый инвентарь, по-прежнему на могилах не заметно следов надгробий.

Распространение ислама и вместе с ним арабской письменности, приобщение к высокоразвитой в то время мусульманской культуре являются одним из факторов возникновения традиции установления надмогильных памятников с выдержками из корана, однако между этими двумя явлениями нет прямой связи. Обычно эпитафика возникает немного позднее. На Северном Кавказе, например, между распространением ислама и появлением эпитафических памятников существует хронологический разрыв, достигающий 200—300 лет.

В установлении и развитии данной традиции немаловажную роль сыграли социальные факторы. Эпитафические памятники со своеобразной орнаментацией, красивым, каллиграфическим письмом — не только последняя дань умершему человеку. Она, в первую очередь, служила живым людям. «Божественная воля, проявлением которой является власть кагана, верность кагану беков

и народа, подчинение народа бекам — таков лейтмотив идей в рунических надгробиях», — пишет С. Г. Кляшторный, исследовав тюркские рунические памятники. То же самое мы можем сказать и о булгаро-татарских эпиграфических памятниках. Только этим можно объяснить живучесть возникшего когда-то в древности обычая, как-то отметить могилу родственника или соплеменника, хотя ортодоксальный ислам с осуждением относится к установке над могилой какого-либо сооружения.

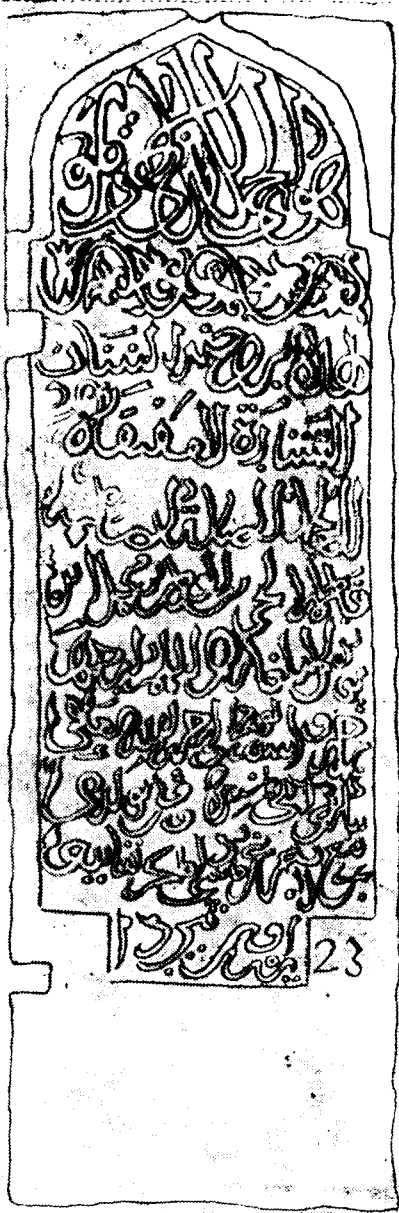
Мусульманское право ханифитского толка не рекомендует отмечать могилы камнями или другими знаками, кроме земляной насыпи, однако и ортодоксальный ислам допускает исключения, разрешая установку надгробий или камней.

Надмогильные памятники, пусть это будет пышно оформленное надгробие, небольшой памятник с именем покойного или просто обработанный камень без надписи, могли ставить только состоятельные люди — правящая верхушка, военная и торговая аристократия, служители культа. Эпитафии являлись самовыражением привилегированности знати, демонстрацией своей знаменитости. Ведь недаром на некоторых болгарских эпитафиях перечисляются предки до девятого поколения с титулами и пышными эпитетами и начиная с 20-х годов XVI столетия на обороте эпитафий вырезали имя человека, поставившего, то есть заказавшего, эпитафию. Это делается несмотря на то, что в эпитафиях по мусульманским канонам разрешается приводить только высказывания пророка, благочестивые изречения и имя погребенного. «Памятники эти, с их непонятными для широких масс народа арабизмами, — пишет известный эпиграфист Г. В. Юсупов, — были для них своего рода символами, обожествлявшими личность представителей правящей феодальной верхушки».

Правящая верхушка имела свои кладбища, куда не допускалось погребение простого народа. Это вышеупомянутые «ханские» кладбища, кладбища мурз (например, у села Янцевары Сабинского района), имеется предание о кладбище военачальников в селе Кульгуны Апастовского района. В то же время исследователями зафиксировано много кладбищ беднейшего населения, в том числе в городах Булгар и Сувар, где не было никаких памятников и лишь осевшая земля указывала на наличие погребений.

Социально-политический смысл проявляется в устройстве самих кладбищ. Многие из них огорожены небольшим валом и рвом, а Большеатряское имеет 4 площадки разной высоты, огороженные земляным валом. Их можно рассматривать как фамильные места захоронения феодалов. Подобные явления, по-видимому, имели место в эпоху Казанского ханства и в более поздние времена. Имеются исторические данные, указывающие на захоронение некоторых казанских ханов в особо почитаемых мусульманских местах.

Социальный смысл памятников особенно четко отражается в характере оформления, величине памятника, а также в титулатуре и в терминах социального характера. Представители феодальной верхушки ставили огромные, весом более тонны, изящно оформленные плиты. Трудовое население было в состоянии ставить лишь деревянный кол или простой камень, помеченный родовым знаком.

Памятник Фатима-эли
дочери Аййуба. 1311 г.

Огромное количество подобных памятников известно на кладбищах XVIII—XIX веков. Надписи пестрят титулами феодалов и служителей культа, здесь есть эмиры, шейхи, султаны, имамы, беки, муллы, хаджи, дружинники, мурзы, но нет ни одной эпитафии, поставленной на могиле труженника-земледельца или ремесленника.

Таким образом, болгаро-татарские эпитафические памятники не отличаются от других типов надмогильных памятников или сооружений — стел, изваяний, курганов, мавзолеев и т. д., служивших одной цели — возвышению личности, поклонению высшему сословию общества через их предков.

В возникновении традиции установления эпитафических памятников нельзя исключать и этнический фактор. Принадлежность эпитафических памятников на территории Среднего Поволжья и Приуралья болгарскому, а позднее татарскому народу — установленный факт. Однако в сложении болгарской народности наряду с булгарами, суварями, берсулами, нохратами, эсегелями, темтюзами, сабакулянами, баранджарами принимали участие и местные ананьинские, пьяноборские и именьковские племена. Позднее определенную роль сыграли половцы-кипчаки. Так, среди этих племен и народностей ананьинцы и кипчаки имели обычай устанавливать на могилах своих соплеменников надмогильные памятники — стелы и каменные изваяния. Стелы ананьинских вождей обнаружены в 10 км от Булгара на Ново-Мордовском могильнике. Памятники с полукруглым верхом, изготовленные из местного известняка, с изображениями символа власти секиры и кинжала в верхней части, показывают высокое мастерство ананьинских мастеров резьбы по камню. К приходу болгарских племен в Среднее Поволжье такие памятники стояли, вероятно, не только в Ананьино и Ново-Мордове, но и во многих других местах. Почитаемые местными племенами эти памятники, видимо, вызвали уважение и у пришлых людей. Показательно то, что рядом с огромным городом, где возводились белокаменные здания, эти давнозабытые камни не были использованы как строительный материал и сохранились до наших дней. Если ананьинские стелы для булгар были свидетелями давно прошедших времен, то многочисленные половецкие каменные изваяния украшали бескрайние степи южнее болгарских границ в период расцвета домонгольской Булгарии в XI—XII ве-

ках. Известны каменные бабы и из болгарских земель — с территорий современной Куйбышевской и Ульяновской областей. Одна такая находка сделана даже в Бугаре, далеко на севере от территории проживания половцев. Во время раскопок мавзолея в южной части городища в кладке была обнаружена голова каменного изваяния. Кроме того, известны кочевнические кипчак-

ские погребения на территории Ульяновской области и в Татарии, то есть в непосредственно болгарских землях. Думается, что до появления болгарских эпиграфических памятников в среде определенной части населения у кипчаков были распространены и каменные бабы.

Если идти в глубь истории, то можно определить, что надмогильные памятники с надписями, где упоминались имя человека, дата смерти и изречения из священной книги мусульман — корана, впервые появляются в Аравии в VII—VIII веках, несмотря на резко отрицательное отношение ортодоксального ислама отмечать могилы единоверцев. Это были небольшие камни грубой обработки с некаллиграфической надписью.

Через два столетия подобные надписи появляются в Средней Азии, а чуть позже на Кавказе — в Дербенте. Среднеазиатские надмогильные камни-кайраки также мало подходят к болгарским. Круглые и овальные по форме, без орнамента памятники в эпоху мусульманского ренессанса выглядели анахронизмами.

На возникновении и развитии искусства резьбы по камню в Волжской Булгарии не чувствуется большего влияния Средней Азии, Крыма или Кавказа. Близость орнаментации и стиля болгарских эпитафий к орнаментам восточных архитектурных памятников нужно рассматривать как общее влияние культурных центров мусульманского Востока на периферийные районы, какими являлись Булгары в XIII—XIV веках и Казань в XV—XVI веках. Более ранние мусульманские надмогильные памятники Средней Азии и Кавказа по типу и композиции текста не могут служить предметом подражания для болгарских эпитафий. С памятниками Дагестана их связывает только палеографическое сходство отдельных букв при написании простым куфическим почерком. Вероятнее всего, общим примером для тех и других были эпиграфические памятники Аравийского полуострова. Появление среди эпитафий Северного Кавказа и Кухистана памятников с надписью по бордюру, подобно Средне-Атнскому в Татарии, приблизительная передача собственных имен показывают, что эпиграфика Крыма, Кавказа, Средней Азии и Волжской Булгарии прошла одни и те же этапы развития.

Булгарская эпиграфика является итогом творческого развития письменности и малой архитектуры Волжской Булгарии. Об оригинальности памятников говорит еще

то, что в XIII—XIV веках Среднее Поволжье являлось своеобразным регионом, где существовала тюркоязычная эпиграфика. Булгаро-татарская эпиграфика в строгих рамках ислама сумела сохранить подлинно народные художественные и поэтические традиции. Наряду с местными и степными орнаментальными мотивами болгарские и татарские мастера широко использовали художественные традиции Востока. Творчески переработав достижения эпохи, они создали оригинальные высокохудожественные произведения, показывающие высокий уровень народно-декоративного искусства болгарского и татарского народов.

ИДЕТ ПОИСК КАМНЕЙ С НАДПИСЯМИ

В 1767 году, проплывая по Волге в Астрахань, императрица всероссийская Екатерина II решила обозреть остатки города Булгара и написала впоследствии об этом графу Панину, где упоминала, что несмотря на указание Петра I беречь болгарскую старину, во время царствования Елизаветы Петровны вместе с камнями от разрушенных зданий на строительство монастыря, погребов и церкви использовали и надмогильные плиты. Однако смотрела Екатерина безучастным взором любопытствующей путешественницы, и ее посещение никаких положительных последствий для сохранности болгарских памятников не имело.

В этом письме совершенно справедливо было упомянуто имя Петра Великого, так как именно он обратил внимание своих соплеменников на необходимость изучения Востока. Почти сто лет все дальнейшие разговоры об эпитафиях волжских болгар были связаны с его именем, он с чисто научных позиций сумел оценить значение традиций Востока. Направляясь в Персидский поход (1722 г.), он осмотрел и бывшую столицу некогда могучего государства в Восточной Европе и приказал списать для своей кунсткамеры тексты пятидесяти надгробий. И уже из Астрахани писал казанскому губернатору А. П. Салтыкову:

«Господин губернатор!

В бытность нашу в Булгарах видели мы, что у старинного болгарского строения башни (или колокольни) фундамент испортился, и оный надлежит подделать

вновь. Того ради пошлите туда ныне человек двенадцать или пятнадцать каменщиков с их инструментами и несколько бочек извести, а камня там старого довольно много есть, также и места старые по времени велите чинить. Подлинный его имп. вел. указ за приписанием собственных его вел. руки тако: Петр.

Из Астрахани во 2 день июня 1722 г.»

Со снятия копий с указанных эпитафий начался отсчет времени в изучении болгарской эпиграфики, отчего это событие и было высоко оценено учеными-востоковедами. В частности, академик И. Ю. Крачковский писал: «Инициатива исследования восточных надписей в России принадлежит Петру I...»

50 текстов надгробий с Булгарского городища впервые были переписаны и переведены ахунот Кадыр-Мухаммедом Сюнчалеевым, слободским переводчиком Юсупом Ижбулатовым, а армянские тексты — армянином Иваном Васильевым. Любопытно, что имя ахунот Кадыр-Мухаммеда (Кадыр-Мамета) ранее уже упоминалось в печати: в 1712 г. он рассказал несколько легенд дьяку Андрею Михайлову о древностях Булгара. Видимо, он не был случайным человеком в Булгаре, а входил в состав охраны святынь города и постоянно проживал там. В связи с этим вспоминаются строки из стихотворения татарского поэта XVII века Мавля Кулыя, который заявлял, что «сказывал он вирши свои в кельях дервишей града Булгара». А чуть больше ста лет до него его собрат по перу Мухамедьяр, известный двумя своими великолепными поэмами, старательно выводил вязью такие строки:

В болгарской Казани у ворот,
Толпа людей изумленных у ворот.
Иссушен я всецело, о властитель,
Часовой могилы Мухаммед Амина.

Очевидно, у мавзолеев Булгара по сложившейся традиции долгое время обитали разные представители духовенства и дервиши. Они считали себя своего рода «охранниками» могил предков и кормились за счет приезжавших на поклонение людей из разных концов страны. По всей видимости, таковым являлся и ахунот Кадыр-Мухаммед Сюнчалеев. Как бы то ни было, сегодня благодаря ему наука располагает текстами пятидесяти эпитафий XIII—XIV веков.

В течение XVIII века в Поволжье побывал ряд экспедиций, и каждый, кто считал эпиграфические памятники Волжской Булгарии достойными внимания, приводил тексты эпитафий, списанных по указу Петра I. В 1762—1767 годы в Казанскую губернию по именному указу был командирован подполковник Свечин, человек далекий от эпиграфики, от изучения Востока. Хотя его задачей был поиск дуба, годного для кораблестроения, в своем донесении он счел необходимым привести русские переводы всех мусульманских надписей из списка, хранящегося в казанском губернском архиве. Имея в руках оригинал списка, он отметил имена переводчиков, а также и хронологические пометки типа «сбоку помечено: сему камню 553 лета», «оному камню 557 лет» и т. д. Записки А. М. Свечина были опубликованы историком П. В. Калачевым лишь в 1879 году.

В Среднем Поволжье побывала экспедиция академика И. И. Лепехина, который отмечал: «Студент Николай Озерецковский, ездивший за нуждами в Казань, имел случай осмотреть и описать остатки Болгаров, древнего татарского города». В то время Озерецковский списал в губернском архиве и переводы трех армянских и 47 мусульманских надписей, скопированных в свое время по указу Петра I.

Перевод текстов, опубликованных И. И. Лепехиным в 1771 году, не удовлетворил научный мир. Булгарскими надписями заинтересовался немецкий востоковед Генрих Юлиус Клапрот, с 1804 года начавший работать в Петербургской Академии наук. Ему граф Потоцкий доставил копии надписей на арабском шрифте и их перевод. Исследовав тексты, Ю. Клапрот издал их на французском языке с воспроизведением написания арабскими буквами. По существу эта была единственная публикация, где тексты приведены арабским шрифтом, хотя известный востоковед и сетовал, что копия сделана кем-то совершенно не знающим языка и письма эпитафий. Этот труд стал доступным русскому читателю благодаря профессору-арабисту Казанского университета Ф. И. Эрдману, опубликовавшему эти тексты с некоторыми уточнениями, на основе издания Ю. Клапрота, в 1832 году в журнале «Заволжский муравей». У Эрдмана имеется одно любопытное замечание о копии, сделанной для Ю. Клапрота. Он отмечает, что копия теперь хранится

13
 هو التي التي لا يموت
 والجميع سواها يموت
 مرحسن اطرافها من غير ان يدور في الارض
 رحمه الله

Всѣмъ православнымъ христианамъ
 отъ Петра Великаго
 указъ о погребеніи усопшихъ
 въ каменныхъ гробахъ
 въ Петербургѣ
 1717

15
 الخليفة العلي الكبير
 ابو بكر دارون محمد بن ابي ترتر
 نقلت اليكم كتابه في تاريخ حيا
 حمار الطير

Всѣмъ православнымъ христианамъ
 отъ Петра Великаго
 указъ о погребеніи усопшихъ
 въ каменныхъ гробахъ
 въ Петербургѣ
 1717

11
 هو التي التي لا يموت
 امانة خواجه دارون حسن خواجه بي بي
 نقلت اليكم كتابه في تاريخ حيا

Всѣмъ православнымъ христианамъ
 отъ Петра Великаго
 указъ о погребеніи усопшихъ
 въ каменныхъ гробахъ
 въ Петербургѣ
 1717

Лист списка, составленного для Петра I

в Государственном архиве в Москве. Но что это за архив — он не указал.

В 1815 году в Казани случился большой пожар, от нем был охвачен и губернский архив, где сгорели бесценные подлинники болгарских надписей, составленные по указу Петра Великого. В таких случаях важными документами остаются копии, сделанные с них в разное

время разными лицами — ведь большинство эпитафических памятников к тому времени уже исчезло.

Здесь уместно будет привести слова С. М. Шпилевского, высказанные на I годовом публичном собрании Общества археологии, истории и этнографии в 1884 году: «Сообщали мне о том, что будто бы у одного помещика в Спасском уезде выложен на дворе целый тротуар из камней с надписями. Другой спасский помещик сам рассказывал мне, как он распорядился о перевозе огромного камня с надписями из с. Успенского, т. е. Булгарского городища, к себе в имение, но, к сожалению, по дороге этот камень возчики разбили. Вспомним, наконец, показание одного из старинных описателей древностей г. Булгара Кафтаникова, что многие надгробные памятники свезены окрестными жителями под фундаменты частных домов». Плиты с надписями использовались для строительства фундамента церкви Успения и колокольни, а также ремонта некоторых других объектов.

В наши дни эпитафические памятники обнаружены во время реставраций Малого минарета, ханской усыпальницы, Черной палаты и при раскопках Белой палаты. Нельзя не учитывать и то, что известняковые плиты со временем отслаиваются, покрываются ячеистыми разрушениями — время не щадит и камни.

В Центральном государственном архиве древних актов в Москве хранится одна папка, указанная как карты Казанской губернии. В ней хранится описание Булгарского городища, сделанное подполковником Савенковым и геодезистом Крапивиным, а также карта городища и опись зданий. Здесь же лежат записанные предания о Булгаре и копия с петровского списка, озаглавленная как «Азовские и армянские надписи на развалинах с переводом на русский язык». Почему азовские, ведь это — копия списка, снятого по указанию Петра I. Если так, то для кого она предназначалась? Вопросов много и найти ответа на них пока не удастся. Ясно одно, копия не была снята Савенковым и Крапивиным собственноручно, так как в отличие от других бумаг, составленных ими, этот документ не подписан, и для него употреблена особая голландская бумага (судя по филиграну), которая была в употреблении в конце XVII и первой половине XVIII веков. Трудно судить о владении указанных

лиц арабской каллиграфической скорописью, которыми переписаны тексты эпитафий.

Когда-то эти документы хранились в Московском главном архиве Министерства иностранных дел и можно было бы предположить принадлежность копии надписей именно Ю. Клапроту (вспомним примечание Ф. И. Эрдмана, что клапротовская копия хранится в Московском государственном архиве!), так как и здесь не указаны переводчики и возраст памятников, а во время переписки могли использовать бумагу из старых запасов. Все же некоторые «мелочи» пока не позволяют утвердительно решить этот вопрос: во-первых, порядок расположения текстов у Ю. Клапрота (И. Ф. Эрдмана) и в копии различен; во-вторых, не совпадает прочтение некоторых имен, например, Ю. Клапрот приводит имена Фил, Мухаммед, а в копии — Мэмэк, Махмуд; в-третьих, имеются пропуски слов и целых фраз. А ведь Ю. Клапрот был выдающимся востоковедом, обладавшим большими и разносторонними знаниями, он занимался многочисленными восточными (в том числе тюркскими) языками. Как бы то ни было, последующие исследователи болгарских эпитафий опирались на его чтение.

В 1846 году посетил Булгарское городище и изучил имеющиеся там надписи профессор Казанского университета И. Н. Березин, который отметил, что снятые при Петре I надписи «в нынешнее время уже большею частью не существуют». В то же время он непосредственно изучил и новые памятники. Все это позволило ему критически подойти к предыдущим публикациям и, исходя из общей типологии болгарской эпитафики, исправить ряд искажений и ошибок. Лишь в одном он повторил ошибку своих предшественников — в определении датировки памятников.

Во многих текстах четко была вырезана непонятная фраза из семи арабских букв в виде ЖИАТ ЖҮР *. Это принималось как нечто особенное, за специальное указание на событие, связанное с историей всего государства. В арабском языке есть одна особенность, когда различные буквы могут обозначать и цифры (так называемые цифры абжад). Если учесть цифровое обозначение, то получается Ж=3, И=10, А=1, Т=400; Ж=3,

---

* Строчными буквами нами даются слова не в чтении, а в транслитерации.

$\gamma=6$, $P=200$. В сумме выходит 623, которая понимается как год какого-то нашествия или «пришествие угнетения». В современном летосчислении это соответствует 1226 году. Году, указывающему вроде бы на монгольское нашествие. Однако исторические источники под этим годом не приводят каких-либо знаменательных событий, связанных с булгарами. Первая крупная битва монгольских войск с булгарами произошла в 1223 году где-то в районе Самарской Луки. Тогда, применив военную хитрость, булгары заманили противников в засаду и почти всех перебили. Следующий набег монголов произошел через шесть лет, но и тогда почти 30-тысячное войско, возглавляемое Субэдэем, было остановлено еще на подступах к Булгарии.

Крупное нашествие началось в 1232 году, но, как сообщает древний летописец, войско «зимоваше не дошедше Великаго граде Болгарьского». Монгольское войско оказалось бессильным перед соединенными отрядами булгар. После трехлетней войны на курултае в столице Монголии Каракоруме было принято решение организовать общемонгольский поход для покорения Европы. Под натиском превосходящих сил противника в 1236 году Волжская Булгария пала, был разгромлен один из древних культурных центров Европы. В русских летописях под 1236 годом было записано: «...осени приидоша от восточные страны в Болгарьскую землю безбожнии Татари, и взяша славный Великий город Болгарьский и избиша оружием от старца и до унага до сущаго младенца и взяша товара множество, а город их пожгоша огнем и всю землю их плениша».

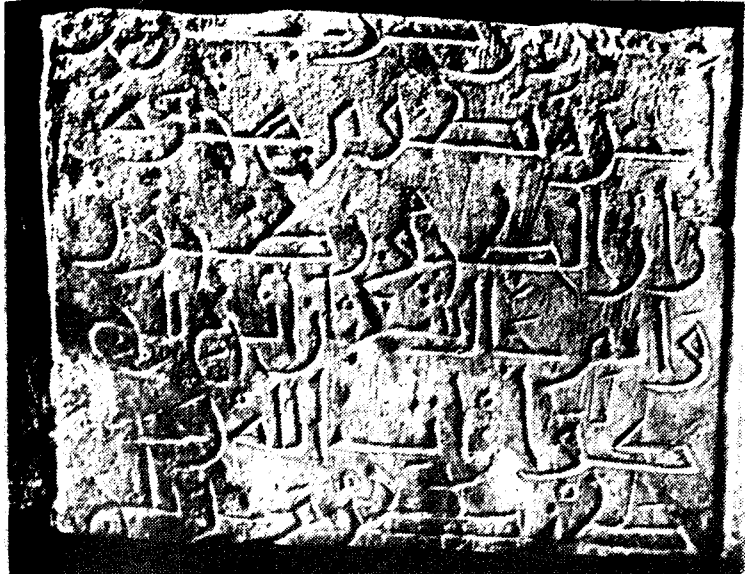
Как видим, 1226 год не был знаменит каким-либо выдающимся событием, принесшим горе и страдания народу Волжской Булгарии. Конечно, до подлинного понимания значения этой загадочной фразы оставалось ждать не так уж долго, но для этого необходимы были свой Вентрис, открывший древнейшую известную форму греческого языка, существовавшего до Гомера, или гений Шампольон, выведший египтологию из тупика, в который ее завели предыдущие исследователи. И такой гений нашелся. Это был преподаватель турецко-татарского языка Санкт-Петербургского университета Хусайн Фаизханов. Возвращаясь из экспедиции в Петербург, он остановился около Тетюш и исследовал там три надмогильных камня. Тщательно изучив надписи, он написал

небольшую статью, где, в частности, есть такие строки: «Особенное внимание обращает на себя во многих болгарских надгробных надписях выражение ЖИАТ ЖҮР. В моих снимках эта фраза очень ясна, так что даже при ней и знаки поставлены так: ЖИАТИ ЖҮР. Обыкновенно принимают эту фразу за арабскую, переводят ее словами: пришествие угнетения, и придавая ей смысл особой эры, выводят из числового значения букв год 623. По моему мнению, подобное объяснение едва ли может быть верно... Не следует ли, не вдаваясь ни в какие гадательные предположения, читать просто ЖИАТИ ЖҮР, т. е. ЙИТИ ЙҮЗ? В пользу моего чтения говорит и обыкновенные татар начальное «й» произносить и писать как «ж»... Что касается до буквы «р», употребленной вместо «з» в слове ЖҮР, то это можно объяснить отчасти ясностью (как и в слове СКР, т. е. СИКЕЗ) смысла и без точки, отчасти употреблением чувашских числительных слов в эпитафиях этого времени».

Таким образом, Х. Фаизханов так просто и ясно объяснил то, что не могли сделать ученые с мировыми именами. Его открытие позволило правильно установить датировку памятников и дало возможность начать разговор о структуре языка надписей — а ведь он не был болгароведом, хотя несколько ранее занимался чтением эпиграфических надписей г. Касимова. Когда через несколько лет при Казанском университете образовалось Общество археологии, истории и этнографии, началось планомерное обследование болгаро-татарской старины. Члены Общества выезжали на раскопки Булгарского городища, вместе с археологическими находками приносили снимки надмогильных плит, а то и целые памятники. Так, стараниями С. Порфирьева и при участии дектора Д. И. Дубяго в вестибюле Казанского университета было установлено надгробие 1291 г. с Булгарского городища.

Таким образом, Общество археологии, истории и этнографии при университете взяло на себя нелегкую миссию собирателя и расшифрователя надписей на камне, выведенных арабской вязью или угловатыми буквами, хотя перед Обществом и стояли весьма масштабные задачи «изучения прошедшего и настоящего русского и инородческого населения в территории бывших Булгарско-Хазарского и Казанско-Астраханского царств с прилежащими к ней местностями». В Общество словно по

Фрагмент надписи. 1291 г.

невидимой нити потекли сообщения о находках, попытки перевода надписей, зарисовки надмогильных плит не только с Булгарского городища, но и из периферии бывшего государства волжских булгар. Здесь они расшифровывались, уточнялись, докладывались на общих собраниях и опубликовывались в «Известиях» Общества. Так, например, эпитафический памятник 1291 года, установленный в университете, сначала был опубликован И. Износковым (в переводе И. Готвальда) в 1893 г., а спустя 12 лет его уточненное чтение и перевод напечатал П. Катапов. В результате прекрасный образец исторического документа и искусства каллиграфии волжских булгар стал доступен всем, кто интересуется культурой волжских булгар, которая органически связана с культурой казанских татар.

Если вышеупомянутый памятник был найден во время ремонтных работ в церкви святого Николая (т. е. в бывшем мавзолее), то у Белой палаты (ее считают бабей) летом 1887 года В. Казаринов обнаружил 13 обломков от разных могильных камней. Плиты с надписями были вделаны и в южный фасад здания. В данное

время тексты и переводы этих надписей хранятся в коллекции Готвальда рукописного фонда Научной библиотеки имени Н. И. Лобачевского.

Когда принесли эстампажи, библиотекарь университета профессор И. Ф. Готвальд долго сидел над листами бумаг, покрытых черными затейливыми узорами букв. В свое время, побывав на раскопках Белой палаты, профессор Н. А. Толмачев типографскими красками сделал для него оттиски обломков и теперь ему предстояло из сплошного тумана краски выделить буквы, расшифровать и составить в слова.

Лист за листом просматривал неутомимый Готвальд, перебирал их, некоторые откладывал в сторону и вновь подносил к глазам. Вот уже он с легкостью читает сохранившиеся слова. Увы, ничего нового. Известные имена, отдельные фразы и цифры. Но вот его взгляд остановился на одном листе: верхняя часть надписи неразборчива, а несколько ниже разобрал слово «шейх» и дату — джумада второго месяца 620 года! Это соответствует июлю месяцу 1223 года, но в то время из известных памятников самый ранний датировался концом XIII века и, несколько засомневавшись в своем чтении, Готвальд около перевода даты поставил знак вопроса.

Здесь хочется привести слова И. Ф. Готвальда об этих обломках, который отмечал, что «хотя надписи эти для объяснения исторических событий не представляют никаких важных фактов, но в отношении начертаний и видов букв, в развитии письменности, они составляют весьма ценный материал для археологии, — при том ни одна из них не находится в собранных при Петре Великом и изданных Лепехиным, Клапротом, Эрдманом и Березиным».

В конце XIX — начале XX веков в Булгарах было найдено еще несколько эпиграфических памятников, которые нашли отражение в публикациях Н. Ф. Катанова, С. Е. Малова и Г. Ахмарова. В последующие годы по разным причинам поиск новых памятников прекратился, и ставшие известными миру надписи стали служить отправным пунктом всех исследований, предпринимавшихся в области болгароведения, точнее, для этнических поисков на основе характеров слов, начертанных на камнях. В этот поиск включились и убежденные сединой ученые, и любители, лишь понаслышке знакомые с приемами чтения эпиграфики. Между тем еще в 1929 году

прозвучал голос П. Е. Корнилова, призвавшего изучать памятники комплексно, а не увлекаться лишь отдельными яркими признаками. «До сих пор это изучение, — отмечал он, — протекало исключительно по линии лингвистики... Изучение надгробных памятников, как памятников материальной культуры, не имело место до сих пор, но нам хорошо известно из личных наблюдений, что последние являются единственными носителями древней орнаментики, совершенно забытой к нашим дням в других видах изобразительного искусства, в форме самих памятников мы можем кое-что почерпнуть для понимания архитектурных деталей прошлого. Изучение надписей дает материалы лингвистического и историко-бытового характера». Это означало, что только из совместной работы ученых разных профилей складывается ясная картина материальной и духовной культуры волжских болгар и в дальнейшем можно будет проследить ее развитие или изменение.

В сентябре 1942 года в Булгарское городище прибыла специальная эпиграфическая экспедиция Научно-исследовательского института татарского языка, литературы и истории (ныне — ИЯЛИ КФАН СССР) во главе с известным археологом Н. Ф. Калининым. Что же побудило ученых мужей копировать надписи, когда весь мир содрогался от взрывов фугасок и свиста пуль? Под грязными сапогами фашистских бандитов гибли величайшие исторические памятники и нашим правительством было принято решение начать переучет всех исторических ценностей и принять меры к их сохранению.

Такая работа велась и в Татарии. Эпиграфическая комиссия трудилась в музее республики, копируя и фотографируя экспонаты, имеющиеся надписи, выезжала в экспедиции. Необходимо было зафиксировать как можно полнее и те надписи, которые находились на территории Булгарского городища. Комиссией была намечена раскопка, фотографирование каждого объекта, точные зарисовки, обмеры и чтение надписей на месте. К сожалению, фотографирование проводить им не удалось, так как не прибыл фотограф.

Первым делом были раскопаны плиты с надписями из фундамента церкви Успения, незафиксированными остались лишь тексты памятников, лежащих плашмя в нижнем ряду кладки. Н. Ф. Калинин срисовал надгробия из Черной палаты и бывшей церкви св. Николая. Таким

образом, в Булгаре комиссией было учтено до 50-ти памятников, большинство которых имело точный рисунок. Если вспомнить посещение профессором И. Н. Березиным Булгара в 1846 году, то тогда он сообщал, что «в настоящее время сохранилось в Булгаре до 36 камней с мусульманскими надписями: все они представляют эпитафии. Из числа их десять эпитафий находятся в снимках, сделанных по приказанию Петра Великого». Таким образом, в 1942 году были выявлены памятники, никогда ранее не изучавшиеся.

Однако подлинно научное исследование «кладовых» городища только начиналось. В 50—60-х годах новые камни были выявлены археологической экспедицией под руководством известного булгароведа А. П. Смирнова. Следует отметить, что в этот период раскрылся талант Г. В. Юсупова как эпитафиста. В поисках болгарских и татарских надгробий он обследовал почти все районы республики и некоторые сопредельные территории. Его находки способствовали дальнейшему развитию расшифровки болгаро-татарской эпитафики и их осмыслению. Из-под его пера вышла фундаментальная книга «Введение в болгаро-татарскую эпитафику» (М. — Л., 1960), прочитав которую можно измерить всю величину таланта автора и оценить значение его труда для последователей.

Выявление, изучение и охрана эпитафических памятников несколько усилились после организации Булгарского государственного историко-архитектурного заповедника в 1969 году, в фонды которого поступили 8 памятников из Булгарского музея и 23 памятника из Черной палаты. Видимо, Черная палата была некоторое время хранилищем древностей, существовавшим с 1877 года по 20-е годы XX столетия. Прошло всего несколько лет после открытия заповедника, как эпитафический фонд стал пополняться новыми находками.

В 1971 году во время ремонта церкви Успения были обнаружены 22 фрагмента надмогильных камней, а через 3 года выявлены 2 фрагмента в районе Малого минарета, 2 эпитафии у церкви Успения и еще 2 в южной части городища. В последующем любая реставрационная работа сохранившихся строений преподносила подарок в виде обломков фрагментов или целых памятников с письменами.

Таким образом, в настоящее время известны более

Обломок верхней части надмогильного памятника

150 эпитафических памятников с Булгарского городища, некоторые из них хранятся в Государственном музее ТАССР и Казанском университете им. В. И. Ульянова-Ленина.

ЛЕГ НА КАМЕНЬ УЗОР ПИСЬМА

Своеобразным видом художественного и культурного наследия Востока является архитектурно-декоративная резьба по камню, в том числе эпитафика. В Среднем

Поволжье эпиграфика достигла своего расцвета в конце XIII — первой половине XVI веков. Высокий и благородный синтез искусств связывал здесь воедино архитектурное и пластическое решение памятников, характер растительной орнаментации и изящной каллиграфии надписей. В орнаментике эпиграфических памятников сосуществуют различные формы и мотивы. Это обусловлено сохранением локальных народно-художественных традиций.

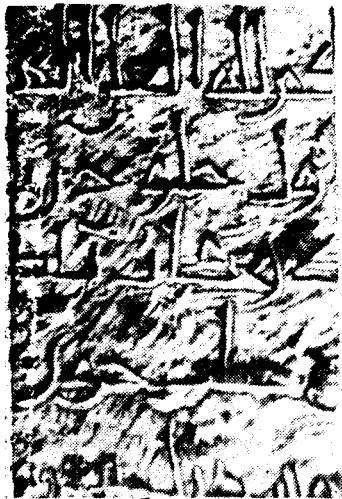
Многие тексты, выполненные в технике глубокой резьбы изящным почерком сульс или куфи, сами по себе являются образцами высокого каллиграфического и поэтического искусства.

Изучение множества точно датированных надгробных памятников Среднего Поволжья, тесно связанных с развитием народной архитектуры, позволяет проследить историю возникновения и развития традиционных художественных образов, декора, стиля в изобразительном искусстве болгарского и татарского народов.

Болгарские надмогильные памятники представляют собой прямоугольную, тщательно обработанную известняковую плиту в форме плоского параллелепипеда, длина которого колеблется от 70—80 см до 350 см при толщине 17,5—26 см и ширине 52—70 см. Верхняя часть надгробия, как правило, прямоугольная или слегка скошенная, с углубленными на 3—7 см плечиками и стрельчатой или килевидной аркой, где расположена кораническая формула, а иногда шести-, восьмилепестковая розетка. Редко встречаются памятники с остrokонечным завершением и как исключение нужно указать на два памятника с полукруглым завершением со сквозными плечиками.

У большинства памятников имеются боковые надписи, состоящие, как правило, из благочестивых изречений. Встречаются надписи и на обратной стороне плит.

Надгробия устанавливались вертикально в изголовье погребенного лицевой стороной на восток и врывались в землю, для чего четвертая или пятая часть плиты оставалась необработанной. Боковые части и обратная сторона памятников обрабатываются только в том случае, если наносится надпись или орнамент. Поверхность лицевой стороны камня состоит из завершения памятника с аркой или без нее (оголовник), где наносится

кораническая формула или орнамент основной части, где располагается текст, и основания.

Тексты эпитафий оформлялись рельефными или вре-
заннными (углубленными) буквами, почерками куфи,
сульс, насх и т. д. В отличие от надписей на металле,
булгарских печатках надписи на надгробных ясных, бук-

вы крупные, четкие. Только тексты некоторых эпитафий, отличающиеся своей величиной и пышностью оформления, вырезаны трудночитаемой арабской вязью.

Большинство болгарских эпитафий богато орнаментированы. Как правило, украшалась лицевая сторона камня, точнее, его верхняя часть и бордюр, нижняя и боковые части орнаментировались редко. Очень мало наблюдается узор, тем более текст, на обратной стороне надгробия.

По своеобразию оформления, орнаментации, технике исполнения и структуре текстов болгарские эпитафические памятники XIII—XIV веков разделяются по своему местонахождению на четыре региональных округа: Булгарский, Кирменско-Джукетауский, Восточный (Чишминский) и Северный. Булгарский округ охватывает Предволжье, Закамье, включая нижнее течение Малого Черемшана, Предкамья, учитывая среднее течение Мещи и верховья Казанки и Ашита. Здесь выявлено около 300 надгробий. Характерными чертами памятников этого округа являются наличие в верхней части стрельчатой арки с плечиками и текст, выполненный почерком стройного каллиграфического куфи или изящного рельефного сульса. Все памятники имеют бордюрное украшение из линейного или геометрического мотивов. Камни отличаются тщательностью отделки, наличием ярко выраженных бокового и заднего аспектов, где, как правило, фигурируют коранические формулы.

Одновременно выделяется несколько групп надгробий, отличающихся друг от друга техникой исполнения надписи и особенностями орнаментации и их расположения. Памятники с текстом, выполненные шрифтом сульс на арабском и тюркском языках, болгароязычные эпитафии с куфическим шрифтом, надгробия с различным оформлением заглавной формулы и основного текста и камни без арки и даты.

Другим крупным региональным округом распространения эпитафий является Кирменско-Джукетауский, который занимает восточную часть территории Волжско-Камской Булгарии. В Закамье его территория охватывает землю между р. Черемшан и Зай, в Предкамье к востоку от линии р. Ошняк, включая среднее течение Мещи до р. Вятки — на этой территории выявлено 37 кладбищ с более чем 90 эпитафиями. Особенности данного округа являются: в оформлении — отсутствие

рки, бордюрного украшения, закругленность верхней части, врезанный простой шрифт; в структуре текста — отсутствие коранической формулы «Он живой, который не умирает», наиболее характерной для Булгарского округа. Здесь размер памятников несколько иной, заметно некоторое увеличение толщины и ширины камней при одновременном сокращении их длины.

Восточный региональный округ булгарских эпиграфических памятников, связанный с бассейном средних течений рек Ик и Белой, занимает большую, но редко-населенную территорию, где выявлено 7 кладбищ с 12 надгробиями. По своему оформлению и языку здесь выделяются три группы памятников. Первые две (на арабском языке почерком сульс и болгароязычные с почерком куфи) идентичны эпитафиям Булгара, происходят из центра округа — поселка Чишмы, где, кстати, сохранились мавзолеи булгарского типа. Третья группа памятников, характеризующаяся своеобразной геометрической орнаментацией и большим количеством коранических формул в тексте, выполненные простым врезанным шрифтом, являются особенностью этого региона. Одновременно замечается значительное увеличение размера памятников этой группы, особенно их ширины и длины.

Далеко на севере от основной территории Волжской Булгарии у поселка Гурья-Кала Балезинского района Удмуртской АССР обнаружен памятник остроконечной формы с примитивной стрельчатой аркой и своеобразной формулой в тимпане, позволяющей его выделить как локальный вариант булгарских эпиграфических памятников.

С территориально обширного и типологически богатого Булгарского регионального округа происходят и самые ранние сохранившиеся памятники — эпитафия 1280 года из Иске-Казани, надгробие 1290 года из с. Ямбухтино Куйбышевского района и многочисленные надписи конца XIII века с Булгарского городища. В каллиграфии ранних эпитафий чувствуются определенные различия. Наряду с памятниками, написанными простым крупным шрифтом сульс (Иске-Казань), широко встречаются эпитафии с изящно исполненными текстами, например, памятники из Булгар 1271, 1290, 1291, 1297 годов и другие. Буквы их текстов врезаны под небольшим углом, что создает при боковом освещении игру света и тени. Этот прием, столь характерный для Восто-

ка, болгары перенесли на оформление надгробий. Заглавная формула, заполняющая тимпан свободно, воспринимается как элемент художественного оформления. К почерку этих надгробий палеографически очень близок крупнейший болгарский памятник из Кабанского городища, датированный Ш. Марджани концом XIII века.

Бордюр большинства ранних надгробий представляет собой прямые линии или рельефные полосы. Оригинальным и датирующим, как нам кажется, является орнамент, состоящий из двух параллельно идущих валиков, пересекающиеся через равные промежутки. Подобный орнамент можно увидеть в михрабе праздничной мечети Бухары, в арке мавзолея Гюлистан XII—XIII веков в Азербайджане, на бордюре бронзовой чаши второй половины XIII века из Булгара. Близки к этому орнаменту картуши болгарских дирхемов конца XIII века. Все это позволяет утверждать о существовании данного вида орнамента в пределах XII—XIII веков. Интересен памятник с Булгарского городища, в орнаментике которого сочетается растительный побег с вышеупомянутыми валиками.

Оригинален орнамент с трилистниками в бордюре эпитафий. Вырезанные рельефно высотой 2,5 см округленные листики расположены в отдельный ряд и вне связи друг с другом. На многих памятниках подобные трилистники композиционно входят в состав узора «виноградная лоза».

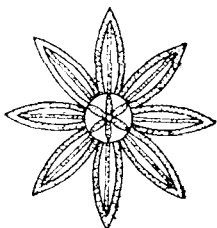
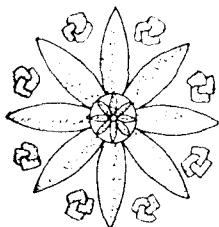
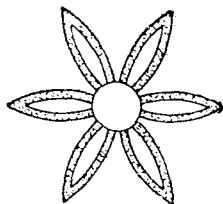
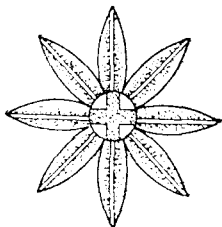
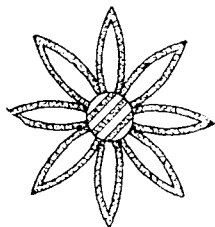
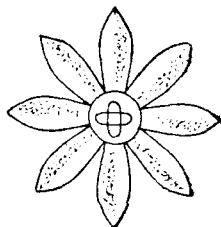
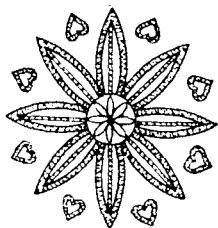
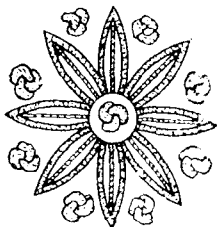
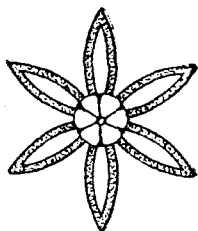
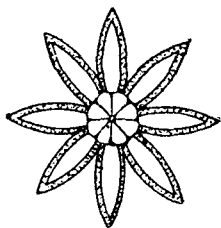
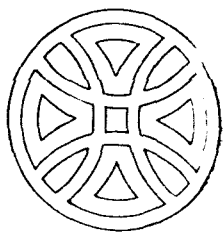
Два надгробия XIII века имеют между основными текстами и заглавной формулой орнаментальную полосу в виде растительного побега, который широко был распространен в Византии, на Востоке под названием «византийская ветвь» или «ислими». Наиболее ранние мотивы этого орнамента мы находим на византийских памятниках XI—XII веков. Данный мотив появляется и в русском искусстве, но наиболее широкое распространение он получает на мусульманских памятниках Средней Азии и Золотой Орды. Так, подобный орнамент мы видим на мавзолее султана Сенджара в Старом Мерве (XII век), во дворце Термезских правителей, на серебряном кубке из Белореченского кургана, на колчаных костяных накладках золотоордынского времени, на бордюре поливной чаши из Сарая-Бату и бронзовой чаши из Булгара. Этот орнамент украшает абрис некоторых эпиграфических памятников XV—XVI веков Казанского

танства и эпитафий XVII—XIX веков Дагестана. На болгарских памятниках крутые изгибы стебля завершаются мотивом трилистника или гроздьями винограда. В одном памятнике заглавную форму от основного текста отделяет широкая рельефная полоса.

Боковые части эпитафий оформляются значительно реже. Отмечено два десятка случаев, где они заполнены надписью. Обычно это суфийское изречение типа «Смерть тебя известит о сроке, а могила есть предел деяний», которое включено в одинарную или двойную рамку.

В украшении надмогильных памятников Булгара имеются и другие способы орнаментации. На одном из памятников, например, рамки разделены между собой полосой, состоящей из ряда мелких треугольников, а сверху дополнены орнаментом в виде луковицы с трилистником внутри. Боковые части двух надгробий украшены геометрическим орнаментом, состоящим из ряда ромбиков, пересеченных параллельными линиями, которые разделяют их на более мелкие треугольники. Внутренняя часть треугольников выбрана. Продолжением этой традиции нужно считать бордюрное украшение эпитафий XV века из с. Тат. Ходяшево. Подобный орнамент, в стиле выемчатой резьбы, встречается и в деревянной резьбе казанских татар, например, на столбе ворот села Бахтияр Арского района ТАССР. Для орнаментации лицевой стороны значительной части памятников характерно дополнение тимпана шести-, восьмилепестковыми розетками, типологически ранним вариантом чего можно считать орнамент одного памятника из Булгарского городища. Лепестки здесь узкие, с углубленными дольками по контуру. Во внутреннем кружочке и между лепестками — солярный знак, наподобие древнетибетского. Еще одно изображение сделано чуть повыше. В тимпане другого памятника во внутреннем кружочке расположена восьмилепестковая розетка, но отсутствует солярный знак. Разновидностью является аналогичный орнамент, когда между лепестками располагаются сердцевидные фигурки. Имеются еще несколько вариантов розеток, отличающихся друг от друга только изображением во внутреннем кружочке — креста, точки, врезанных линий и т. д.

Своеобразное оформление имеет надгробие из Булгара с шестигранной верхней частью и аркой, основной

Мотивы розеток на камнях

текст которого отделен от тимпана узкой рельефной полосой и двумя сердцевидными фигурками с отростками. Подобными виньетками украшаются и картуши болгарских монет конца XIII века. Текст целиком не восстанавливается, но в его начале и в тимпане читаются три коранические формулы, что на памятниках Булгарского округа встречаются крайне редко.

Надгробия из сел Татарский Калмаюр и Старый Баллыкуль, текст которых выполнен почерком рельефного (заглавная формула) и врезанного (основной текст) куфи, выделяются своеобразным орнаментом, состоящим из четырех розеток, расположенных на четырех углах оголовника. Основной текст от нижней части камня отделяется врезанной полосой с треугольниками. Наиболее близкими их аналогами можно считать надгробия из Малых Кайбиц и Старого Ромашкино, однако на последнем камне розетки расположены в нижней части надписи. На обратной стороне эпитафии из Малых Кайбиц имеется циркулярный орнамент, нередко применявшийся и на других камнях болгарского округа.

Любопытно, что наряду с растительными и геометрическими узорами, на эпиграфических памятниках отмечен и зооморфный мотив. Так, в эпитафии 1288 года из Булгар (хранится в Госмузее ТАССР) в нижней части камня наблюдается рисунок стилизованного изображения одноглавой птицы с раскрытыми крыльями. В последние годы найдено еще три камня с подобным орнаментом. Таким образом, это явление никак нельзя считать исключением.

По своему происхождению изображение птицы следует считать весьма древним, можно найти ряд аналогов этому и на местном материале. Изображение одноглавой птицы в эпитафиях обнаруживает сходство с соколом, спокойно парящим в полете, и это созвучно с татарским фольклором, где считается, что после смерти душа покидает тело человека в виде птицы. В татарском языке с этим связано словосочетание «кот очу», означающее сильный испуг. В его основе лежит слово «кот», которое объяснено в «Толковом словаре татарского языка» следующим образом: 1) дух, душа, которая, думается, может отделяться от тела; амулет, оберег; 2) красота, краса, удача.

Слово «*кут*» зафиксировано и в древнетюркском языке

к одному из значений которого были «душа, жизненная сила, дух».

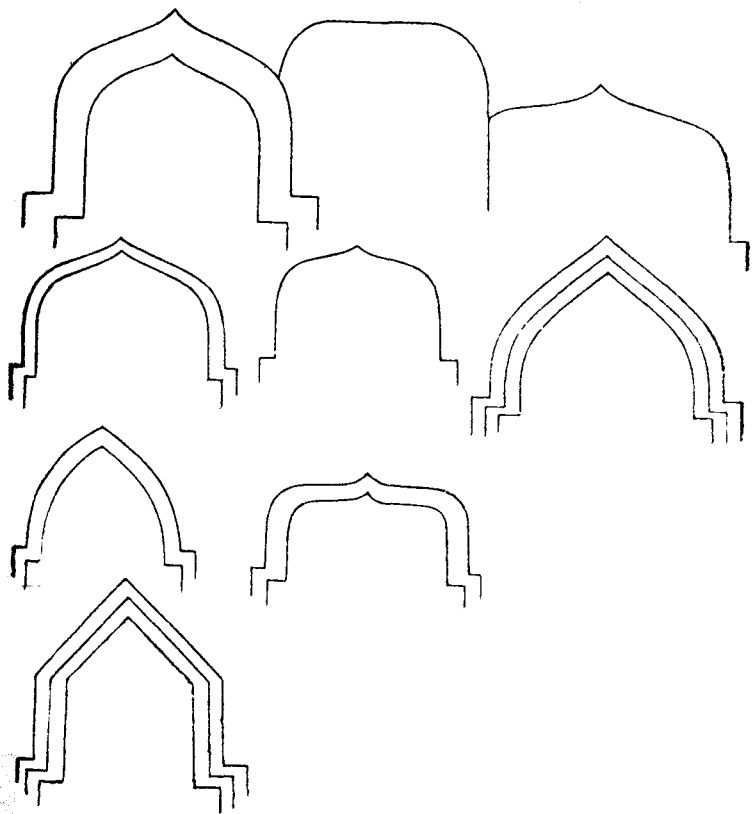
Данный мотив, на наш взгляд, отражен и в поэтическом тексте эпитафии XVI века из с. Нохраты: «Для смерти радость настала. Наша радость ушла. Как будто коварным соколом улетела...»

Еще одной примечательной чертой надгробий Булгарского округа является наличие стрельчатой и килевидной арок с плечиками. Они преимущественно крутые и, как исключение, зарегистрированы одна полукруглая, одна восьмигранная и несколько памятников без арок. Форма верхней части подавляющего большинства надгробий прямоугольная, однако встречаются памятники с полукруглым, остроконечным, пирамидальным и шестигранным завершениями.

Арка эпиграфических памятников олицетворяет михраб мечети. По религиозным понятиям, люди входят в мечеть для очищения своей души, и когда человек туда входит, у него ничего не должно остаться земного, он полностью во власти всевышнего. Поэтому, видимо, и площадь внутри арки — тимпан заполняется только фразами из корана. Человек, покидая земной мир, не умирает, а как бы переселяется в другой потусторонний мир и продолжает там свое существование. Такое представление о смерти подтверждается и высказываниями, помещенными в тексте эпитафий: «Всякая душа вкусит смерть, после вы к нам вернетесь», «Из мира бренного переселившись, в мир вечности ушел».

Здесь, по нашему мнению, проявляется вера в загробную жизнь древних булгар. В этом отношении интересно, что слово «умер» в памятниках употребляется весьма редко, чаще всего это понятие детализируется. Если в памятниках, язык которых напоминает татарский, обычно пишется: «Отошла к богу; отдалась милости аллаха всевышнего», то в эпитафиях другой группы (с р-язычными формами) это понятие связано с потусторонним миром: «Из мира бренного в мир вечности переселился».

Другим характерным признаком эпитафий Булгарского округа является наличие заглавных коранических формул «Он живой, который не умирает» и «Суд аллаха всевышнего, великого». Из всех эпитафий на 95 высечена именно первая формула, а на 51 — вторая. Отсюда видно, что первая формула более распространена.

Формы арок надгробий

Небезынтересно будет рассмотреть структуру текстов эпитафий, которая свойственна почти всем памятникам. Правда, в некоторых случаях могут отсутствовать отдельные части или же порядок следования их может быть несколько иным. В этом отношении все памятники Булгарского городища делятся на две группы и в обеих тексты подразделяются на семь последовательных частей-компонентов:

1. Вначале идет кораническая формула «Он живой, который не умирает, а все живущее умрет». Иногда употребляется только первая часть формулы. Во второй группе основной текст иногда может начинаться с дру-

гой формулы: «Всякая душа вкусит смерть, после вы к нам вернетесь» (Коран, сура 29, стих 57).

2. Слова, связанные с обрядом захоронения. В арабоязычных надписях употребляются слова, означающие «гробницу» (для мужчин), «сад» (для женщин). Во второй группе, в соответствии с законами тюркской грамматики, слова **зират** // **зийарат** («место погребения») и **бэлүк** («надмогильный знак, памятник») идут в конце предложения и, естественно, не могут стоять на втором месте.

3. Эпитеты «скромная», «благочестивая», «целомудренная» и другие характерны для лиц женского пола, мужские эпитафии же сопровождаются эпитетами «благородный», «великодушный», «благочестивый» и т. д. Бросается в глаза то, что большинство женских эпитетов носит религиозный характер.

4. Имена, титулы, родословия покойного. Этот компонент (как и третий) может быть кратким или же относительно развернутым. Иногда встречается перечисление родословия до седьмого поколения, родоначальник которого носит нисбу «булгари».

В памятниках второй группы этот компонент, как правило, стоит на втором месте вслед за коранической формулой. Для них указание эпитетов не характерно. В XIV веке стали появляться и памятники с эпитетами, выраженные на арабском языке. Обычно в данной группе памятников этот компонент очень краток, он состоит из двух имен и одного титула.

5. Благожелательная формула. Чаще всего встречается изречение «Боже мой, помилуй ее милостью неизмеримую», реже — изречения индивидуального характера, например, «Да оросит всевышний аллах его могилу, да дарует ему жилище в раю, да помилует его оставленным грехов и прощением и да вселит его в селения райские». Данный компонент на мужских эпитафиях представлен значительно богаче, дает большую смысловую нагрузку, чем в женских, что соответствует канонам ислама.

Вторая группа памятников характеризуется формулой «Да будет милость аллаха милостью обширной», написанной на арабском языке.

6. Слова или словосочетания, обозначающие понятие смерти: «Она отдалась милости аллаха всевышнего», «Отошла к аллаху» и т. д.

7. Дата, как правило, выражается словами, хотя в более ранних памятниках встречаются и цифровые обозначения. Во второй группе надгробий дата передана словами и весьма подробно: обычно обозначается год, месяц, день, а иногда и дни недели. Перед указанием даты в качестве связующего слова применяется «хиджра», т. е. обозначение мусульманского летосчисления.

Иногда в этой же группе памятников в конце текста встречается благочестивое изречение «Смерть — дверь и все люди войдут в нее», которое считается принадлежащим арабскому поэту Абу-л-Атахи (748—825).

Известные эпитафии XIII века охватывают небольшой отрезок времени 670—699 гг. хиджры и типологически составляют единое целое с памятниками первой половины XIV века. Однако у них проявляются некоторые индивидуальные черты, которые в дальнейшем или развиваются, или исчезают. К таковым нужно отнести бордюрный орнамент в виде двух параллельно идущих линий, пересекающихся через определенные промежутки, полукруглое завершение верхней части со сквозными плечиками, проставление даты цифрами, а также наличие в тексте слова «хиджра». Любопытно и то, что в количественном отношении более половины эпитафий XIII века написаны на арабском языке.

В первой половине XIV века основным местом сосредоточения эпиграфических памятников по-прежнему продолжает оставаться город Булгар. Самый ранний памятник этого столетия относится к 700 году хиджры, позднейший — к 749 году. К Булгарскому городищу относится и большое количество фрагментарно сохранившихся памятников, стилистически и типологически датируемых первой половиной XIV века. Подавляющее большинство памятников первой группы относится к тому типу, которые по своему оформлению, размерам не отличаются от памятников конца XIII века. Как исключение нужно отметить одну плиту, выделяющуюся своим малым размером и полукруглым верхом со сквозными плечиками. Кстати, памятники такой формы очень редки, они получают широкое распространение только в XIX веке.

Для памятников первой группы характерна простота оформления. Из орнаментации нужно отметить виноградную лозу, отделяющую основной текст от заглавной формулы, и широкую рельефную полосу. Обращает

на себя внимание орнаментальная полоса одной эпитафии, состоящая из растительного побега, закрученного в спираль с очень мелкими листочками. Этот редкий мотив можно увидеть на боковой части эпитафии XVI века из Заказанья.

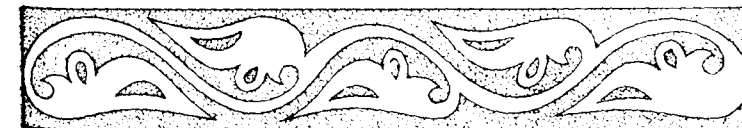
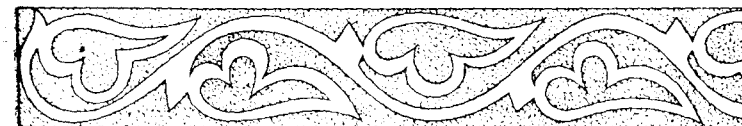
Бордюр большинства камней состоит из рельефных полос. Имеется один фрагмент с несвязанным между собой мотивом трилистника. Аналогичная орнаментация встречается как компонент цветочного мотива в эпитафиях Казанского ханства и более позднего времени, а здесь она является самостоятельной.

Необходимо указать на орнамент нижней части плиты, находящейся в фундаменте колокольни церкви Успения, где две многолепестковые розетки старорусско-булгарского типа расположены на обеих сторонах уступа рамки. Подобный орнамент встречается и в других местах Булгарского округа (например, в селах Тат. Елмайор, Кульгуны), но те, которые обнаружены на Булгарском городище, выделяются своим прекрасным исполнением.

Текст памятников данной группы написан рельефными буквами, но иногда и врезанным куфическим шрифтом. А почерк сульс такой же, как в памятниках XIII века. В композиционном отношении надписи продолжают традиции более старых памятников, лишь в некоторых компонентах структуры текста произошли незначительные изменения, а в конце текста появился добавочный компонент — благочестивое изречение. В мужских эпитафиях появляются эпитеты наподобие «красы молодцов», «сердца сердец», «почитателя ученых», «воздвигавшего мечети» и т. д. Видимо, следует отметить и то, что отдельные компоненты текста иногда могут и исчезать.

Некоторые памятники первой группы имеют рельефную надпись на боковых сторонах, которая представляет собой известное двустишие на арабском и тюркском языках: «Вижу мир развалиной по существу, но он останется продолжительно в покое».

Памятники второй группы также продолжают развиваться на базе более ранних однотипных надгробий. Некоторые памятники этой группы имеют орнаментальную полосу или широкую рельефную полосу между основным текстом и тимпаном. Особо выделяется орнаментальная полоса у одного памятника, которая близка к бордюрной орнаментации, состоящей из параллель-

Виды бордюрных украшений

ных линий, пересекающихся через определенные промежутки. Такой же орнамент самостоятельно встречается на архитектурных памятниках Средней Азии и Кавказа, например, на арке мавзолея из села Хаджи-Дорбашлы Азербайджанской ССР и на мечети Намазгох в Бухаре.

В XIV веке появляется новый тип эпитафии с различным употреблением шрифтов в заглавной формуле и в основном тексте. Заглавная формула оформлена почерком сульс рельефными буквами, основной же текст — рельефным куфическим почерком или может быть другой вариант: надпись соответственно выполняется рельефным и врезанным куфическим почерком.

Кроме всего, имеются и своеобразно оформленные памятники, например, верхняя часть и арка одного надгробия — шестигранная, а основной текст от тимпана отделен узкой рельефной полосой. Тимпан же украшен двумя сердцевидными фигурками с отростками, которыми украшались картуши болгарских монет конца XIII века. Текст полностью не восстанавливается, однако читаются в начале текста четыре коранические формулы — подобное среди памятников Булгара встречается впервые.

До этого речь шла об эстетически оформленных памятниках, но ведь наряду с ними имеются и другие, менее украшенные. Такие камни немногочисленны. Они плохо обработаны и значительно меньшего размера, надпись на этих памятниках вырезана некаллиграфическим врезанным куфическим шрифтом.

У многих плит XIV века имеются надписи на боковых частях, которые обычно бывают формулами «Смерть тебя известит о сроке, а могила есть сундук деяний» и «Самый терпеливый к опасностям здешней жизни не умирает ранее определенного срока». Надпись располагается на всю длину памятника на одной строке или на двух строках в середине боковой части. Очень редко текст эпитафии продолжается и на боковой части; туда, как правило, выносятся лишь дата установления памятника.

Имеется несколько памятников с надписью на обратной стороне камня, выполненные мелким некаллиграфическим почерком куфи. Они в основном состоят из благопожеланий и в какой-то мере дополняют основной текст. Есть несколько памятников, о текстах которых невозможно судить однозначно: то ли двусторонние тек-

сты их исполнены на разных языках, то ли они являются самостоятельными эпитафиями? Плохая читаемость не позволяет утверждать ни того, ни другого.

Все вышесказанное утверждает нас в мысли о существовании в Булгарах особой школы резьбы по камню или традиций по изготовлению надгробий, кстати, предположительно об этом высказывались еще такие специалисты, как Г. Т. Тагирджанов и Г. В. Юсупов. Наличие мастерской по изготовлению эпитафий в Булгаре подтверждают сохранившиеся заготовки и производственный брак. Камень для памятников, вероятно, добывали на правой стороне Волги, так как бесспорно то, что архитектурные памятники Булгара построены из этого камня. Вырезанный в карьере камень доставляли в мастерскую резчика. Здесь ему придавали форму плоского параллелепипеда, намечали и вырезали арку. Камень обрабатывали долотом и троянкой, следы которых обнаружены на многочисленных плитах. Подобные заготовки в мастерских хранились, вероятно, в большом количестве, и резчик отмечал их тамгой. На нижней части двух заготовок имеется тамга в виде трезубца. Подобный знак известен и на керамическом материале Булгара, и на монетах. После завершения первичной обработки намечали тимпан — площадь, предназначенную для письма, и нижнюю часть для установки памятника. Шлифовалась только та часть камня, которая предназначалась для надписи или орнамента. Затем острым предметом наносили линию строк, орнамент или буквы, промежутки между буквами выбирались. Вместе с тем некоторые тексты и орнаменты выполнялись в иной технике: буквы и орнамент вырезались на ровной поверхности камня, то есть имели углубленный характер.

Употребление разнообразной орнаментации и шрифта, трудоемкий процесс их изготовления и значительно долгий срок существования традиции установления эпитафий в г. Булгаре (более 80 лет) говорят о том, что здесь существовали мастерские с цеховым разделением труда. Первичную обработку камня, выемку арки, шлифовку плиты и другие трудоемкие процессы, не требующие специальных знаний и большого мастерства, выполняли подмастерья. Работа мастера, по нашему мнению, начиналась с вычерчивания строк и букв, следы которых выслеживаются на многих памятниках. Можно полагать, что резчики эпитафий занимались не только из-

готовлением памятников, но и принимали деятельное участие в строительстве, точнее, декорировке архитектурных памятников. И там и здесь наблюдается использование одинаковой меры длины — локтя и стрельчатой арки. Наличие надписи в архитектурных памятниках является косвенным свидетельством того, что высококачественная резьба по камню в архитектуре и надмогильных камнях — произведение одних и тех же мастерских. Это подтверждается обнаружением производственного брака. Камень при выемке плечиков дал трещину и в дальнейшем его пытались использовать для изготовления архитектурных деталей в форме розеток, вероятно, для украшения водоемов бани. Наличие мастерских ни в коем случае не говорит о том, что все эпитафии изготавливались только в этих мастерских. Отдельные памятники делали люди, знающие грамоту и камнерезное дело, в домашней обстановке, подобно гончарам, которые изготавливали лепную керамику даже в XII—XIII веках, когда уже в производство прочно вошел ножной круг.

Эпиграфические памятники Булгарской школы получили широкое распространение в регионе по обоим берегам Волги. Западная его граница совпадает с границей Волжской Булгарии, восточная же проходит по линии сел Иски-Рязяп, Старое Ромашкино, Ново-Чуваши-

ский Адам в Закамье, Измя, Таутермен — в Заказанье. За пределами этой территории памятники Булгарской школы обнаружены в поселке Чишма в Башкирии. Однако это не значит, что все они изготавливались в Булгаре. Такие умельцы вполне могли быть на местах. Например, в селах Северного Предволжья отмечается некоторое своеобразие памятников, хотя они по всем основным признакам являются памятниками Булгарской школы.

То же самое нужно сказать и о памятниках из поселка Батраки, Муранского могильника Куйбышевской области, расположенных на значительном расстоянии от Булгар. Булгарские эпитафии на севере Заказанья, некоторые надгробия в селах Татарский Калмаюр, Иски-Рязяп, Ямбухтино и других, относящиеся к Булгарской школе, несомненно, выполнены мастерами на местах. Мастера, получившие образование и навыки резьбы по камню в Булгаре, продолжали эти традиции и в других местах.

Некоторое своеобразие в орнаментации и оформлении эпиграфических памятников Кирменско-Джукетауского региона в свое время было отмечено Г. В. Юсуповым и Ф. Х. Валесвым. Последний, в частности, выделяя их как второй тип, связывал с периферийными, по отношению к Булгарам, районами Волжско-Камской Булгарии.

Технические особенности камнерезов этого округа

особенно наглядно проявляются в надгробиях Старо-Ромашкинского и Средне-Кирменского кладбищ, которые считаются «ханскими» и где преобладают эпитафии с прямоугольным верхом и приземистой аркой, с орнаментом из трехчастной композиции — двух маленьких и одной большой розеток. Центральная выполнена из нескольких кругов и ломаной линии между кругами, а две боковые — радиальными линиями. Орнамент памятников из с. Старое Ромашкино представляет собой многолепестковую ромашковидную розетку в двойном кругу. Подобные розетки, характерные для орнаментации Востока, встречаются на ковше из Византии, на золотоордынской поливной керамике и на многочисленных бронзовых и золотых изделиях из Булгара. На одном староромашкинском памятнике изображен вышеупомянутый орнамент, а две маленькие розетки расположены в нижней части плиты. Они украшают также нижние части памятников из сел Нижнее Демкино, Старое Ромашкино и из Булгара (фундамент колокольни).

У некоторых памятников этого округа отмечена орнаментальная полоса между основным текстом и тимпаном, состоящая из мотива завитков и треугольников. По характеру надписи, наличию приземистой арки и орнаментальной полосы к этому типу нужно отнести и эпитафию из Ново-Чувашского Адама, хотя ее тимпан заполняет кораническая формула «Он живой». Каллиграфическую надпись заглавной формулы дополняет несколько цветочных розеток, что дает некоторые элементы индивидуальности. Памятник подобного оформления имеется и в Булгарском городище.

Орнамент верхней части эпитафий из сел Старый Баллыкуль, Старое Ромашкино, Нижние Яки также напоминает ромашку. Своеобразен орнамент в надгробиях из Ошняка, который представляет собой две розетки с ромбовидными лепестками, наложенными друг на друга в двойном кругу. Близки к нему некоторые памятники из с. Нижние Яки. Подобные розетки известны и в среднеазиатском материале, в частности, по серебряной чаше из Афрасиаба.

Интересен орнамент памятников Кирменского городища — многолепестковая розетка в двойном кругу. В большинстве случаев пространство между двумя кругами не орнаментировано, в одном случае оно представляет ломаную линию. Подобную же орнаментацию имеет

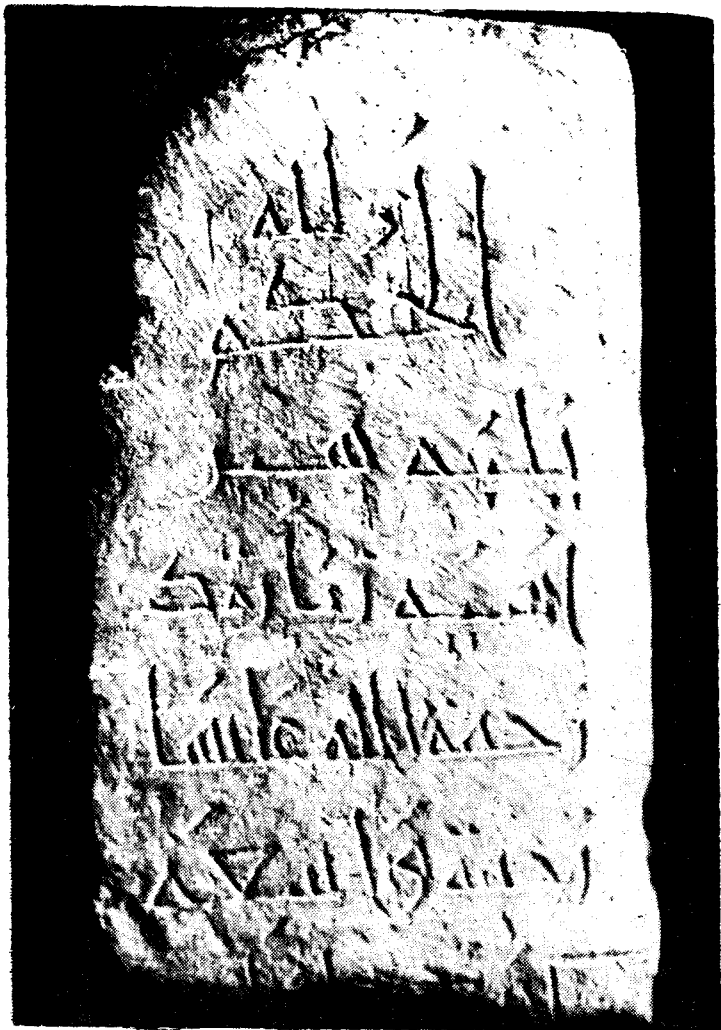
и надмогильный нижнеякинский камень, но здесь внутренний кружочек представляет из себя самостоятельную розетку. Орнамент «солнце» без внутреннего кружочка встречается на поливной керамике Золотой Орды.

В особую группу можно выделить эпитафии без традиционной арки, бордюрных и других украшений. Как исключение стоит на Кирменском городище памятник, имеющий примитивную арку и бордюрный орнамент, который Г. В. Юсупов описывает как «цепочку маленьких параллелограммов, вписанных в бордюрную ленту, отделенных друг от друга наклонными черточками». Его можно рассматривать как подражание к вышеуказанному бордюрному орнаменту из Булгарского округа. В Кирменско-Джукетауском округе широко распространены памятники с полукруглыми или остроконечным верхом без орнаментации (подобно надгробий из сел Старое Ромашкино, Средние Кирмени, Нижние Яки, Клятлы, Подлесная Шентала, Старое Ибрайкино, Верхние Кибя-Кози и других) с некаллиграфическим почерком, переходящем в скоропись.

Памятники Кирменско-Джукетауского региона хронологически относятся к более позднему периоду, чем эпитафии Булгарского округа, и возникли под влиянием Булгарской школы резьбы по камню. Вскоре в Кирменях, вероятно, и в Старом Ромашкино возникли свои центры резьбы по камню, однако на памятниках самого городища Джукетау влияние Булгарской школы отражается более ярко.

Из небольшого количества памятников Восточного (Чишминского) округа, с точки зрения оформления большой интерес представляют эпитафии из сел Урсаево и Старое Шаршады, в верхней части которых вырезан орнамент, состоящий из трехчастной композиции. В центральном большом круге помещена надпись, а маленькие боковые кружочки разделены на две части, верхняя часть составляет орнамент в виде исходящих лучей солнца, а нижняя — надпись. Из-за фрагментарности трудно судить о ее содержании, она, вероятно, представляла собой кораническую формулу.

Трехчастная композиция, состоящая из розеток и радиальных линий, встречается и среди памятников Кирменско-Джукетауского округа, однако эпитафии восточного региона отличаются заполнением розеток бордюрным орнаментом, представляющим собой ломаную ли-

Известняковая маломерная плита

нию с точками. Три розетки, как отмечал Ф. Х. Валесв, очевидно, символизировали три мира — небесный, земной и подземный, где пребывала душа покойного. Каждый отдельно взятый круг очень близок картушам болгарских дирхемов конца XIII века.

Часть памятников этой группы (из Урсаева, Старого Наршады, Мавлютова, Старого Калмашево), отличающихся меньшей толщиной при сравнительно большой ширине, не орнаментирована. На многих из них наряду с надписью зафиксировано наличие различных знаков. Так, в старокалмашевской эпитафии их более 200. По мнению Г. В. Юсупова, знаки нанесены на поверхность камня позднее, во время посещения могилы паломниками, потому что знаки нанесены слабее, чем надпись, и занимают только свободное от текста пространство, не нарушая его планировку. Время нанесения знаков, вероятно, относится к рубежу XVII—XVIII веков. Именно тогда в этом регионе возрождается традиция установления эпитафических памятников. На одном надгробии XVIII века из с. Мавлютово рядом с тамгой отмечена надпись: «Дуванайского рода тамга парная». Ленинградский ученый С. Г. Кляшторный предполагает, что эти тамги были своеобразными расписками участников похорон некоего знатного лица, а затем этот камень был использован для нанесения арабской надписи.

В отрыве от основной территории распространения болгарских эпитафий стоит памятник из села Гордино (Гурья Кала) Базинского района Удмуртской АССР. При всей схожести оформления, каллиграфии и структуры текста, памятник из Гордино выделяется среди эпитафий других округов заглавной формулой, представляющей символ веры, и орнаментальной полосой, состоящей из тройного плетения, что позволяет считать его локальным вариантом болгарских эпитафических памятников XIII—XIV веков.

Во второй половине XIV века в связи с глубокими социально-экономическими изменениями количество эпитафических памятников значительно сокращается. Известные науке памятники Большекрысинский и Ямгурминский происходят из восточного Прикамья. Первый из них (прямоугольной формы, без арки и орнаментации) близок к эпитафиям Кирменско-Джукетауского округа, но по шрифту напоминает камни Восточного региона. Интересно наличие свободного пространства перед началом текста, где традиционно располагалась арка с орнаментом или заглавная формула. Текст этого памятника начинается с формулы «Именем аллаха милостивого, милосердного», далее приводятся еще две коранические формулы, характерные для Кирменско-

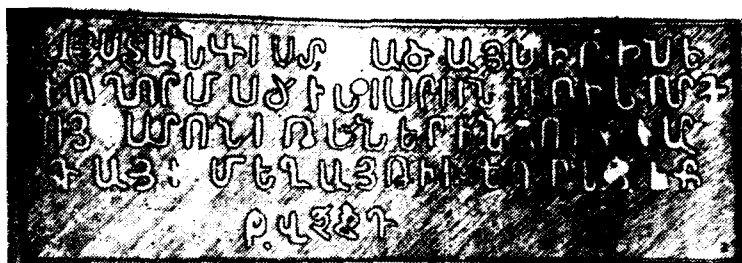
Джукетауского округа. Отличается своим оформлением памятник из Ямашурмы, на верхней части которого вырезана примитивная шестиконечная звезда — мотив этот, кстати, был распространен и на поливной керамике XIII—XIV веков, и на золотоордынских монетах. На позднебулгарских памятниках Г. В. Юсупов рассматривает его как пережиток многолепестковых розеток.

Таким образом, мы видим непрерывное развитие традиций эпиграфической школы Кирменско-Джукетауского округа, так как памятники с. Кирмени 50-х годов XIV столетия, Ямашурмы 1382 года, Больших Нырсы 1399, 1443, 1472 годов можно рассматривать как единую цепь развития — от булгарских эпитафий к памятникам Казанского ханства.

ЭПИТАФИИ ЗАГОВОРИЛИ

Как упоминалось выше, на Булгарском городище найдено около 150 эпиграфических памятников, а на всей территории бывшего государства волжских булгар число находок превышает 400. Мало это или много? Если смотреть с количественной стороны, то довольно внушительно, чего нельзя сказать о фактическом материале, дающем возможность судить о языке. Тексты эпитафий состоят из коротких, скупых строк. Да, это не древнетюркские стелы, в которых описана вся история государства и племен, входящих в него. «Я, мудрый Тонюкук, приказал написать (это) для народа тюркского Бильге-кагана...» — заявлял старый вельможа в своей эпитафии.

Наш рассказ об эпиграфических памятниках г. Булгара будет неполным, если мы не упомянем об армянских надгробиях. Еще в 1712 г. дьяк Андрей Михайлов, сообщая о развалинах большого храма, писал: «Та палата была наперед сего церковью, потому что около ея много есть кладбищные каменя с подписми, а подписи походили на армянские письма». Это были христианские надмогильные памятники у Греческой палаты большой армянской колонии, основанной за крепостным валом Булгара еще в IX веке. Большая часть надгробий впоследствии была использована местным населением для хозяйственных нужд. На сегодняшний день известно пять надгробий с армянскими эпитафиями 1218, 1308,

Армянские надписи 1321 и 1335 гг. из Булгара.
(По М. Броссе)

1321, 1335, 1337 годов, кроме того, археологическая экспедиция под руководством А. П. Смирнова в 1945—1947 годах в ряде погребений открыла фрагменты надгробий, причем на некоторых были и арабские буквы; а две обработанные плиты (разм. 190×80×20 см) не имели ни надписей, ни орнаментов.

Приводим перевод надписи памятника 1321 года (по М. Броссе): «Гроб этот заключает честное тело Сары Хатун. Вы, которые читаете это, просите у Бога прощение грехов отца господина Авага в году 770».

Наличный языковой материал болгарских памятников довольно скуден: имена, эпитеты, титулы, даты погребения — такие скудные «посевы» не дают богатого научного «урожая». Определенный шаблон структуры надписей и употребляемых слов не позволяет «кладби-

шенской поэзии» раскрыться во всей своей полноте. Найти более обширный текст (на камне или документе) — остается волшебной мечтой болгароведов.

Прежде чем говорить о языке (речь пойдет о так называемом р-языке), отраженном в этих каменных памятниках, необходимо напомнить следующее: он не тождественен разговорному языку волжских болгар, то есть на этом языке народ уже не говорил. Функциональная принадлежность памятника никак не способствовала отражению на них говора «улицы», поэтому рядом с кораническими формулами мог соседствовать лишь язык ислама — арабский, язык предков или же литературный язык — все зависело от социолингвистической ситуации. А определенный стереотип текста, выработанный в Булгарской школе резьбы по камню, в обязательном порядке применялся мастерами-резчиками в пределах всей Волжской Булгарии.

В языковом отношении все эпитафические памятники можно разделить на три группы: написанные на арабском языке, тюркском р-языке (**хир** — «девушка, дочь», **тохур** — «девять») и тюркском з-языке (**кыз** — «девушка, дочь», **токуз** — «девять»). Рассмотрение текстов р-язычных надписей показывает, что они по некоторым фонетическим признакам не едины; например, формам **жети** — «семь», **болты** — «было», **зерати** — «его место погребения» в некоторых памятниках соответствуют **жечи**, **болчи**, **зерачи**, то есть перед «и» звук «т» смягчается и переходит в «ч». Это свидетельствует об отражении в памятниках двух диалектов. Такое разделение было свойственно уже языку древних болгар и, видимо, эти же племена участвовали в формировании народности волжских болгар. Согласно исследованию С. Я. Байчорова, северокавказские (приэльбрусские) памятники отражают д-ж-диалекты протобулгарского языка, сравните, например, слова **дъох**, **жох** — «помянутое» с древнетюркской лексемой **йог** — «похороны», «поминальный обряд».

Употребление звука **ж** в начале слова характерно татарскому языку (точнее, его среднему диалекту: **жылан** — «змея» — **йылан**, **жиде** — «семь» — **йите**, **жыр** — «песня» — **йыр**), и это явление считается реликтом волжскобулгарского языка. Вообще, «джокающие» тюркские языки, кроме отдаленного якутского (где, кстати, этот звук перешел в «с»), сосредоточены в трех областях: в

Поволжье, степях Казахстана и в северных краях Кавказа. Как установил венгерский ученый А. Берта, это как раз те ареалы, в которых, начиная с V века, обитали оногуры, а после них хазары (хазары тоже «джокали»). А как известно, оногурами называли часть болгар.

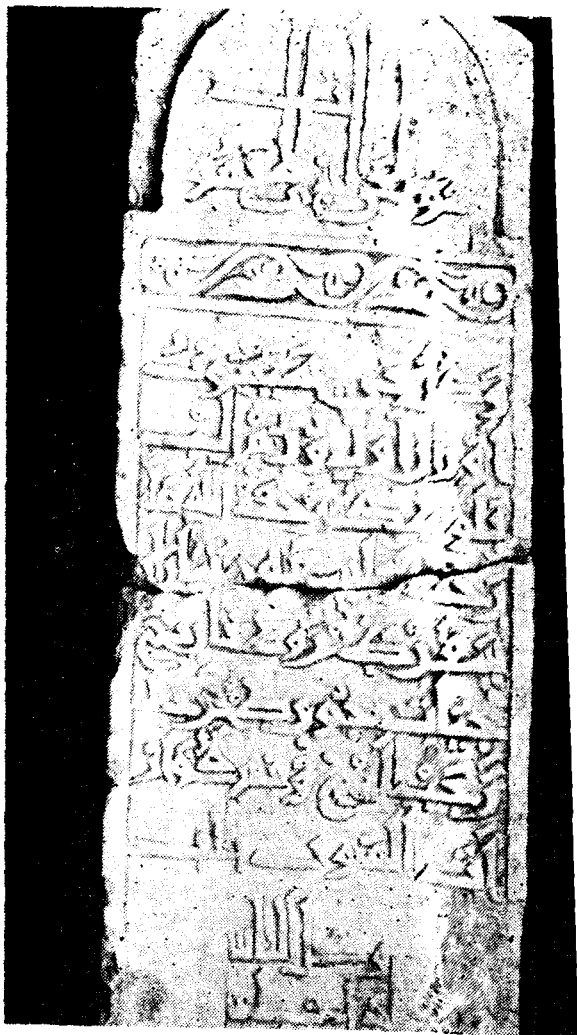
В 1866 году был издан Именник болгарских князей, который нашли в двух славянских сборниках XVI века. Считается, что имеющиеся там тюркские вкрапления относятся к состоянию протоболгарского (дунайскоболгарского) языка. В частности, они также показывают следы двух диалектов, например, **диллом** — общетюркское **йылан** — «змея», **жите** — общетюркское **йети** — «семь». Таким образом, все три источника показывают один и тот же результат, а именно, расчленение болгарского языка по крайней мере на два диалекта. Выходит, они отражают языковое состояние отдельных болгарских племен, входивших в состав Великой Болгарии еще в Приазовье.

Для нас весьма важно то обстоятельство, что все указанные группы памятников функционируют в одном и том же хронологическом отрезке времени — в XIII—XIV веках — и в языковом отношении не соотносятся только лишь с отдельными центрами по изготовлению надмогильных плит. Показательно, однако, более компактное расположение памятников на ж-диалекте в бывшем Жукотинском княжестве. Р-язычные эпитафии ставились по всей территории государства. Для примера приведем чтение текста памятника 1309 года из Булгарского городища:

- 1) һувә-л-хәйһи-л-ләдзи ля йәмүту,
- 2) вә күллү хәйһин сәйәмүту.
- 3) Оураз оулы урум Алп
- 4) бәлүкү. Рәхмәтү-л-лаһи гәләһи
- 5) рәхмәтән васигәтән. Дөһйаран
- 6) сәфәр тонры: тариха
- 7) жети жүр тохыр жол,
- 8) рәжәп айхы оным күн
- 9) әти. Әл-мәүтү бабун
- 10) вә күллү-н-наси
- 11) дахилүхү.

В переводе на русский язык это звучит так:

- 1) Он живой, который не умирает,
- 2) а все живущее умрет.
- 3) Оураза сына, урум Алпа,

Булгарский памятник 1309 г.

- 4) надмогильный знак. Да будет милость
ним
5) милостью обширную. Из мира
6) ушел: по летосчислению
7) семьсот девять лет,

8) раджаба месяца десятый день

9) был. Смерть — дверь

10) и все люди

11) войдут в нее.

Здесь 1—2, 9—11 строки написаны на арабском языке

и являются благочестивыми изречениями. Такое же предложение есть и в 4—5 строках. Основной же текст очинен на болгарском языке. Прежде всего, бросаются в глаза слова, которые имелись и в языке древних болгар:

бэлук — «надмогильный знак, памятник», сравните с древним церковнославянским словом **белегъ // биегъ** — «знак», все исследователи считают его заимствованным из протоболгарского языка, с венгерским **vélyek** — «знак», древние мадьяры заимствовали его из языка древних болгар, своих соседей. Вспомним также нахождение древневенгерского могильника у села Большие Тиганы, что близ Билярска, кубанскоболгарский **белюк // белюх** — «памятник»;

тон- — «уходить». В тексте оно является глагольным членом аналитической модели сложного глагола в сочетании с арабским словом **сэфэр** — «путешествие, поездка, рейс». Употребляясь вместе, они выражают процесс движения, удаления. В поволжских тюркских языках этот глагол нам неизвестен, только в нурлатском говоре среднего диалекта татарского языка имеется слово **тон-** — «уходить, уходить прочь»;

жети — «семь» — это общетюркское числительное, соответствующее среднетюркскому состоянию, но с начальным «джокашье». Как упоминалось выше, в дунайскоболгарском языке это числительное в начале имеет точно такой же звук. Из тюркских языков Урало-Поволжья только в татарском числительное «семь» начинается с этого звука, сравните татарское — **жиде**, чувашское — **џичџе**, башкирское **ете** — (читается **йете**).

жүр — «сто» — в северокавказских надписях зафиксировано древнее состояние этого числительного в виде **дьүр** — «сто». Здесь необходимо отметить и так называемый ротацизм, то есть фонетический переход «з» в «р» в конце слова. Это явление наблюдается в рассматриваемой надписи и в некоторых других словах, например, в **дөһйаран** — «из мира», **тонры** — «ушел», **тохыр** — «девять», где в первых двух случаях окончания **-ран** (показатель исходного надежа) и **-ры** (показатель про-

шедшего категорического времени) также начинаются с этого звука. Если принять во внимание их древнетюркские состояния **-тан** и **-ты**, то можно заключить, что они видоизменились через ступени **-зан** и **-зы**. Такая цепочка фонетических изменений не является противоестественным для тюркских языков, а скорее наоборот, к примеру, древнетюркское **атаг // адаг** → **азак** → **айак** — «нога» (а в чувашском и **ура** — «нога»).

Наиболее близким к болгарскому **жур** является чувашская форма **сёр** — «сто», в то же время в татарском **йөз** и башкирском **юз**;

жол — «год (календарный)», в написании арабскими буквами несколько затруднено чтение гласного звука. Хотя мы здесь и передали его через букву «о», на самом деле это нечто среднее между «а» и «о», ибо начальной формой данного слова является **жаш** — «год о возрасте», который в ходе исторического развития претерпел изменения и фонетически, и семантически, в результате уже в древнетюркском языке наблюдается различие понятий «календарный год» (**йыл**) и «возраст» (**йаш**). То же самое можно сказать и относительно татарского **жыл, жыол, йыл, йюл** и **жэш, йэш**, башкирского **йыл** и **йэш**, только в чувашском языке эти понятия передаются одним словом **сул**.

Мы пока не знаем, одним или двумя словами обозначались в болгарском языке понятия «возраст» и «год», так как соответствующего примера на «возраст» в р-язычных памятниках пока не обнаружено. В то же время в з-язычных надписях присутствует самостоятельное слово **йаш** — «возраст», однако язык этих памятников имеет совершенно иной статус, чем язык другой группы памятников;

айх или **айых** — «месяц», в текстах эта лексема обычно употребляется с названием месяца, заимствованного из арабского языка. В данном случае это — **рәжәл** — «название седьмого месяца лунного календаря», может быть месяц **мухаррам** — «первый месяц лунного календаря», **сәфәр** — «второй месяц лунного календаря», **раби эль-әүүәль** — «третий месяц лунного календаря» и т. д. Слово **айых** состоит из общетюркского **ай** и аффикса **-ых**, а из современных языков такая форма сохранилась лишь в чувашском языке: **уйах**

юйах, в других тюркских языках применяется без-
аффиксальная форма;

оним — «десятый», образован от количественного
числительного **он** — «десять» и аффикса **-ым**, образу-
ющего порядковое числительное. Почти во всех тюрк-
ских языках «десять» передается в форме **он // ун**
(однако в якутском **уон**, чувашском **вон // вун, вон-**
ны // вунны). То, что аффикс **-ым** в протобулгарский
период образовывал порядковое числительное, ясно по-
казывают примеры из Именника болгарских князей,
где зафиксированы **элемень** — «первый», **вечемь** — «тре-
тий», **тоутомь** — «четвертый», **алтомь** — «шестой», **жи-**
темь — «седьмой», **шехтемь** — «восьмой», **товиремь** —
«девятый». Исследователем северокавказских прото-
булгарских рунических памятников С. Я. Байчоровым
указывается единственный пример **үчем** — «третий», об-
разованный при помощи аналогичного окончания. По-
следние изыскания в данной области показывают, что
исторически аффикс **-ым** нельзя считать порядковым, он
придавал слову прежде всего собирательное или соби-
рательно-разделительное значение, отголоски которого
остались в татарских детских считалочках:

Берэм-берэм, икәм-икәм, өчәм-өчәм,
дүртәм-дүртәм, бишәм-бишәм,
алтан-алтан — авыр балтам...
«Один-один, два-два, три-три,
четыре-четыре, пять-пять,
шесть-шесть — тяжелый топор...»

В детских играх в камушки, как считает Н. Б. Бур-
ганова, этот аффикс выражает порядково-собирательное
значение, хотя порядковость здесь и весьма абстрактна.

Из современных тюркских языков аффикс **-м** можно
встретить в составе сложного аффикса **-меш** в чуваш-
ском языке: **вуннымеше** — «десятый». Видимо, необхо-
димо отметить и тот факт, что в соседнем марийском языке
порядковые числительные образуются при помощи
окончания **-ымше**: **икымше** — «первый», **кокимшо** —
«второй» и т. д.;

күн — «день» — слово в древнетюркском языке име-
ло два значения: «солнце» и «день». Как и в тюркских
языках Урало-Поволжья, в памятниках волжских болгар
оно закрепилось со вторым значением.

Интересно, что в некоторых памятниках зафиксиро-

ваны отдельные названия недели, например, **хан күн**. На первый взгляд, это напоминает название хана, правителя. Но это только на первый взгляд, а на самом деле, учитывая переход звука «к» в «х», здесь необходимо усматривать слово **кан** — «кровь». Такой звуковой переход не был чуждым для болгарского языка, сравните дунайскоболгарское **тух** и общетюркское **тагук** — «курица», **бех** — «пять» и его изначальная форма **белик**; кубанскоболгарское **белюх** — «памятник» и **бэлук** — в волжскоболгарских эпитафиях, однако в то же время есть **хырх** — «сорок» (а общетюркская форма **кырк** // **кырк**), в записках Ибн-Фадлана (922 г.) также имеются примеры на такую закономерность: **Сох**, **Жайых** — названия рек Сок и Яик; **сахрах** — «ковш или мера жидкости» (в древнетюркских памятниках есть слово **саграк** в том же значении). Правда, во многих приведенных здесь примерах интересующий нас звуковой переход наблюдается не в начальной позиции, но необходимо учитывать и то, что лексическое богатство этих исторических памятников не так уж велико.

Таким образом, получается **хан күн**, что означает «день крови». Естественно, это не связано с какими-либо разбоями или другими событиями, когда льется кровь. В наши дни у народов Волго-Камья сохранились народные названия недели, среди которых есть название, связанное с понятием крови. У чувашей — это **йун күн**, у башкир и татар — **кан көн**, у мордвы — **вержи**, у марийцев — **вюргече**, у удмуртов — **вирнунал**. Все они переводятся как «день крови» и означают, точнее, соответствуют среде. Несомненно, это народное название среды осталось от древнего языческого обычая жертвоприношения. Языческие названия древней пятидневной недели восходят к болгарским временам, и у финноугорских народов края они могли получить распространение и позже, в период Казанского ханства. Такое единое религиозно-мифологическое воззрение и календарь, в свою очередь, относятся к далекому прошлому, вероятно, к эпохам Хазарского каганата, к которому восходят также карaimское **кан** // **хан күн**, хайын күн, армяно-кипчакское **хан күн** — «день крови».

В большинстве тюркских языков неделю называют словом **атна** в разных фонетических вариантах, а оно само заимствовано из персидского **адине** — «пятница». В болгарском языке слово, обозначающее пятницу, рас-

ширило свою назывательную рамку и стало означать также неделю. Это подтверждает выражение **эРНЭ күН**, зафиксированное в одном из эпиграфических памятников. В фонетическом отношении для перехода **адине** → **эРНЭ** препятствий не имеется, так как между звуками «д» и «р» в середине слова возникает переходная ступенька в виде звука «з», сравните, например, с уйгурским словом **азна** — «пятница» и, как было сказано выше, соответствие **з — р** для болгарского языка считается закономерным.

Указанное персидское слово лежит в основе обозначения пятницы в ряде языков: чувашское **эрнекун** — «пятница», **мынарни кон** — «день большой пятницы», татарское диалектальное **атна көн** — «пятница», **олы атна** — «большая пятница», марийское **кугу арня** — «большая пятница», караимское **айна кин // эйнэ кюн** — «пятница», армяно-кипчакское **айна кюн** — «пятница».

Отсюда можно сделать вывод, что в ареале, где когда-то существовали болгарское и хазарское царства, название пятницы является для всех одинаковым. А расширение значения «пятница» → «неделя» — явление относительно позднее. Но уже в болгарских эпитафиях **эРНЭ** означало и «неделю». Это отчетливо подтверждает другой пример из надписей памятников в виде **эРНЭ башы** — «начало недели, т. е. понедельник». Хочется напомнить, что в некоторых западнокипчакских языках «понедельник» также обозначался как «начало недели», сравните караимское **йихбаскин // йехбашкюн**, карачаево-балкарское **йухбашкюн**, армяно-кипчакское **йихпашкюн** (в этих примерах компонент **йих, йех, йух** означает «неделю»: карачаево-балкарское **ыйык** — «неделя»). Такая же модель названия этого дня применялась и предками татар, башкир, чувашей и марийцев: татарское и башкирское диалектальное **баш көн** — «главный, начальный день», татарское диалектальное **туган көн** — «новорожденный день», чувашское **тунти кон** — «новорожденный день», марийское **шочмо кече** — «новорожденный день».

В болгароязычных надписях зафиксировано еще одно название дня недели, это — **кичи эРНЭ күН** — «день малой пятницы, то есть четверг». Такое наименование четверга имеет ряд параллелей в языках, приведенных выше для сравнения: татарское **кечатна** (от **кече атна**) — «малая пятница (четверг)», башкирское **кесе азна**, чув.

кеҫен ерне, марийское изарня (от изи арня), удмуртское покчи арня, караимское кицайна // кичейнэ, армяно-кипчакское кичи айна — то же самое. Они все состоят из двух частей: первая — кече // кесе // кеҫен // кичи // кичи // изи // покчи — «маленькая»; и вторая — атна // азна // ерне // арня // ейнэ // айна — «неделя, пятница». Первый компонент следует сравнить с общетюркским кичи — «маленький», а второй, несомненно, является заимствованием из персидского адине — «пятница». Выходит, в эпитафиях волжских булгар и в вышеупомянутых языках название четверга является производным от названия пятницы.

Других названий дней недели пока обнаружить не удалось. А они должны быть, но зафиксированы ли эти названия на камне? Известно, что возникновение недели, как и лунного месяца, восходит к глубокой древности. Еще в Древнем Вавилоне была установлена семидневная неделя и она, как период труда и отдыха, закреплённая древними религиозно-мистическими представлениями и принятая впоследствии христианской и мусульманской религиями, прошла через тысячелетия.

Тюркское предложение в этом рассматриваемом надгробии заканчивается глагольной формой в прошедшем времени эти — «было». Форма э- известна в большинстве современных тюркских языков, хотя и не везде имеет единую акустическую характеристику.

По своему назначению надгробия — такие памятники, где почти в каждом пишется слово «сын» или «дочь». И в тексте 1309 года присутствует лексема оулы — «его сын». Если сравнить ее с другой группой памятников с з-языком, то там она начертана — как и в древнетюркских текстах — в виде огул — «сын». Последняя форма, естественно, более древняя, чем оул, ибо она получается в результате выпадения звука «г» в середине слова. Однако в эпитафиях волжских булгар эти формы употребляются в одном и том же отрезке времени, и это явление свидетельствует в пользу того, что данные два языка принадлежат разным функциональным уровням. Но об этом чуть позже.

Употребленную в интересующем нас памятнике форму оул можно было бы сопоставить с якутским уол, киргизским, каракалпакским, алтайским, татарским ул, татарскими диалектальными оул, ыл, караимским увул, ногайским увыл, чувашским ывыл, чувашскими диалек-

Обломок надмогильной плиты
и декоративная надпись из Булгара

тальными ул, ыл, улы, ивыл и т. д. Несколько смущает нас форма ул — «сын», приводимая С. Я. Байчоровым в северокавказских протоболгарских надписях, в которой древний начальный звук «е» не должен еще перейти в «у».

На болгарских эпитафиях часто встречается термин **дир** — «дочь», например, **Иэлба дйри Асия** — «Асия, дочь Иэлбы». В современных тюркских языках, за исключением чувашского языка, данный термин не применяется. А в другой группе эпитафий встречается общетюркское обозначение дочери как «кыз».

Долгое время в болгароведении царило мнение (некоторые исследователи и сейчас придерживаются его), что на камнях нашло отражение своеобразное выражение **дирхум** — «девушка-рабыня, наложница». Это полу-

чалось из смыслового соответствия отдельных его частей: **һир** — древнетюркское **кыз** — «девушка, дочь» и **хум** — древнетюркское **күн** — «рабыня», тем более, что в одной чувашской сказке сохранилось выражение **хыр-хым** в том же значении. Слово **кыркын** зафиксировано и в Толковом словаре татарского языка, где также объяснено как «служанка, рабыня, невольница», однако в народе бытует и выражение **кыз-кыркын**, передающее обобщенное понятие «девушки», без всякого намека на их невольнический характер.

Прежде чем говорить о семантике этого на первый взгляд сложного слова, необходимо выяснить, действительно ли **һирхум** соответствует слову **кыркын**. Впрочем, можно допустить, что его вторая часть образована из древнетюркского **күн** — «рабыня, служанка», однако она здесь выступает самостоятельным словом и не входит в сложное единство с **һир**. Иначе говоря, это два самостоятельных слова. Оправданность такой постановки вопроса подтверждается добавочными надбуквенными и подбуквенными знаками для гласных звуков, которые характерны письму арабскими буквами. Чаще всего их не ставят, но иногда для точного чтения слов, в особенности иноязычных, применяются и добавочные знаки.

Вначале, когда надписей со словами «**һир** и **хум**» было обнаружено еще очень мало, утвердившийся перевод «рабыня, наложница» при чтении как сложного слова «**һирхум**» было принято на веру. Однако со временем число находок увеличилось, среди которых были и надписи с добавочными огласовками, позволившие восстановить их правильное чтение. В одной из надписей, например, было написано: Эсби һири хум Жу-элти бәлүкү — «Эсби дочери, хума Джу-элти (госпожи), надмогильный знак». В то же время обнаружились надписи с мужскими именами, где слово «хум» стояло рядом со словом «сын», например: хажи Хөсәин оулы хум Гомәр-хажи бәлүкү — «хаджи Хусайна сына, хума Гумера-хаджи, надмогильный знак».

Таким образом, как и принято в лапидарных эпиграфических надписях, в тексте сначала сообщается, чьим сыном или дочерью являлся (или являлась) погребенный (погребенная), только после этого приводится термин «хум».

Из надписей можно сделать вывод, что хумом могла быть какая-нибудь госпожа, дочь военачальника, а так-

же дочь иноземца, носящая, кстати, титул «хаджи» — (ведь он присваивается только тем, кто совершал паломничество в Мекку), и, что любопытно, мужчина, носящий титул «хаджи».

В исторических источниках имеются сведения, что в Булгар привозили на продажу из соседних стран захваченных пленников. Широкие торговые связи Булгарии сохранялись и в золотоордынский период истории государства, что предопределяло и сохранение торговли пленниками. Под 1376 годом один русский летописец сообщал, что после разгрома Костромы и Нижнего Новгорода разбойники «пришедше в Булгары и тамо полон христианский продали бесерменом Костромской и Новгородский...» Если даже в XIII—XIV веках в Волжской Булгарии существовали подневольные люди, они должны были существенно отличаться от таковых более раннего периода. Но в любом случае невольно возникает социально-экономическое противоречие: каменные плиты никак не могли ставиться над умершими рабами, в каком бы положении они ни находились. Противоречит этому и структура самих надписей — кроме титулов «хаджи» и «госпожи» (элти), которые рабам никак не свойственны, в них приводятся имена не только отцов, но и дедов, и полностью ставится дата смерти. Вообще, нет ни одного памятника, где бы упоминался простой труженик. А ведь среди надгробий имущего класса есть и такие, в которых упоминаются лишь имена умерших и их родителей, а иногда появляется еще какая-нибудь кораническая формула, например, в надписи из Булгарского городища: «Суд аллаха. Мамли сына Гали надмогильный знак». Нет ни даты, ни украшений, а ведь памятник, возможно, был поставлен не над простым смертным.

На основе всего этого можно сделать вывод, что слово «хум» в булгарских эпитафиях и понятие «рабыня, невольница» не тождественны.

У Абу-Хамида ал-Гарнати, писавшего о стране хавар, приводится интересное арабское выражение, передающее понятие «невольницы-матери». Издатели, опубликовавшие отрывки из трудов автора, О. Г. Большаков и А. Л. Монгайт сообщают об этом следующее: «Невольницы, родившие ребенка от хозяина, занимали более высокое положение, чем другие невольницы: они не

могли быть проданы, подарены и т. д., а после смерти хозяина становились свободными».

Невольно возникает мысль: а не являются ли болгарские «хумы» потомками тех, которые родились от хозяина и невольницы? Впоследствии они могли совершить и паломничество в Мекку, и заключить брак с людьми высшего сословия.

Итак, мы предложили читателю объяснение одного из загадочных выражений из болгарских эпитафий. Возможно, кому-нибудь удастся дать новое толкование, более удачливое или, может быть, более правильное.

Вниманию читателей мы хотим предложить перевод одной эпитафии, почти целиком выполненной на арабском языке: скорбный и исполненный горечи голос доносится до нас из седой старины:

1. Он живой, который не умирает.

2. Этот сад юной девицы,

3. скромной, целомудренной,

4. благочестивой, терпеливой, постницы

5. Фатима-элчи, дочери Аййуба, сына Мэчкэ, сына

6. Йунуса ал-Булгари. Боже мой, помилуй ее

7. милостью широкою. Отошла к милости аллаха всевышнего

8. в двадцатидвухлетнем возрасте. Умерла

9. в новолуние раби-И, по хиджре в семь —

10. сот одиннадцатом.

Здесь только 8—10 строки выполнены по-тюркски, то есть на языке, который исследователи считают литературным языком того периода в этом регионе: йегерме еки йашында вафат болды, рабигъ-уль-ахирэ горресенде, хижрэтка йети йүз он бирде.

Р-язычные памятники, несмотря на то, где они были поставлены, написаны по единому шаблону. Набор слов, за редким исключением, почти не меняется, это наталкивает на мысль, что знатоков этого языка предков было очень мало. Возможно, его знали мастера-резчики и передавали по наследству. Сравните две эпитафии. Вот текст надгробия с Булгарского городища:

1. Эль-хөкму ли-л-лахи-л-галийи-л-кэбири.

2. Элбэр оулы Хэлуж зе-

3. рати кү. Вафат болты:

4. тарих жети жүр

5. жермиши жол, мухаррам айхы...

Перевод этой надписи:

1. Суд аллаха всевышнего, великого.

2. Албара сына, Хэлуджа, место

3. погребения это. Скончался:

4. по летосчислению семьсот

5. двадцатый год, месяца мухаррам...

Данный памятник был поставлен в феврале 1320 года.

В тексте надгробия 1356 года из с. Старое Ибрайкино Аксубаевского района ТАССР сообщается:

1. Эль-хөкму ли-л-лахи

2. л-галлийи-л-кәбири.

3. Исмагил оулы

4. Хәсән оулы Му-

5. са оулы Мөхәммәд

6. бөлүкү. Тарих же-

7. ти жүр әллү сәкер

8. жол эти.

Перевод этой надписи:

1. Суд аллаха

2. всевышнего, великого.

3. Исмагила сына,

4. Хасана, [его] сына Му-

5. сы, [его] сына Мухаммеда

6. надмогильный знак. По летосчислению семь-

7. сот пятьдесят восемь

8. лет было.

В эпитафии из Булгара можно встретить новое слово, до этого не упоминавшееся в нашем рассказе, это — **зерат**, название, связанное с обрядом захоронения. Оно имеется и в словарном фонде современного татарского языка, правда, в разных фонетических облициях — **зи-рат**, **зыйрат**, **зэрэт**, **зиярат** и других. Однако означает оно не «место погребения или могилу», как в надписях волжских булгар, а «кладбище». В то же время, употребляясь вместе с глаголом, оно может иметь и другое значение: **зиярат иту** (или **зират кылу**) — «посещение».

Американский ученый О. Прицак, рассмотрев все тюркские языки, пришел к выводу, что данное слово сохранилось лишь в языке тех народов, которые имели какое-либо отношение к древним булгарам, это — татары, каранмы (**зерет** // **зэрэт** — «кладбище», **зэрет** — «могила», **зерять** — «могила, кладбище» и **зийарэт** — «посещение, визит»), башкиры (**зиярат** — «кладбище»), кумыки и балкарцы (**зийретлер** — «кладбище»).

Займствованное из арабского языка слово **зийярәтун** в результате сужения семантики стало означать конкретное понятие — «место погребения». Изменение значения данного слова можно представить в следующем виде: «посещение, визит, паломничество» → «посещение святой могилы» (и сейчас древние могилы называют могилами святых) → «посещение могилы» → «могила, место погребения» → «кладбище».

Мы сейчас так привыкли к направлению письма слева → направо, порой кажется, будто так было испокон веков. Разве что иногда вспомнится арабское письмо, идущее справа налево. Между тем ведь древние тюрки писали сверху вниз, такого направления письма придерживались и древние уйгуры, уничтожившие государство тюрков и создавшие в Центральной Азии свое государство, просуществовавшее чуть меньше ста лет. Не вдаваясь в детали, отметим, что когда-то, кроме рунического письма, волжские болгары пользовались и уйгурским письмом. Выше уже было упомянуто о составлении северокавказских надмогильных текстов протоболгар руническим письмом. Далее, за последние годы в Танкеевском могильнике и на Билярском городище были найдены предметы с короткими руническими надписями (на территории Волжской Булгарии). Мы не располагаем документами болгар, написанными уйгурскими буквами, однако косвенные данные позволяют предполагать, что они были. Так, например, Чингиз-хан лично интересовался распространением уйгурской письменности, и она считалась официальной в канцеляриях ханов. В Золотой Орде даже до начала XV века не переставали издавать ярлыки, написанные уйгурскими буквами.

На одной надгробии из с. Старое Ромашкино указано личное имя Бахши. На наш взгляд, оно тесно связано с термином «бахши», означающим секретаря, переписчика и т. д. Можно предположить, что в данном случае мы имеем дело с уйгурскими бахши, которые в разных канцеляриях занимались составлением и перепиской ярлыков, деловых бумаг, литературных произведений и др.

Примечателен тот факт, что некоторые звуки в эпитафиях передавались сочетанием двух, а то и трех арабских букв, так как арабскими буквами никак нельзя было передать всех особенностей тюркской речи. Видимо, для более или менее точной передачи тюркских звуков болгарские резчики при выборе букв, кроме традиций

ритуального арабского языка, опирались и на правила уйгурской письменности. Чтоб не быть голословными, приведем один пример. В уйгурских текстах звук «ү» в середине слова передавался как сочетание звуков «у» и «и»: слово күн, означающее «день» или «солнце», писалось как куин, в то же время в древнетюркском языке есть слово күн; өз — «сам» писалось как эоиз, то есть особый тюркский звук в начале слова передавался тремя буквами (а в середине слова двумя буквами: соиз — «слово», но читается как сөз). В этом нет ничего удивительного. Между устно-звуковым и письменно-печатным языками всегда существовали и, видимо, будут существовать некоторые различия. Особенно трудно отражать буквами на письме гласные звуки. В ходе исторического развития можно наблюдать, как для передачи одного звука употреблялся целый ряд знаков. Так, например, в английском языке один долгий звук «и» имеет до 11 обозначений: me, fee, sea, field, machine, people и т. д., в французском написания é, ê, e (в закрытом слове), ei, ai, et (в конце слова) читаются как «э», а носовой гласный «э» передается по-разному — как in, im, ein, ain, ain.

Думается, и болгарские резчики, писавшие тюркские по звучанию слова арабскими буквами, не стали долго мудрить: специфичные тюркские звуки передавали сочетанием нескольких букв. Например, вышеупомянутое слово көн — «день» писалось как күэн или күн, кн; цифра жети — «семь» — как жиати, жиэти, жати, жэти, жета и др. Таким образом, предшественником языка болгарских эпитафий мог быть уйгурографичный тюркский язык (т. е. тексты писались уйгурскими буквами), в котором уйгурские буквы впоследствии заменялись арабскими.

Остатком этой традиции можно считать один эпиграфический памятник с Булгарского городища, текст которого вырезан по вертикали. На нем единственный раз встречается слово битик — «надпись», что, видимо, было заимствовано из древнеуйгурского языка. Образовавшись из китайского пи — «кисть, кисточка (для писания тушью)», битиг в древнетюркском и древнеуйгурском языках означало «надпись; книгу; документ». Из языков урало-поволжского региона оно сохранилось в башкирском и татарском языках в формах бетеү и бөти — «амулет, талисман», то есть выдержка из религи-

Плита Джу-эрти, дочери Мусы

разных писаний в футляре, которую хранят при себе для предотвращения от порчи, болезней и т. д.

Характер надмогильных памятников предопределяет использование в их текстах достаточно большого количества названий числительных, указывающих дату смерти. Своеобразие этих числительных является особенностью р-язычных памятников.

Приведем основные названия количественных числительных:

один — бер, бпр

два — эки

три — үч

четыре — төт, түт (встречаются только с окончанием порядкового числительного в виде төтем, түтем)

пять — беш, однако в то же время смотрите порядковые числительные белим, белчи — «пятый», где основа бел

шесть — алты

семь — жети, жечи

восемь — сәкер

девять — тохур, тохыр

десять — он

двадцать — жирме, жерме

тридцать — отур, отыр

сорок — хырх

пятьдесят — эле, эллу

шестьдесят — алтмыш

восемьдесят — сәкер он

девяносто — тохур он

сто — жүр, жөр

шестьсот — алты жүр

семьсот — жети жүр

В отношении форм образования порядковых числительных от приведенных выше количественных числительных мнения исследователей разделились. По мысли Н. А. Андреева, в болгарских эпитафиях три окончания могли образовать порядковые числительные, это — м, -ш, -нш (или -мш). О. Прицак добавил к этим показателям еще три: — нч, -нчи, -нши. Сразу бросается в глаза, что окончания -нч, -нчи, -нш, -нши, -ш выстраиваются в единую цепь звуковых изменений и начальным звеном здесь выступает общетюркская форма -нч. Это все верно только теоретически, однако при рассмотрении эпитафий не только Булгарского городища, но и всех,

на сегодняшний день известных, мы не смогли обнаружить числительных, образованных при помощи окончаний -нш, -нши, -нч, -нчи. Оказалось, что это мнение было основано на ошибочном чтении некоторых слов.

В надписях ясно видно, что при некоторых числительных имеется окончание -ши, однако и его нельзя считать образующим порядковое числительное. Как известно, общетюркский показатель третьего лица -сы // -си, например, **атасы** «его отец», **пычысы** «его пила» на почве болгарского языка, хотя и не всегда, может перейти в -шы // -ши. И так как в памятниках родительный падеж не употребляется, связь между словами осуществляется простым примыканием или при помощи притяжательного показателя -шы / -ши: вафат болты тарих жети жүр экиши жол... эти — «Скончался: по летосчислению семьсот второй (дословно: его семьсот два) год... был».

Употребленное здесь числительное «экиши» означает конкретный год, то есть отрезок времени, а не его порядковое число от определенной точки отсчета.

Рассмотрим второй пример: вафаты болты тарих жете жүр он алтышы жол мухаррам айхы жермиши эрне күн эти — «он умер в семьсот шестнадцатом году двадцатого дня месяца мухаррам, в пятницу». Если перевести дословно, то получится: «Его смерть произошла: по летосчислению семьсот шестнадцать лет, его двадцать [дней] месяца мухаррам, пятница была». Здесь как **алтышы**, так и **жермиши** являются количественными числительными, особенно это отчетливо ощущается при отсутствии слова «день». Выходит, к моменту кончины прошло двадцать дней месяца мухаррам — таким образом передается значение количества, хотя на русский язык обычно и переводится как порядковое числительное.

При выяснении принципа отсчета времени необходимо иметь в виду и другое обстоятельство: в начале предложения, которое означало дату смерти, стоит слово «тарих» — «дата; история» в именительном или направительно-местном падеже, а слово «хиджрат» — «хиджра, переселение (то есть начало мусульманского летосчисления)» — в исходном падеже. Здесь можно предпологать лишь: а) смерть произошла, когда от хиджры, то есть от дня переселения Мухаммеда из Мекки в Медину, прошло столько-то лет; б) смерть произошла, ког-

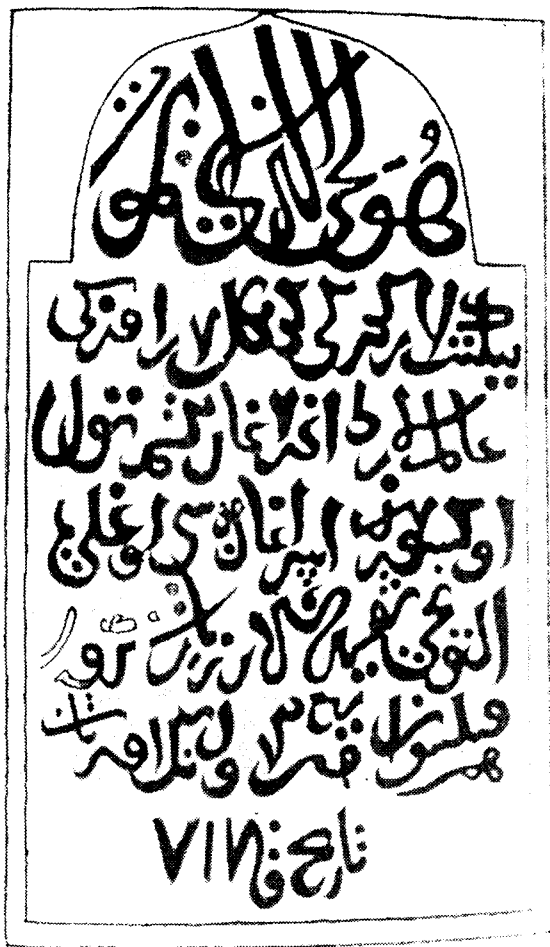
да по мусульманскому летосчислению (хиджре) прошло столько-то лет. Тем более в другой группе памятников, написанных на з-языке, сообщение начинается со слова **хиджратка** — «в хиджру», относя этим процесс в прошлое и отсчитывая количество времени.

Иногда в предложении появляется вспомогательное слово **ишнэ** — «в; во внутрь», например: тарих жети жөр... зулькагида айхы ишнэ эчи — «по летосчислению семьсот... в месяце зулькагида (дословно: во внутрь месяца) было». Употребление этого вспомогательного слова, образованного от общетюркского **ич** — «внутренность», еще раз убеждает в том, что точкой отсчета брался день кончины, и указывалось количество лет до 26 июля 622 года (до начала хиджры).

Итак, на наш взгляд, в болгарских памятниках имеются два показателя, которые без всякого сомнения образуют порядковые числительные, это — -им // -ым // -ем и -чы // чи. Первое окончание зафиксировано в следующих числительных: **үчем** — «третий», **төтем** — «четвертый», **белим** — «пятый», **оным** — «десятый». А второе участвует при образовании числительного **белчи** — «пятый».

Мы уже не раз обращались к фактам дунайско-болгарского языка из Именика болгарских князей, но здесь еще раз хочется привести протоболгарские формы порядковых числительных, так как часть их показывает полное тождество с волжско-болгарскими: **алемь** — «первый», **вечемь** — «третий», **тоутомь** — «четвертый», **читемь** — «седьмой» и др. В северокавказских протоболгарских надписях при помощи показателя **-ем** также образуется порядковое числительное **үчем** — «третий». Там, кроме него, могут использоваться и аффиксы **-же**, **-нче**.

Как уже было упомянуто, все памятники по своему языку четко разделяются на две группы, в одной ведущим является р-признак, в другой — з-признак. До этого речь шла только о памятниках первой группы. Другую группу называли то памятниками первого стиля, то его язык признавали кипчакским, татарским или литературно-золотоордынским. Надо признать, что язык этой группы надписей, кроме чисто звуковых отличий, выделяется и несколько своеобразным составлением текстов, хотя и здесь ощущается давление некоего стандарта. Сравните:

1. Нувә-ль-хәйи-ль-ләдзи ля йамуту.
2. Пекетләр көрке, көңгелләр үзәге,
3. Галимләрни агырлаган, йәтим, тул
4. өксүзләрне асраган Муса оглы
5. алтунчы Шаһидулла зийарәте турур.
6. ...рәхмәт кылсун. Амин. Рабигу-ль-әввәльнең ор-
тасы,
7. тарихка 717.

Перевод этой надписи:

1. Он живой, который не умирает.
2. Красы молодцов, сердца сердец,
3. уважавшего ученых, одиноких, вдовых
4. сирот кормившего Мусы сына,
5. золотых дел мастера Шахидуллы, место погребения.
6. [Пусть аллах] окажет милость. Аминь. В середине
месяца раби I,
7. по летосчислению 717.

Как видно, язык этих надписей очень похож на язык современных татар, что и побудило некоторых исследователей считать их написанными гораздо позже, чем другая группа памятников. Однако эти памятники четко датированы и их нельзя считать подделками, да и с какой целью нужно было заниматься фальсификацией, составляя надмогильный текст покойному?! Видимо, причина была в ином. Вначале рассмотрим тюркские части (коранические формулы опускаем) двух эпитафий XIV века, сохранившиеся на кладбище с. Иски-Рязяп Куйбышевского района, что недалеко от бывшей столицы Суварского княжества. Первая надпись гласит: Әнбал оглы Хәсән зийарәте турур... Тарих йети йүз кырк бешдә, рәжәп айының үченче күнә эрдә — «Анбала сына Хасана место погребения... По летосчислению в семьсот сорок пятом, раджаба месяца третий день был».

А во второй надписи вырезано: Әмбал оулы Хәсән оулы хажи Бу бәлүкү кү — «Амбала сына, Хасана, [его] сына хаджи Бу надмогильный памятник это».

Если исходить из наличия определяющих языковых элементов, в этих текстах, бесспорно, нашли отражение два самостоятельных языка. Однако принадлежат эти памятники членам одного семейства — сыну Анбала и его внуку, так что этот факт исключает возможность толкования одного из них как кипчака, другого как булгара. Нас не должно смущать написание имени в виде

Анбал и Амбал. Тут мы встречаемся с нормой произношения, которая нашла отражение и в письме, под влиянием губно-губного звука «б» впереди стоящий «н» переходит в «м». Так, в татарском языке есть имя собственное Сюмбель, но образовано оно от персидского **сюнбел** — «гиацинт, имя собственное», татары числительное **унбер** — «одиннадцать» обычно произносят как **умбер** и т. д.

Как правило, судя по языку общения, определяют этническую принадлежность говорящего: татарин говорит по-татарски, удмурт — по-удмуртски, венгр — по-венгерски. Это характерно только определенным периодам развития общества, в особенности, дофеодалным формациям. Что касается языка надмогильных плит, то он вообще не может выступать этническим определителем похороненного. Если у определенного количества памятников Булгарского городища имеются тексты на арабском языке, то вряд ли кто будет утверждать, что они поставлены над умершими арабами, к тому же имена и титулы показывают на их связь с тюркским миром: Сабар-элчи — дочь Бураш-бека, хаджи Хусаин-бек — сын Гумер-бека (его предки родом из Туркестана), Фатима-элчи — дочь Аййуба, сына Мухаммеда, сына Йунуса ал-Булгари. Для сравнения можно привести эпиграфические памятники X—XVII веков из Дагестана, которые почти полностью выполнены на арабском языке, а на местных языках — лишь единицы; из 103 надмогильных кайраков XI—XIX веков из верховой Зеравшана лишь на 30-ти имеются надписи на таджикском языке, на остальных — арабоязычные; большинство из 200 арабографических эпитафий Киргизии написано на арабском языке и т. д.

Из всех известных эпитафий Волжской Булгарии несколько памятников имеют двуязычные тексты, однако они не переводы с одного языка на другой, а каждый имеет свою функцию, предназначение. Арабский язык употреблялся, потому что он был языком религии, считаясь как бы «священным»; своеобразный тюркский р-язык был языком предков и в XIII—XIV веках применялся для оформления эпитафий; откуда же тогда появился тюркский з-язык со своим общетюркским характером? Кое-кто из ученых утверждал, что в конце XIII века волжские болгары-мусульмане, забыв свой язык, приняли новый язык огузо-кипчакского типа.

Основной причиной этого считалось вхождение государства в состав Золотой Орды и вызванные с ним этнолингвистические изменения в самой Волжской Булгарии. Однако при всей значимости данного события для истории края не это является всеопределяющим фактором языкового изменения.

Углубимся немного в историю. В 922 году из Багдада в Булгар прибыла миссия халифа ал-Муктадира, в составе которой был знающий и грамотный араб Ахмед ибн-Фадлан. Он все видел и все записывал в свой журнал. И сейчас мы внимательно читаем его записи об истории и быте народов той отдаленной эпохи. В середине лета царь Алмуш вместе с приближенными перекочевал к реке Джаушыр, шириной пять локтей и с наибольшей глубиной в рост человека. А в другом месте эту же речку Ибн-Фадлан называет Джаушыз, то есть с конечным -з. Несомненно, слышал он это название от людей, живущих там, а не от сопровождающих его среднеазиатских тюрок.

В XI веке ученым-энциклопедистом Махмудом Кашгари был составлен словарь всех тюркских наречий, где приведены примеры, характеризующие говоры жителей гг. Сувар и Булгар. Что же это за слова? Суварскими он считает слова **бал** — «мед», **тэвэ** — «верблюд», **йалнук** — «невольница», **тоз-** — «быть сытым», **азак** «нога»; булгарскими — **канак** — «сливки», **лав** — «воск для печати», **күклэш** — «породниться», **авус** — «воск», и вышеуказанные **тоз-** и **азак**.

Однако трудно поверить, что эти слова принадлежали только суварам или булгарам. **Бал** — «мед» в таком же значении и в такой же форме присутствует у татар, башкир, караймов, киргизов, уйгуров, казахов, каракалпаков, ногайцев, туркмен, турков, а узбеки произносят **бол**, чувашаи — **пыл**; «верблюд» у тувинцев **теве**, у чувашей — **теве**, у караймов — **тевя**, **тэвэ**, **дэвэ**, **түйэ**, у турков — **деве**, у казахов, каракалпаков, ногайцев — **түйе**, у татар — **дөйэ**, а в говорах **түвэ** и т. д. Подобные примеры можно было бы продолжить и дальше. Кроме всего, как отмечает сам М. Кашгари, формы **бал**, **тэвэ** были характерны не только суварам, но и кипчакам, огузам, форма **йалнук** — суварам, кипчакам, огузам, **канак** — булгарам и аргу, **азак** и **тоз-** — суварам, булгарам, йемекам, кипчакам, то есть эти слова никак нель-

зя считать принадлежащими только какому-нибудь племени или союзу племен.

Нередко исследователи в качестве образца волжско-булгарского языка приводят следующее четверостишие, помещенное у М. Кашгари:

Этил сувы ака турур,
кайа түби кака турур,
балык тәлим бака турур,
көлүң такы күшәрүр.

Текут воды Этиля-реки,
Об скалу ударяются.
Много там рыб и лягушек,
Плавни также заполняются.

Однако оно служит лишь иллюстрацией для названия реки Этиль, поэтому правомерно будет считать его отражением письменно-литературного языка Караханидского государства XI века.

Как известно по историческим источникам, некогда суверенное Суварское княжество в результате межфеодалной борьбы во второй половине X века потеряло самостоятельность и подчинилось булгарскому царю, но г. Сувар арабскими путешественниками упоминался еще до XIV века. В качестве тахаллуса название Сувар присутствует и в надмогильной надписи 1314 года из с. Большие Тарханы Тетюшского района: «...Ходжи сын, Госман, [его] сын сборщик податей Ибрахим ас-Сувари».

Язык же жителей Сувара XI века, судя по примерам М. Кашгари, обнаруживал большое сходство с огузским и кипчакским языками (а они как раз имеют общетюркский з-признак). Означало ли это то, что сувары говорили на языке общетюркского типа или же М. Кашгари были зафиксированы образцы речи отдельных купцов-кипчаков, проживавших в то время в городе, ведь Сувар находился на караванном пути из Средней Азии в г. Булгар? К сожалению, наши знания о языке сувар не выходят за рамки общих представлений, поэтому у нас нет достаточно аргументированных оснований для выводов в этноязыковом плане, сравните суварские (сабирские) имена Акум, Берихос, Балах, Илирик, Конулсиз, Тиранис, Хоногур. Все же хочется привести мнение автора сводной работы о хазарах, американского ученого Петера Голдена, который считает язык сабиров (сувар) обычным тюркским в отличие от языка огузотюрков.

Как установлено, М. Кашгари сам в Волжской Булгарии не был и в его примерах из булгарского языка нет элементов, характерных для протобулгарского языка.

ка. Тут, конечно, можно предположить, что в число его информаторов, из речи которых он взял примеры, попались лишь люди из Волжской Булгарии (точнее, г. Булгара) с обычной тюркской речью огузо-кипчакского типа.

Обратимся снова к историческим документам. Они свидетельствуют о весьма тесных связях болгарских купцов со Средней Азией и странами Востока. Каждый состоятельный мусульманин старался совершить паломничество в Мекку, на восточных базарах продавались рабы — болгары и болгарки. Современник Махмуда Кашгари, таджикский поэт Насири Хосров, писал:

Привозят тюрков из Булгара,

Чтобы соблазнять людей.

Губы и зубы этих луноподобных красавиц

Такой красоты, что не следовало бы подобных сотворить,

Ибо из-за любви к губам и зубам их

Нужно зубами кусать губы.

Даже при сильной этнической пестроте населения в то время М. Кашгари имел возможность встретиться с настоящим болгаринном, в речи которого ощущались бы только присущие булгарам черты. Но таких фактов он не приводит. Очевидно, архаичный древнебулгарский язык уже в XI веке не применялся в широком общении, а лишь у мастеров-резчиков по традиции передавался из поколения в поколение. В истории человечества известно много случаев, когда живой язык, утратив свои разговорные функции, начинал применяться в совершенно иной сфере или же предавался полному забвению. Так, своеобразный шумерский язык, родственные связи которого до сих пор не установлены, вышел из употребления как живой язык вскоре после правления Хаммурапи (1792—1750 годы до н. э.), и только вавилонские жрецы продолжали пользоваться им как языком культа.

Фиксация в XI веке примеров общетюркского типа в говоре людей из Волжской Булгарии наталкивает и на другую мысль, а именно, на проживание там людей с обычным тюркским языком, притом не в малом количестве, коль М. Кашгари принимает их язык за образец. Все же общественно-политическая ситуация в стране и наличие более поздних надмогильных памятников XIII—XIV веков со «странным» языком позволяют ис-

толковать это явление несколько иначе, чем просто фиксация речи кипчаков.

Общеизвестно, что еще в VIII веке Поволжье превратилось в важную составную часть Хазарского каганата — первого государства в Восточной Европе. После упадка каганата главенствующая роль в регионе перешла к Волжской Булгарии, хорошо организованному и экономически развитому государству, которое к концу XII века достигло своего расцвета. Если в начальный период сложения государства можно было говорить лишь о племенных диалектах, которые, кстати, сами по себе способны выделить какие-либо формы языка, возвышающиеся над повседневной бытовой речью, то в условиях племенных объединений и союзов языковая ситуация принимает более усложненные формы. Языковое разделение Волжской Булгарии в начальные периоды ее образования была многоплановой ввиду объединения в союз как родственных, так и неродственных тюркских племен, в то же время племен финно-угорских и славянских. В таких условиях возникает вполне естественный вопрос: как же они общались между собой и на каком языке? Из всех типов и форм языка, обычно возникающих в подобных социально-политических условиях, и имеющих искусственное образование (то есть они «возвышаются» над местными говорами отдельных групп людей), правомерно было бы выделение двух типов общинно-бытовой речи. Это, в первую очередь, узкорегionalный разговорный язык (его иногда называют городским койне) и общее внетерриториальное языковое образование.

В условиях средневековья огромное значение имел город, он был центром племенного объединения, политическим и экономическим организатором. Считается доказанным существование в домонгольском периоде Волжской Булгарии 93 городов, однако в период образования государства было два крупных города — Булгар и Сувар. Сувар был племенным центром сувар (сабир) и считался одним из главных и значимых городов Волжской Булгарии, где в первой половине X века с именами царей Нарс бен Ахмед-Сувар, Талиб бен Ахмед, Мумин бен Ахмед чеканились монеты. Однако после 976 года суверенный Сувар потерял политическую самостоятельность и подчинился царю булгар. Теоретически можно предполагать, что в каждом крупном го-

Особый тип недатированных памятников

роде могла функционировать какая-либо форма языка наддиалектного характера (не считая письменно-литературного). Вроде бы в Суваре имелись и определенные условия для сложения городского койне, ослабляющего родоплеменные связи, на что указывают такие косвенные факты, как распространение ислама (по сведениям эль-Балхи, в X веке там имелась главная мечеть),

в домонгольское время город стоял на торговом пути из Средней Азии в г. Булгар (предопределявшем прибытие иногородних купцов и покупателей, развитие ремесленничества и т. д.), то есть был местным центром торговли и ремесленнической деятельности. Однако из-за отсутствия фактического языкового материала (кроме приведенных М. Кашгари), лишь предположительно можно вести речь об образовании здесь общего языка для общения между собой различных людей, кроме того, не выяснена роль Суvara в экономической и политической жизни государства.

Несколько иное положение относительно Булгара: после преодоления сопротивления ряда племен и победы в военных столкновениях с чужеземцами централизованная власть находилась в руках болгарского царя, носившего титул «эльтебер». В предмонгольский период в Поволжье монетным двором располагала столица государства — г. Булгар. Политический, культурный и экономический статус стольного города предопределил все более выраженную специализацию ремесленников, четче разграниченной становилась классовая структура общества. В городе создались многообразные условия для развития речевого общения общественного характера в рамках ремесленных и торговых объединений. Усиление государственного единства стимулировало стремление и к языковому единству, складывалась официально-деловая форма языка. Широта территориально-экономических связей определяла смешанный характер населения города: здесь проживали не только носители разных диалектов, но и языков. Следует учесть и то, что принятие ислама вызвало приток духовенства и их приверженцев из Средней Азии, к тому же Булгар был не только политическим, но и торговым центром. Все это диктовало необходимость выбора языка для общения между различными людьми и, как показывают примеры М. Кашгари, такой язык имел общетюркский характер.

Главным фактором, вызывающим необходимость общего государственного языка, является практическая потребность в нем, и он складывается из наличия довольно существенных диалектных различий. Его общетюркский характер, на наш взгляд, был предопределен рядом условий: 1) наличием в составе болгарского союза племен таких, которые говорили на з-языке, о чем свидетельствуют отдельные факты, зафиксированные Ибн-

дланом, да и сам титул «эльтебер» болгарского царя известен в тюркском мире с VI века, его носили пленные вожди в тюркском каганате. О. И. Смирнова восстанавливает имя болгарского царя как Эль алмыш, которая состоит из эль — «страна, народ, государство и т. д.» и глагола ал- — «брат, взять, покорить и т. д.», а окончание -мыш указывает на присутствие огузского признака. Его не обязательно считать представителем огузских племен, ведь в основе древнетюркского языка также лежит огузский признак;

2) тесными этнокультурными (например, древнеболгарский социальный титул «элти» — «госпожа, барыня», который является по происхождению древнекипчакским), торговыми и политическими связями Волжской Булгарии с племенами, говорящими на языке огузо-кипчакского типа и живущими по соседству;

3) проникновением западных кипчаков в Волжскую Булгарию с начала XI века (отдельные небольшие группы, видимо, были еще раньше в составе болгарского союза племен), которые занимались ремеслами, торговлей, земледелием и нанимались в армию. В летописях, например, имеется такой факт: во время похода русских князей на Великий город (то есть на Биляр) в 1183 году уже на болгарских землях к ним присоединились «Емяковы половцы» во главе с болгарским князем. Это были йемеки, одно из тюркских племен, входившее ранее в кимако-кипчакскую федерацию на севере Центральной Азии;

4) прибытием в большом количестве представителей ухуовенства и их последователей из Средней Азии после официального принятия булгарами мусульманской религии. Следует полагать, что духовные руководители занимали высокую ступень в общественной иерархии, и так как их язык общения характеризовался большим совершенством, в силу своего положения он оказывал шутимое влияние и на складывающееся разговорное бйне;

5) знакомство с произведениями, написанными на тюркском литературном языке того периода, и их распространение. Нельзя не согласиться с мнением Г. Т. Таирджанова о том, что традиции Ахмеда Ясеви и Сулеймана Бақыргани на болгарской земле были весьма популярны. Их заучивали наизусть, их произведения являлись образцом. Можно также предполагать применение

ние литературных памятников для обучения грамоте в медресе. В результате всего этого появлялся литературный образец на отшлифованном, нормированном языке для подражания.

Естественно, не все перечисленные условия, влияющие на характер наддиалектной формы языка, могут иметь одинаковый вес, также нельзя исключать возможность появления и иных условий, имеющих какое-либо значение в конкретных исторических и историко-культурных ситуациях в выборе необходимого комплекса языковых средств.

Как правило, образцовым признается язык какой-нибудь местности или же города. Исследованиями ученых убедительно доказано значение города для жизни страны, когда он выступает очагом ремесленного производства и торговли, культурным и экономическим центром — здесь создаются многообразные условия для развития особой формы обобщенной речи. В этом отношении г. Булгар не составлял исключения, поэтому у нас есть все основания утверждать, что именно здесь сложилась обобщенная форма языка, которая называется наддиалектным койне. Считается, что к XII веку сформировался обобщенный тип речи более высокого порядка — болгарское общенародное койне общетюркского характера. Другими словами, болгарское городское койне переросло границы города и стало общенародным. С образованием Золотой Орды и вхождением Булгарии в качестве отдельной области увеличился поток племен с общетюркским языком, что только усилило значимость существующего языка обобщенного характера. На наш взгляд, этот язык как раз и применялся для оформления текстов надписей отдельной группы.

В связи с этим невольно возникает вопрос о литературном языке этого периода: противопоставлялись ли разные типы языка, каковыми выступают общенародное койне и литературный язык или же письменная форма койне применялась и для осуществления официально-деловых связей? В определенных исторических условиях, как это было, в частности, на Руси, литературный язык возникает в связи с формированием общегосударственных потребностей закрепления и упрочения власти. Новая форма общественных организаций нуждается в специфических языковых формах для осуществления деловых связей внутри страны и вне ее. Видимо, функцию

кого языка выполняла письменная форма общенародного койне, так как его устная форма сложилась при подавляющем преимуществе кипчакских элементов, и она была созвучна с деловым языком Золотой Орды.

Бесспорно и то, что в это время в Волжской Булгарии существовал книжно-письменный язык традиционных литератур, жанров, нашедших отражение в «Кисса-и Йусуф» Кул Гали. Однако хочется еще раз подчеркнуть, что это высокохудожественное поэтическое произведение. Его язык продолжает существующую традицию и нередко бывает оторванным от других форм языка. Но это — вопрос особый.

В Волжской Булгарии функционировал еще один язык — арабский. Он был языком культа (например, изящно оформленные арабоязычные надмогильные памятники булгар) и науки. Булгарские ученые оставили след своими научными трудами по истории, астрономии, фармакологии и др. Труды Ахмеда Булгари (XI век), Якуба ибн Нугмана (XII век), Абу-л-Гала Хамида ибн Идриса ал-Булгари (XII век), Хасана Булгари (XIII век), Бурхан ад-Дина ибн Хидр ал-Булгари (XIV век), Бурхан ад-Дина Ибрахима ибн Йусуфа ал-Булгари (XIV век), Мухаммада ал-Булгари (XIV век) и других были написаны на арабском языке.

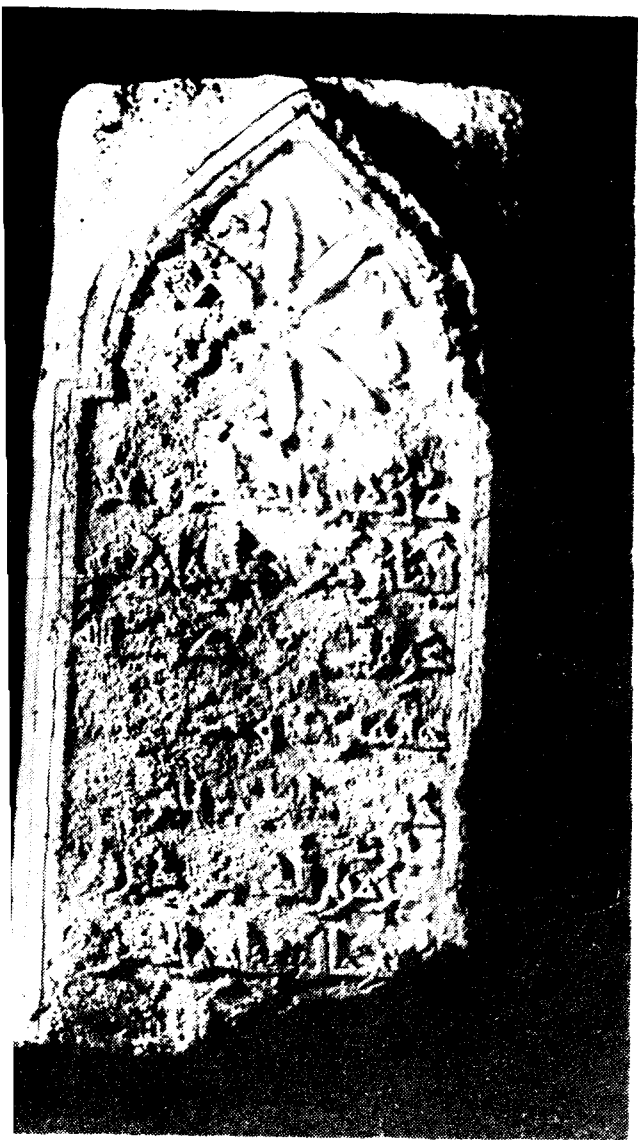
Исследователи, признающие булгарский язык языком и выдвигающие тезис об его изменении в язык общетюркского типа с 3-признаком, в доказательство берут эпитафии волжских булгар XIII—XIV веков. Тем самым обе группы они считают памятниками обиходно-разговорной речи. Но, во-первых, раз один язык «перешел» в другой, как же они существуют одновременно и на всей обширной территории государства? И, во-вторых, когда централизованно изготавливаются памятники, их язык не должен выступать языком какой-либо группы людей — тут появляется понятие престижности. А эпитафии, как правило, пишутся на «священном» языке (в данном случае на арабском — языке корана), на письменно-литературном или языке предков. Последний мог сохраниться в виде клишированных выражений.

В 1984 году на кладбище г. Чистополя был зафиксирован текст оригинального булгарского надгробия 1311 года, где хвалебная часть надписи была вырезана на 3-языке, а датирующая часть — на р-языке. Выглядела она так: галпмлэрка тэрбият кылкан, зәһидларка сев-

гән, мәсжедләрни гыймарәт кылкан, үкүш хәйратлыг Мажар казый (?) оглы Исмагыйль зийәрәте бу. ... вафат болты: тарих жети жүр он бер жол рәжәп айхы жерме экеши күн эти — «Давшего воспитание ученым, любившего набожных, мечети воздвигавшего, множества благих дел совершившего Маджар-кази (?) сына, Исмагила, место погребения это. ...скончался: по летосчислению семьсот одиннадцать лет, раджаба месяца двадцать второй день был». Несмотря на то, что в структурном отношении языки этих двух частей имеют определенное расхождение, они, на наш взгляд, отражают две формы существования языка.

Как было указано выше, памятники ставились над могилами представителей высшего сословия, и здесь интересно проследить, кем же они были при жизни. На верхней ступени социальной лестницы, очевидно, стоял эмир. Именно такой термин упоминается на одном из памятников Булгарского городища: «Эта гробница эмира великого, величайшего, весьма славного, весьма почетного, знатнейшего, славнейшего, благороднейшего, воспитателя ученых, подпоры слабых Ахмеда-хаджи, сына Мумика, сына мир-Хусейна Назара ал-Булгари» (некоторые имена читаются не совсем четко). Этот памятник датирован 1320 годом.

В 1900 году татарский ученый Шигабуддин Марджани писал: «При начале озера (Кабана), в усадьбе, служащей местопребыванием епископа, есть древние мусульманские могилы. Когда там производилась стройка, то рабочие подложили многие камни под строение. Заметив это, некто Григорий, который был в то время казанским епископом, а впоследствии сделался митрополитом, остановил рабочих, и таким образом небольшая часть остатков сохранилась в целости. В особенности надо заметить большой камень, который лежит у ворот». Камень, который имел длину 3,5 метра, оказался надмогильным памятником (стоит во дворе Государственного музея ТАССР) с сильно испорченной надписью. Все же Ш. Марджани удалось прочитать, что «это гробница султана великого, знатнейшего, помощника султанов, эмира чтимого... победоносного... почтенных и великих, знамени... к победоносному... двух почестей... гордости рода... и веры, тени господа миров Хасан-бека, сына мир-Махмуда».

Надмогильный камень. 1324 г.

Обратимся еще раз к запискам Ибн-Фадлана (922 г.). В эпизоде, когда речь шла о провозглашении официального титула главы государства как «царя болгар», Ибн-Фадлан посоветовал именовать его «эмиром болгар». Выходит, это был самый высший титул.

В арабском мире эмир первоначально означал предводителя племени, а после организации халифата — заместителя халифа и вообще более или менее крупного начальника. В связи с тем, что халифат считался единым государством, даже правители независимых государств могли титуловаться только эмирами, например, султаны Газны именовались просто эмир Махмуд, эмир Масгуд и т. д. Звание эмира в XIV веке носил и Тамерлан. Кстати, это слово входило в состав титулатуры халифов в виде «амир-уль-мумнин».

Термин «эмир» неоднократно встречается и в эпиграфических надписях Северного Кавказа и относится всегда к высшим слоям общества, обычно к правителям и владельцам, независимо от размера этого владения. Это может быть одно селение, союз селений или же феодальное владение. Позже некоторые феодалы титуловались и султанами.

В Волжской Булгарии титул «эмир» был в активном употреблении до монгольского нашествия. Например, в «Тарих-и-Бейхак» сообщается, что болгарский эмир Абу Исхак Ибрагим ибн Мухаммад в XI веке послал деньги на строительство двух мечетей в Хорасане. Об эмире — правителе Булгарской колонии в городе Саксине в низовьях Волги пишет ал-Гарнати.

В золотоордынском периоде термин «эмир» встречается на монетах болгарского чекана, относящихся к середине XIII века, эмирами назывались правители болгарских городов и земель в составе Золотой Орды.

В указанных эпитафиях оба эмира имеют и другие титулы, в болгарском — «хаджи», а в казанском — «бек», кроме них — приставки к имени «мир», образованное также от титула «эмир». Данный компонент имени встречается еще в трех надписях из Булгарского городища и в одной из Больших Тархан Тетюшского района, что указывает на знатность и родовитость умерших.

Бросается в глаза и другая особенность казанского памятника: здесь титул «эмир» стоит ниже титула «султан». Хотя в памятнике из Булгара последний титул и не указан, в отношении правителей Булгарского госу-

дарства было бы неверно отрицать его наличие. Хасан-бек, хотя и был султаном, возможно, правителем Казанского княжества, в то же время считался помощником султанов, под которыми следует предполагать правителя Булгарского государства или же Золотой Орды. В другом памятнике из Булгарского городища, который датирован 1297 годом, и палеографически идентичен казанскому памятнику, титул «султан великий» отмечен на первой позиции.

Не вдаваясь в подробности происхождения этого титула, надо отметить, что в XIII—XIV веках титул «султан» широко распространяется на Востоке, особенно среди тюркских князей. В XIV веке этот титул, как почетный, появляется на монетах золотоордынских ханов начиная с Узбека. На Северном Кавказе титул «султан» встречается весьма редко. Появление этого титула в надписях на камне исследователи склонны связывать с сельджуками. Власть султана здесь была равносильна власти эмира.

Наличие этого титула в эпитафиях конца XIII века показывает, что он имел хождение и среди болгар. Титул «султан» в составе сложного имени князей Асана и Махмед султана упоминают русские летописи в описании похода русских князей на Булгарию в 1376 году, хотя его здесь можно рассматривать и как титул.

Употребление титула «эмир» ниже титула «султан», наличие второго титула у погребенных показывает, что в конце XIII века титул «эмир» как правителя Волжской Булгарии стал пережиточным. Как же объяснить тогда употребление пережиточного титула в эпитафиях и на монетах? Нужно учитывать то обстоятельство, что в конце XIII века шел процесс восстановления государственности у болгар, разрушенной монгольским нашествием. С разрушением государственности некоторые болгарские земли, вероятно, хотели организовать самостоятельные княжества, подчиненные непосредственно хану Золотой Орды, что, несомненно, нашло бы поддержку у золотоордынских правителей. А Булгар претендовал на всю территорию Волжской Булгарии. Поэтому стали появляться монеты с именем давно умершего халифа Ан-Насира с титулом «эмир ал-муминн», в период правления которого Булгарское государство было единым и переживало наивысший расцвет. Титул «эмира всех мумульман» на монетах ассоциировался с титулом «эмира

всех болгарских племен Волжской Булгарии», показывая тем самым право Булгара на объединение вокруг себя всех болгарских земель. Таким образом, в титуле «эмир» необходимо усматривать правителя Волжской Булгарии, находящегося в вассальной зависимости от хана Золотой Орды. Этот титул соответствовал русскому термину «князь».

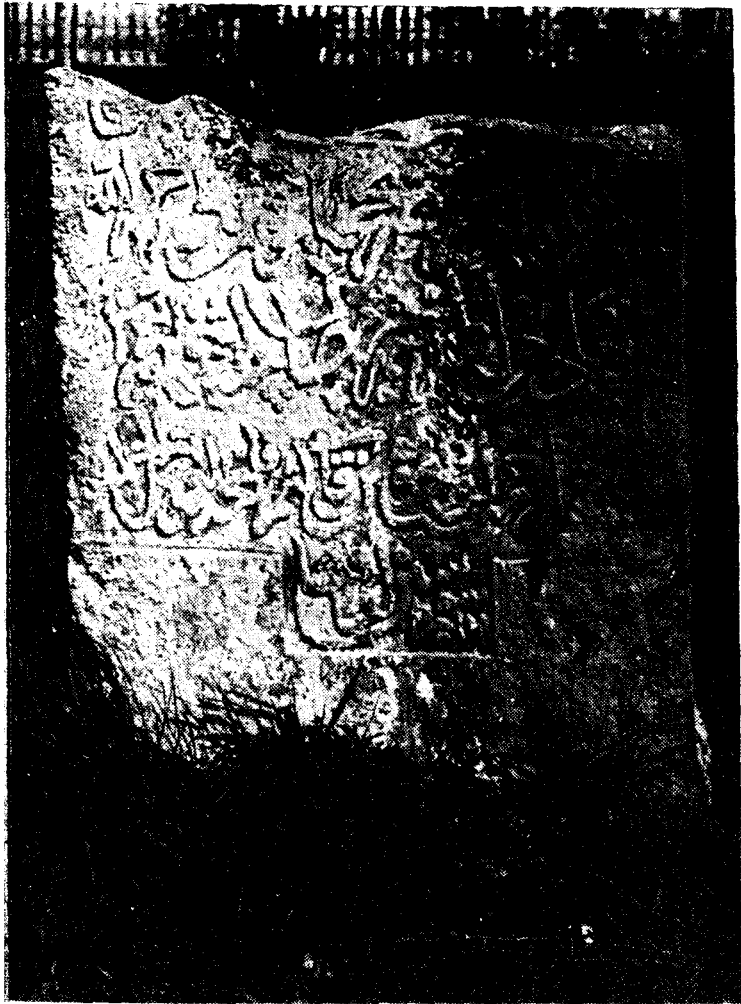
Необходимо отметить наличие еще одного термина, соответствующего титулу князя — «бека», который зафиксирован в памятниках из Булгара, Казани, Чишмы, Татарского Калмаюра. Каково же различие между князем-эмиром и князем-беком? Несомненно одно: титул князя-эмира выше, чем титул князя-бека, на что указывает и более широкое распространение второго титула. Беками назывались правители определенной области, подвластных Булгару земель. Эта зависимость очень тонко прослеживается в памятнике Хасан-бека из Казани — «султана великого, помощника султанов». Выходит, он был эмиром, теперь же поставлен беком? Поэтому, на наш взгляд, титул «эмир» больше соответствует титулу Великий князь русских летописей.

Из памятников рунической и древнеуйгурской письменности известно, что титул «бек» носили правители. Позднее у тюркоязычных народов беками назывались предводители отдельных полков и дружин, находящихся на службе у хана, правителя, а в среднеазиатском Тефсире (Толковании) XII—XIII веков из г. Карши он уже применяется как «правитель определенного города или области». Данный титул, как видно на примере текста памятника из Чишмы БАССР, переходил по наследству. Этот титул, по нашему мнению, означал правителя области или города и соответствовал «князю» русских летописей. Князьями названы болгарские вожди в связи с событиями 1164, 1220, 1228, 1370, 1376 годов.

Титул «бек» встречается и у хазар, Ибн-Фадлан, например, сообщает: «Что касается царя хазар, титул которого «хакан» ... а его заместителя «хакан-бек».

В тексте одного памятника с Булгарского городища данный титул употреблен при женском имени в виде «бикэ». Естественно, так называли жену князя.

В болгарских эпитафиях встречается еще одно слово, возможно, означающее князя — **бу(би)**: Алтун-бу, Арт-бу, Хаджи-бу. Однако маломерность эпитафий, плохое оформление не дают возможности рассматривать эти

Причудливые узоры арабской вязи

памятники как княжеские, поэтому мы считаем их компонентами сложного имени.

Ряд терминов титулатурного характера в памятниках употребляется в качестве компонента сложного имени, например, «Малик» и его женский вариант «Малика». Это слово, означающее в арабском языке «царя, влады-

ку», со временем стало применяться в качестве имени собственного. В средние века представительницы правящих династий получали звучные, пышные имена с этим титулом. Одна из сельджукидских принцесс, например, называлась Маликахатун — «царица-госпожа», а на территории Афганистана в XIII—XIV веках две царевны носили имена Маликаи Джахан — «царица мира» и Маликаи Хурасан — «царица Хорасана».

В лице Сафар Малики и Шамар Малики мы встречаемся с именами приехавших в Булгар людей, что проясняется из тахаллусов — фамилий их отцов, которые были из Шемахи и Африкента.

В одном из памятников встречается имя с компонентом титулатурного характера «шах»: Мубарак-шах Курасани. Даже сам тахаллус Курасани свидетельствует о чужеземном характере этого титула-имени. Сам титул «шах» восходит к древнеиранскому титулу хшайатья — «правитель, царь». Так называл себя в наскальных надписях царь Дарий I. Тюркским народам этот титул был несвойственен, хотя при Сельджукидах он вновь вошел в оборот и при Тимуридах имена с компонентом «шах» были не редкостью. Однако в большинстве случаев он так и остался составной частью сложного имени.

Немногочисленные эпитафии с терминами «малика» и «шах» и тахаллусы среднеазиатского и кавказского происхождения говорят о том, что погребенные, имеющие такие титулы-компоненты, были людьми приезжими и эти титулы среди булгарского населения не бытовали.

Некоторые титулы, встречающиеся в булгарских эпиграфических памятниках, были широко распространены на Востоке. К ним относятся титулы «ага», «инал», «ходжа», «хатун» и некоторые другие. Титул «ага», например, в Османской империи и в Иране носили полководцы, высшее духовенство, евнухи. У азербайджанцев слово «ага» присоединялось даже к женским именам и означало, что носительница этого имени принадлежит к семейству могущественного правителя. Имя Джафар-ага, что зафиксировано в булгарской эпитафии, имело тахаллус ал-Африканди, то есть был из Африкента, области, входившей в состав Бухарского ханства. Очевидно, данный титул не имел хождения среди булгар, так как памятник поставлен не самому Джафар-ага, а его дочери Шамар-Малике.

Ибн-Фадланом в X веке был зафиксирован титул «инал» среди огузов. Данный титул один раз встречается и в болгарских памятниках, как мир-Ибрахим инал. Г. В. Юсупов, ссылаясь на Рашид эд-дина, отмечал: «Не исключена возможность, что на болгарской земле этот титул носили подчиненные эмиру цари — князья племен, о которых в X веке упоминает Ибн-Фадлан, или же им титуловался предводитель огузов в пределах Болгарского государства». Пожалуй, для XIV века данный титул являлся пережиточным, ибо сын мир-Ибрахим инала, покойный Шахид, уже носил титул «хаджи» и соответственно этому надгробие оформлено по его общественному положению. Возможно, в этом слове было заложено значение «знатного потомка» или «доверенного» — главы небольшого княжества, потерявшего впоследствии самостоятельность. Имеющаяся при имени приставка «мир» также показывает на знатность рода.

Кроме титула, слово «инал» в древнетюркских и восточно-тюркских памятниках применялось в качестве личного имени. Видимо, таким же именем следует считать имя Эг-инал в эпитафии с Северного Кавказа.

— Одним из наиболее распространенных титулов в Волжской Булгарии является титул «ходжа», который означал хозяина, господина. По всей видимости, данный титул носили феодалы вообще, без разделения на социальные группы — это могли быть землевладельцы, обладатели мастерских, купцы и т. д. Среди зафиксированных в памятниках имен, рядом с которыми стоит титул «ходжа», нет ни одного, чтобы при нем был еще какой-нибудь другой титул. Видимо, представители этого сословия, хотя они также относились к числу привилегированных, не были связаны с высшими слоями общества, о чем говорят имена Ахмад-ходжа, Байрам-ходжа, Ар-ходжа и др.

Титул «ходжа» при сохранении владений и имущества переходил из поколения в поколение. Например, в одном памятнике 1308 года с Болгарского городища зафиксирована целая династия ходжей: мюн-суварского рода... Али-ходжы сына, Атряча-ходжы, [его] сына Абу-бекир-ходжы, [его] сына Алп-ходжы надмогильный знак.

В Средней Азии ходжей было так много, что их всех не могли обеспечить привилегиями, потому что ходжи считали себя потомками самого пророка и праведных халифов и требовали к себе особого отношения. Суще-

ствовали целые селения ходжей и отдельные кладбища, несмотря на то, что некоторые из этих ходжей были и бедняками.

Сам титул «ходжа» появился в X веке в государстве Саманидов, где вначале так называли министров. Постепенно так стали именовать всех государственных чиновников. Затем это слово приобрело различные значения, основные из них «господин», «хозяин», «учитель», «старец».

Титул «хатун», который приводится рядом с женским именем, в Волжской Булгарии, видимо, означал жену князей и эмиров, то есть аристократку. В таком же значении выступало данное слово и в древнетюркских памятниках, где с его помощью передавали звание «госпожи, вельможной дамы, женщины знатного происхождения, жены правителя или знатного человека». По мнению исследователей, в средневековых литературных памятниках оно стало, наряду с упомянутыми значениями, означать «жену» или просто «женщину». В «Кисекбаш китабы», например, есть такая фраза: кайу дев алды хатунны айра — «куда див унес твою жену?» Или же в другом месте: бир хатун олтурмыш ирди йүзе ай — «там сидела одна женщина, ее лицо прекрасно, как луна».

Считается, что слово «хатун» образовано от согдийских слов **хвaten** — «королева, владычица», **хватав** — «король» или же от монголо-тюркского **хан** — «царь, владыка», к которому присоединилось окончание -тун, показывающее отношение к какому-либо лицу — в данном случае к окружению царя.

В болгарских эпиграфических памятниках бросается в глаза присутствие двух титулов, характерных только болгарскому феодальному обществу. Один из них — **элти** (есть также вариант **элчи**). Пока обнаружено всего около десяти памятников, поставленных над могилами женщин, в текстах которых встречается имя с указанным титулом. Хотя это слово было зафиксировано еще первыми переписчиками надписей Юсупом Ижбулатовым и Кадыр-Мухаммедом Сюнчалеевым, однако оно не было переведено ими. Впервые на него обратил внимание Н. Ф. Катанов при рассмотрении эпитафий г. Булгара, тогда он прочитал имена как Сабар-Ильчи и Фатима-Элхей, то есть одно и то же написание было прочитано двояко: и как Ильчи,

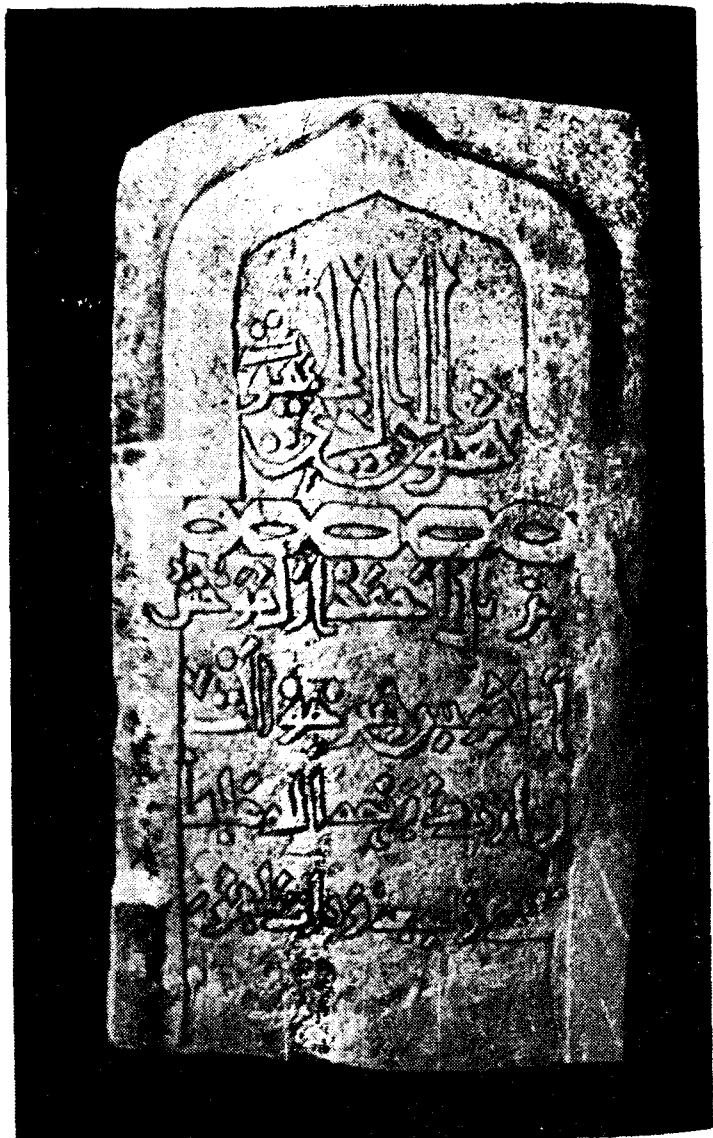
и как Элхей, притом в качестве второго компонента сложного имени. В последующих публикациях ученые давали оба варианта чтения, хотя и явно предпочитали вариант «илчи», так как его происхождение можно было объяснить более или менее правдоподобно: ил — «племенной союз, народ, административная единица, государство, страна и т. д.» и окончание -чи, образующее имя деятеля: балыкчы — «рыбак», язучы — «писатель». Соответственно слово «илчи» переводилось как «посол, вестник, правитель, всякое должностное лицо, гонец, эмиссар».

Однако все указанные значения для болгарского элчи не подходили по той причине, что в средневековье большую роль в общественной жизни играла религия, а отношение мусульманской религии к женщинам общезвестно. Итак, посты государственных чиновников были не для болгарок. Видно, исходя из этих соображений позднее «илчи» стали принимать за вторую часть сложного имени или читали «Элхей».

Вариант сложного имени с «илчи» мы встречаем в секретной истории монгольской династии Юань, при имени младшего брата Чингиз-хана, — у Дувы-хана был сын Ильчигидай, одного башкирского посла к Ивану Грозному звали илче Тимер и другие. Все же и в именах данное слово не потеряло своего первичного значения должностного лица, представителя племени или рода.

Г. В. Юсупов «илчи» считал титулатурным словом, хотя и не раскрывал его семантику, а лишь, упомянув о некогда существовавших значительных правах и независимом положении жен болгарской феодальной верхушки, ставил его в один ряд с титулами «хатун» — «госпожа», «бикэ» — «жена князя». Конечно, такие случаи известны в истории, когда какая-нибудь аристократка занимала высокое общественное положение. Известно, например, что жены Тимура и Тимуридов принимали иностранных послов, воздвигали мечети и другие общественные здания, занимались благотворительной деятельностью.

Все же болгарское слово «элчи» является более поздним вариантом, чем «элти», потому что звук «т», употребляясь впереди «и», может перейти в «ч». Это подтверждают и другие примеры из текстов болгарских надгробий, где встречается такой звуковой переход: жети → жечи — «семь», эти → эчи — «было». Выходит,

Плита с вертикальной надписью

лжны искать значение слова **элти** в более древних памятниках. Однако нет его ни в древнетюркских источниках, ни в древнеуйгурских надписях. И лишь в работе «Общая книга толкования тюркского, монгольского и персидского языков», появившейся в 1245 году в государстве мамлюков, объединившем Египет и Сирию, придется старокипчакское слово **элти** в значении «госпожа, хозяйка, владелица». В этот же период данный термин оказался зафиксированным и в болгарских надгробных памятниках в таком же значении.

В болгарских надгробных текстах при некоторых мужских именах встречается странный титул, написанный как **ЙУАРИ** (так получается, если перевести арабские знаки на современные буквы). Конечно, если каждую букву принять за отдельный звук, мы должны его читать в виде **йувари** или **йуари**. Некоторые исследователи читали его **бияри** — «биярский», **сувари** — «суварский», **кавари** — «каварский» (было такое племя у хазар) и т. д. Когда-то Х. Фаизханов предложил очень простое и в то же время оригинальное решение вопроса: по его мнению, это слово надо расчленить на **ЙАУ** — «война, сражение» и **ЭРИ** — «ее мужчина, муж». В результате получается «военный муж, воин». Действительно, такое сословие могло быть. Хотя волжские болгары были относительно мирным народом, однако классовый характер Булгарского государства породил и военный институт, столь необходимый для ведения внутрисударственной межфеодальной и классовой борьбы, оборонительных действий от внешних врагов, а также для походов и набегов. Для таких целей ополченческие отряды не годились, необходим был специальный разряд людей, находящихся в постоянной боевой готовности. Такой организацией являлась военная дружина.

Ряд источников сообщает о существовании военной дружины, например, в Киевской Руси. И в летописях, нередко при сообщении о княжеской власти, говорится, что «дружина его кормяхуся воююще иные страны». Часть дружины была «думающей», правда, очень небольшая, а главная масса — рядовые воины. У монгольских ханов также существовала военная дружина: дружинники жили вместе со своим вождем и были полностью на его иждивении.

Упоминаемые Ибн-Фадланом асхабы у волжских болгар, что в переводе с арабского языка означает «друзья»,

по-видимому, были именно дружинниками царя Алмуша. «Если же он предложит отряду [войска],— пишет Ибн-Фадлан,— [совершить] набег на одну из стран, и он награбит, то он [царь] имеет долю вместе с ними». Это выдержка из последнего перевода «Записок» Ибн-Фадлана А. П. Ковалевским, однако в более раннем переводе вместо слова «отряд» он приводил «дружину». Таким отрядом у Алмуша могла быть только постоянная дружина, находящаяся у него на службе.

О дружинных отрядах у волжских булгар говорят и русские летописи: под 1160 годом — «а князь их едва утече с малою дружиною»; под 1220 годом — «князь же Болгарский выбеже инеми ворота и утече на конях в мале дружине».

Очевидно, в честь сподвижников князя, а они были родовой или племенной знатью и принадлежали к верхушке княжеской дружины, после их гибели или смерти ставились надмогильные плиты с титулом военного характера.

Здесь следует привести и мнение американского ученого О. Прицака, который это слово объяснял несколько по-другому. По его убеждению, данное слово скорее всего означало нисбу — название племени или клана, каковым, по всей вероятности, являлось племя кавар. Здесь, на наш взгляд, проявляются два противоречия: первое — историческое, так как среди названий племен, упомянутых в составе волжскобулгарского государства, ни в одном источнике такое племя не приводится (кавары были в составе хазарской конфедерации племен, а затем часть их перекочевала к мадьярам); и второе — языковедческое, ибо у нас нет фактов, доказывающих переход звука «к» в «й» в начале слова, кроме того, в языке эпитафий сохранялся и древний звук «а» первого слога.

Выше мы говорили, что этот титул написан в виде ИУАРИ (так получается, если вместо каждой арабской буквы поставить современные буквы). Однако имеется и памятник, где слово написано как ИУР, что вносит весьма существенную поправку в его чтение. Выходит, данное слово необходимо читать йори, а не йувари. Здесь сразу же вспоминается написание БУАЛГАР на одной булгарской монете XII века. Однако ни в одном историческом источнике город Булгар не называли как Буалгар, значит, это всего лишь условности орфографии,

го есть написания. Такое положение легко можно объяснить. Арабскими буквами никак нельзя было передавать тюркскую речь, но, раз приняли мусульманскую религию, надо было переходить и на арабскую графику. В таких случаях писцы находили наиболее близкие буквы, исходя из чтения арабских слов, а где это невозможно, для передачи одного звука применяют соединение двух или трех букв. Множество таких примеров имеется и в современных языках: в английском, например, один долгий звук «и» может обозначаться одиннадцатью способами, в немецком звук «ч» передается соединением четырех букв и т. д.

Любопытные случаи можно обнаружить в надмогильных стелах Средней Азии, в которых тюркские тексты написаны сирийским письмом (они принадлежали христианам-несторианцам). Например, числительное двенадцать там написано как АОН АИКИ (сравните с татарским **ун ике**), а такое написание исследователи читают **он ики**. Для сравнения приведем написания других слов: КУИН (читается **кюн**) — «день», КУИРК (читается **кырк**) — «сорок», АОЛДИ (читается **олди**) — «умерла» и др. Точно такой же способ передачи отдельных тюркских звуков наблюдается и в волжскобулгарских эпитафиях. Слово **он** — «десять» пишется УАН или АУН, **жети** — «семь» — ЖИАТИ, ЖАТИ, ЖТ, **күн** — «день» — КУАН, КУН, КН и т. д.

На основе всего этого можно сделать вывод, что болгарские написания БУАЛГАР и ЙУАРИ необходимо читать не иначе как **Болгар** и **йори**. Видимо, название Зюрейской дороги (по тат. **Жөри юлы**) — военно-административной единицы бывшего Казанского ханства — дороги, которая вела от столицы ханства в с. Старые Зюри, также связано с последним термином (военным титулом).

В древнетюркских памятниках в качестве титула и личного имени упоминается слово «чур»: Кюли-чур, Инаган-чур, Чур-тегин и др. Нередко оно употребляется как военный титул, это видно из таких предложений вроде «мое геройское имя — Кара чур», «его имя Агуш, военный чур. Его имя — Агуш ынал», «Чора — мое геройское имя». А может быть, волжскобулгарское слово **йори** имеет какую-либо связь с древнетюркским титулом «чур» и словом «чериг» — «войско»?

Однако каким бы не было происхождение этого тер-

мина, пока нет веских доводов, опровергающих факт связи его с военным делом. Даже сама семантика некоторых имен, приведенных с этим титулом, указывает на силу и мощь, то есть на качества, столь необходимые командиру бойцов, например, **йөри Күч** < **йөри** — «дружи́нник» и **күч** — «сила, мощь», **Күч** может быть здесь прозвищем, а не личным именем; или **Арс-Сираж**, где элемент **Арс** можно связать с древней традицией, когда при нападении на врага многие древние племена издавали звуки, напоминающие звериный вой, и кстати, от данного слова образован **арслан** — «лев».

Видимо, когда-то существовали целые сословия предводителей дружин, о чем свидетельствует нижеследующая генеалогия: **Арс-Сирадж-йөри** сын **Йагкуб-йөри**, [его] сын **Айуб-йөри**, [его] сын **Хасан-йөри**, [его] сын **Гали-йөри**, [его] сын **Атряч-йөри**, [его] сын **Мухаммад-Мир Махмуд**.

Титулы служителей культа редко фиксируются на камнях, хотя в действительной жизни подобная титулатура встречается и повсеместно, потому что служителям культа правители всегда оказывали покровительство и предоставляли различные привилегии. Среди титулов служителей культа из Булгара выделяется «шейх ал-кябир» — «шейх великий». Если вспомним, что шейхами называли и ученых, и купцов, и писцов, и даже правителей, то неясно, каково же было истинное содержание титула «шейх великий»? Несмотря на то, что слово «шейх» не заключало в себе какого-либо конкретного звания, оно считалось очень почетным. Так, например, памятник, поставленный в 1317 году **Мубарак-шаху Курасани** (то есть родом он был из Хорасана), ничем не примечателен, однако при имени его отца поставлен титул «шейх»: **Мухаммад-шейх ал-Кердарн**. Выходит, он был шейхом в Кердаре или родом оттуда.

На одном памятнике зафиксирован титул «аш-шейх ал-имам». Умерший — **Садреддин Ширвани** был известным человеком в Булгаре: он назван факихом, то есть законоведом, ученым, — видимо, здесь имеется в виду мусульманская образованность. Почетные эпитеты, отсутствие родословия также свидетельствуют в пользу его аристократического и почетного положения при жизни, сравните: «шейх, имам славнейший, ученый, поклоняющийся (аллаху), аскет, законовед **Садреддин аш-Шир-**

Обломок памятника. XIV в.

ванн». Очевидно, он был главой религиозной общины и настоятелем мечети.

Сохранившиеся эпиграфические памятники Булгара, разумеется, передают лишь незначительную часть светской и духовной титулатуры. Незначительно ее количество и в эпитафиях из других мест Волжской Булгарии. Довольно большая группа памятников охватывает по-

гребения лиц, носящих титул «хаджи». Данный титул являлся почетным и никаких привилегий не давал, прибавляли его только к именам тех лиц, которые совершили паломничество в Мекку, а также, возможно, и к именам купцов, побывавших там, например, Мухаммад-хаджи, Ахмед-хаджи. География распространения памятников со словом «хаджи» довольно обширна (села Большие Атрысы и Большие Тарханы Тетюшского района, Ямбухтино Куйбышевского района, Сухие Курнали Алексеевского района, Старое Ромашкино Чистопольского района ТАССР и другие).

Этот титул не был потомственным. На одном памятнике из Булгар, например, покойный Ахмед носил титул «хаджи», однако ни его отец, ни дед не совершали хадж и поэтому при их именах он отсутствует.

Подобно другим титулам, «хаджи» также может употребляться в качестве личного имени, например, Ашлы оулы Хаджи — «Хаджи сын Ашлы», Йусуф оулы Хаджи — «Хаджи, сын Юсуфа», Хаджи-элти — «госпожа Хаджи». Все же в данном случае, на наш взгляд, Хаджи является не настоящим именем, а прозвищем. Это особенно подтверждается последним примером: будучи родом из богатой семьи, она имела возможность совершить паломничество в Мекку (хотя женщин и не пускают в мечеть), и постепенно почетное звание «хаджи» стало употребляться вместо собственного имени.

Памятник с Булгарского городища сообщает нам еще один социальный термин, обозначающий род занятий — «алтунчы». Термин образован от общетюркского слова **алтун** — «золото», к которому присоединено окончание **-чы**, образующее имя деятеля. Говоря другими словами, это должен быть ювелир, золотых дел мастер. В таком же значении данное слово зафиксировано в Древнетюркском словаре (Ленинград, 1969) и в среднетюркских письменных памятниках. В современном татарском языке мастера-ювелира, имеющего дело с золотом и серебром, называют этим же термином «алтынчы», хотя более распространен «көмешче» (мастер-ювелир, имеющий дело с серебром).

Этим термином все же, как нам думается, называли не непосредственного исполнителя, а владельцев ювелирных мастерских. На это указывают и благочестивые эпитеты погребенного — «почитавший ученых, одиноких, вдовых сирот кормивший». В текстах памятников из

Других мест встречаются и другие социальные термины, обозначающие род занятий: **тамгачы** — «сборщик подаей» (из с. Большие Тарханы Тетюшского района), **темирчи** — «кузнец» (из с. Нижние Яки Мамадышского района). Возможно, что это был не просто кузнец, а владелец кузницы, хотя кузнецы и сами были почетными людьми. В одной надписи, например, из Кухистана (Таджикистан) кузнец Насир указан как обладатель титула «шейх», что ставит его в ряд самых уважаемых людей общества.

Среди социальных терминов многочисленную группу составляют фамилии — тахаллусы, которые можно разделить на две группы: образованные от этнонимов и образованные от топонимов. Основной и наиболее распространенной фамилией является «булгари». Сейчас уже невозможно четко определить, с чем связан этот тахаллус — с названием города или этнонимом «булгар».

В отношении тех известных личностей, которые проживали вне Волжской Булгарии и при именах которых имеется слово «булгари», с большей долей вероятности можно утверждать, что здесь налицо указание на связь с г. Булгаром либо с Булгарским государством. Эти люди или получили образование в Булгаре, или являлись выходцами из Волжской Булгарии независимо от их родоплеменной принадлежности. Так, например, в историческом труде Фасихи Хавафи «Муджмал ат-таварих» упоминается крупный ученый шейх Хасан Булгари. Родился он в Нахичевани или в Гяндже, однако жил и трудился в Булгаре 30 лет, потом уехал в Бухару, затем в Керман и умер в Тевризе в 1298 году. Видимо, он не был булгарином по происхождению, а стал известным ученым в годы жизни в Булгаре. Небезынтересен в этом отношении тот факт, что многие представители татарской интеллигенции и духовенства вплоть до XX века назывались «Булгарскими», например, Махмуд Булгари, Губайдулла Булгари, Муртаза Булгари, Габдерахим Утыз-Имяни Булгари, Ахметжан Булгари, Ахметжан бин Шамсутдин Булгари, Гульсум Болгарская, Зулейха Богданова-Болгарская, Бари Болгарский и другие.

Однако вернемся к XIII—XIV векам. В эпитафиях из города Булгара упоминаются имена с тахаллусом «булгари» — Мансур ал-Булгари, Булгари Муса, Насар ал-Булгари, Иунус ал-Булгари и т. д. Что это, только указание этнонима, города или государства? Ясно одно: здесь

Булгар не название города, потому что, раз он похоронен в Булгаре, вряд ли стали бы писать, что он из этого же города. Обычно указывают лишь людей, приехавших из других мест. Не может тахаллус здесь быть и указателем принадлежности к государству «Волжская Булгария», ибо похоронен в городе этого же государства. Остается одно — этническая принадлежность, однако это уже не родоплеменное наименование, а указание новой этнической общности волжских булгар. Вообще-то термин «булгар» многофункционален, в определенных конкретных условиях он может обозначать как этническую принадлежность, так и отношение к городу или государству, выражая тем самым отношение к родине.

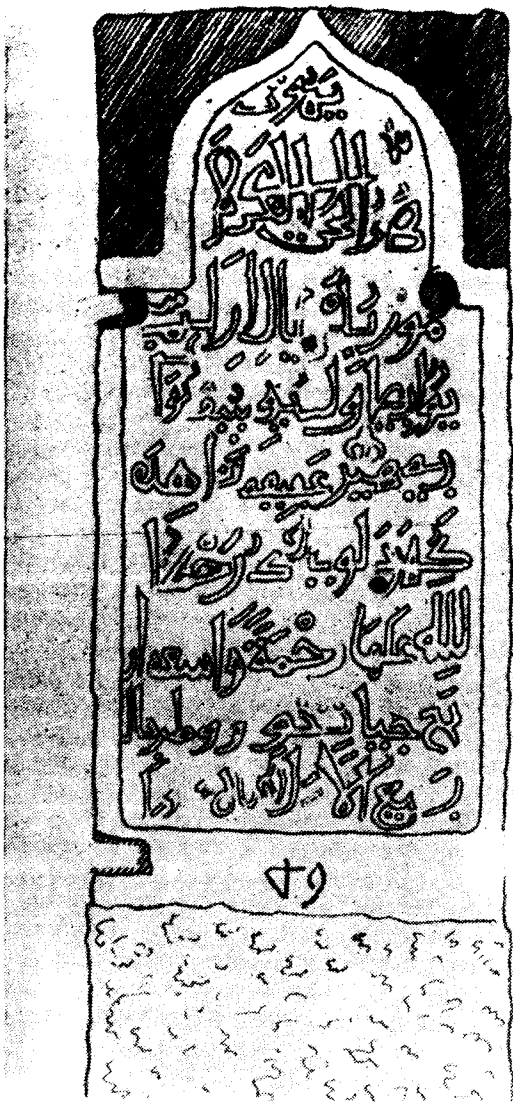
Фамилия «Сувари», встречающаяся не только в эпитафии из Булгара, но и на памятнике 1314 года из Больших Тархан Тетюшского района показывает принадлежность погребенного к племени сувар, хотя и не исключено, что он был родом из г. Суvara. Как было упомянуто выше, Сувар был одним из главных городов Булгарского государства, племенным центром суваров ≈ сабиров ≈ савиров, упоминаемый арабскими писателями в X—XIV веках.

Среди булгарских эпитафических памятников имеется несколько эпитафий, в том числе и с Булгарского городища, где зафиксирован этноним «мухшы». И это не случайно. Археологами было доказано наличие мордовских элементов в погребальных комплексах ранних и поздних булгар и, естественно, отюреченные финно-угорские роды входили в состав волжских булгар. Позднее среди татар стал известен «мухшы нәселе», то есть «род мухшы».

На одном памятнике при имени Мухаммед указан этноним «турукмен». Видимо, он был из огузского племени «туркмен», что показывает присутствие огузского компонента в составе волжских булгар, тем более что данное надгробие не самого «туркмен Мухаммеда», а дочери его сына Йагкуба.

В тексте одного памятника 1329 года с Булгарского городища высечено, на первый взгляд, странное сочетание имен Мюн-Бюляр Балмар Ахмад, который жил во второй половине XIII века и был военачальником (йори). Обратим внимание на начальное сочетание Мюн-Бюляр, первая часть которого встретилась еще на одном памятнике 1308 года. Там указанный из племени

Надмогильный памятник. 1330 г.

мюн-сувар йали... (имя не читается — камень поврежден) является родоначальником погребенного Алп-ходжи и жил в начале XIII века или в конце XII века. Мюн-Сувар и Мюн-Бюляр! По всей видимости, не будет ошибкой, если мы проведем параллель между их первыми компонентами и общетюркским этнонимом **мин** ≈ **мен**. И в настоящее время у башкир присутствуют минские роды. Как известно, в XII—XIII веках предки минцев были частью многоплеменного кипчакского мира и кочевали преимущественно по нижнему течению р. Ик, а также по рекам Степной Зай, Сюнь, Мензеля. По предположению Р. Г. Кузеева, родоплеменные образования **мин** (**минг**, **мингат**) в составе башкир, узбеков, киргизов, ногайцев, тувинцев и монголов, предания о древней родине в Монголии или на Алтае, сведения об уйгурской принадлежности племени и племенного вождя (Санаклы), предположение о тюркском происхождении самого этнонима дают достаточно оснований, чтобы сформулировать гипотезу о древнетюркском происхождении минцев, этнически близких к уйгурам, которые в свою очередь в VII—VIII веках входили в конфедерацию токуз-огузов.

С одним из компонентов этих сложных этнонимов, а именно с суварам, мы уже встречались в рассказе об основных племенах Волжской Булгарии. Выходит, родоначальник Алп-ходжи принадлежал к мюн-суварскому роду, тем более слово **йал** происходит от древнетюркского **эль** — «народ; племенной союз; государство; страна». Отсюда происходят и другие его значения, как «область; губерния; деревня, село, селение; приход; население; жители; племя; семья; деревенское общество и т. д.».

Второй компонент мюн-бюляра (теперь мы уже знаем, что это не сложное имя) — **бюляр** зафиксирован на другом памятнике с Булгарского же городища в виде **бюляр йали** — «биярский род или племя». Кроме того, он встречается в составе сложного имени Бюляртай на памятнике 1323 года из Булгар: Бюляртая сын Бюлемшак-бек. А применение этнонима в качестве личного имени встречается и в некоторых других случаях, сравните с именами Сувар, Салар, Мухшы, Ар.

Этническое название «бюляр» сразу же напоминает имя булгарского города Биляра, бывшего в XI—XII века столицей Волжской Булгарии. Кстати, в различных источниках он называется то Буляром, то Бюляром.

Например, в «Таварихе Булгария» Хисаметдина ал-Булгари упоминается о завоевании Буляра Тимуром, такое же написание названия города в «Дастане Аксак-Тимур» (там и гора обозначена Булярской и указано, что название реки Буляр стало и названием города. В «Тайной истории монголов» (XIII век) сказано о приказе императора Угэдэя полководцу Субэдэю покорить одиннадцать народов и областей, среди которых упоминается и Буляр.

Если вспомним приход каких-то приволжских болгар (а их называли билерами) около 970 года в Венгрию и основание ими города Пешт, а также сообщение итальянского путешественника Плано Карпини, побывавшего в 1246 году в Восточной Европе и называвшего население Булгарии биярами, то признание «буляр» и «билер» синонимами не лишено основания.

То, что буляры (бияры) жили в Волжской Булгарии, доказывает и наличие в составе башкир этнографической группы «буляр». В старинном родословии «Предки булярского юрта» родоначальником племени указан Булярхан — потомок какого-то Динис Бикбрача, который был «из народа буляр». Жил он на берегу реки Буляр, что «в стороне Степного Зая и Шешмы». Несомненно, это племя (или род) из Волжской Булгарии позднее вошло в состав башкирского народа.

Все это так. Однако в тексте надписи надгробья есть еще одно этническое название — балимар. Известный специалист по этнической истории башкир Р. Г. Кузеев существование двойных этнонимов объяснял как обозначение племени, затем рода (ср. мюн-бюляр). В таком случае третий этноним будет подродом. Слово балимар (его можно читать в нескольких вариантах, см. написание БАЛиМ АР — здесь прописная буква «и» означает наличие подбуквенного знака кясры — подбуквенного значка) по внешнему виду напоминает летописный город Балымер ≈ Булымер. Этот город известен, прежде всего, по русским летописям, где имеет различные написания. Некоторые исследователи предлагали считать его искаженным написанием названия Буляр. Все же этот вопрос требует серьезного изучения, и здесь мы солидарны с Р. Г. Фахрутдиновым, который пишет: «Является ли Булумер параллельным названием или несколько искаженной формой Буляра — мы не беремся

судить, ибо данная форма известна в основном нам по русским источникам».

Необходимо упомянуть и мнение Г. В. Юсупова, считающего «балимар», родовым подразделением, осколком летописного «балымат» центром которого, возможно, было городище у с. Балымер. Действительно, в обоих названиях присутствует этническое наименование «балым», известное по летописям. В этих краях когда-то был весьма популярным Балым-ходжа, якобы похороненный на мусульманском кладбище Биляра и почитаемый как святой. В XVIII веке это кладбище даже называлось Балын-гус, что, видимо, произошло от имени Балым-ходжа. Однако в то же время нельзя не принять во внимание и отрывок из рукописи 1677 года, где указано, что человек по имени Балын-гозя — царь басурманского булымерского города за Камой-рекой. А в выписи 1624—1626 годов наряду с Балын гозем названо имя Белонгаза, князя болгарского города Булымера (Балымера) или Балымата, похороненного татарским ханом Сафигиреем близ Билярска на горе Балын-гуз.

Мы приводим эти сведения и имена не с целью отождествления со словом «балимар» из рассматриваемого болгарского надмогильного камня, а лишь хотим подчеркнуть наличие какой-то связи между их первыми компонентами. Вполне возможно, что в основе их лежит некий этноним «балым».

Таким образом, наличие в надмогильных надписях Волжской Булгарии сложных этнонимов родо-племенного характера, как мюн-бюляр балимар и мюн-сувар, еще раз доказывает, что болгарская народность сформировалась из различных тюркских племен и, как в свое время выразился историк Г. Губайдуллин, болгары «как всякое тюркское племя, имели в своей среде обломки других тюркских племен в качестве отдельных родов и колен».

На памятнике 1309 года из Булгара вырезана фраза: «Сына Оураза, урум Алпа, надмогильный знак», где нас заинтересовало имя погребенного. Имя с компонентом «урум» имеется и в эпитафии из села Салтыганово Камско-Устьинского района в виде урум-Мухаммед. Вначале мы предполагали «урум» прозвищем — лякабом, обозначающим место рождения обладателя этого имени, тем более имеются населенные пункты: Урум в Тетюшском районе (где есть старое кладбище с болгарскими над-

гробнями), Уремский в Бугульминском районе, Урмат (близ городища Иски-Казан) в Высокогорском районе. Но, между прочим, известны и этнические названия, напоминающие «урум». Например, у киргизов существует этническое название «ырым». Однако в порядке рабочей гипотезы мы хотим предложить читателю другую версию объяснения этого слова.

В западной части Азербайджанской ССР проживает этническая группа «айрум». Существуют различные точки зрения об их происхождении, однако пунктом пересечения всех этих воззрений является признание смешения армян и албанцев в начале средних веков. Во время второго раздела Армении между Византийской империей и Сасанидской Персией в 591 году по территории западного Азербайджана прошла граница, которая отделила часть армянского населения с албанцами от остального населения страны. В таких условиях и могло сложиться новое этническое наименование хай-рум, то есть «армяне-греки», потому что они оказались в пределах Византийской империи. Нелишне будет вспомнить, что греков на Востоке называют урумами. Так, арабский ученый X века Баладзори упоминает «область Урум» в Азербайджане, где проживали и армяне.

Итак, можно сделать вывод, что урумы (айрумы), представляли собой часть армян, которые были подданными Византии. В ходе исторического развития они были тюркизированы и исламизированы. Мы не беремся выяснять, в каком веке это население попало в Волжскую Булгарию (может, прибыли лишь отдельные личности со своим двором), но отметим, что в XIII веке к западу от Булгарского городища существовала армянская колония и стоял христианский храм, названный «Греческой палатой». Несомненно, армяне были здесь и раньше. В. В. Бартольд в свое время считал, что именно к волжским булгарам относится известие о «государе славян», к которому наравне с государями греков и хазар обратились с просьбой о помощи в 852 году бежавшие от арабов армяне. Нахождение армянских надмогильных плит 1218, 1308, 1321 годов у Греческой палаты свидетельствует о пребывании армян (кстати, носителей лучших традиций резьбы по камню и каменного строительства) в Волжской Булгарии еще в домонгольское время.

Существование термина «урум» в Волжской Булгарии можно объяснить несколько иначе, хотя в основе

и останется наименование греков урумами. Это могли быть византийские купцы, торговавшие в Булгаре и принявшие мусульманство, ведь само слово в среднегреческом языке означало Византию, восточную провинцию Римской империи. В принципе урумом мог называться и любой человек, принявший христианскую религию и попавший под влияние греко-православной церкви. Урумы, ныне проживающие, например, в кавказско-кубанском ареале, по языку принадлежат к огузской группе тюркских языков (к этой группе относятся турецкий, азербайджанский, гагаузский, турьменский). Урумские говоры Северного Приазовья не столь однородны: одни из них обнаруживают сходство с древним половецким языком, зафиксированным в памятнике XIII века «Кодексе Куманикус», другие содержат больше огузских элементов, а третьи тяготеют либо к кипчакским, либо к огузским языкам. Лингвист А. Н. Гаркавец считает, что в основе урумского языка лежит язык кипчаков — куманов — половцев, господствовавших в XI—XIII веках в степях и городах Юго-Восточной Европы от Яика на востоке до Куры на юге и Дуная на западе. Однако здесь речь идет лишь о языке урумов Северного Приазовья, и зафиксирование в болгарских эпитафиях термина «урум» еще не дает основания для столь широких обобщений.

Таким образом, в написаниях урум Алп и урум Мухаммед можно выделить этническое наименование «урум», представители этой этнической группы в настоящее время обнаруживаются в Азербайджане, Турции, Грузии, на Украине и т. д.

Во время посещения Булгарского городища в 1964 году известным эпиграфистом Г. В. Юсуповым была предпринята новая попытка прочтения некоторых эпитафий, находящихся в фундаменте бывшей церкви. В частности, один камень в северо-восточном углу показался ему имеющим надпись с несколькими этническими наименованиями. Хотя в списке, сделанном в 1722 году для Петра I, имеется перевод этой надписи как «вот здесь гробница эмира великого, весьма знатного, весьма славного, весьма знаменитого, милостию Божию знатнейшего благороднейшего покровителя ученых, подпоры слабых, Ахмеда хаджия, сына Мувамика, внука Му Хусейна Насара Булгарского», он предложил новый вариант чтения имен. По его мнению, имена должны

читаться как «Ахмад хаджи, сын Му, мин Куяк, сын Мухши Базан ал-Булгари» (кстати, текст целиком написан на арабском языке). Вначале слово «мин» он предлагал принять за общетюркский этноним, затем от этой идеи отказался и дал новый вариант чтения как собственное имя Мумин. Из этого родословия мы выделим «Куяк», так как, поставленный около личного имени, он должен быть лякабом (прозвищем) или фамилией. В таком случае имя может выступать как этническое наименование, тем более слово «куюк» у алтайцев, казахов, киргизов, тувинцев употребляется в этнонимическом значении. Однако этот вопрос требует тщательного изучения.

В отдельную группу можно выделить тахаллусы, образованные от топонимов. В основном это имена среднеазиатского и закавказского происхождения, как Садреддин Ширвани, Хасан Самарканди, Мухаммед ал-Дженди, Мубарек шах Курасани, Мухаммед-шейх ал-Кердари, Рса аш-Шемахи, Исмагил аш-Шемахи, Джафар-ага ал-Африкенджи. Почти все они принадлежат духовным лицам, то есть людям высшего сословия и, так как имели небулгарское происхождение, при собственном имени указывали место рождения. Лишь в отношении Кердари у Г. В. Юсупова возникли сомнения — он считал его этнонимом. Действительно, в составе казахов и башкир имеются созвучные родовые названия корди и кырдар, однако один из доводов, что среди литературных прозвищ автора известного труда «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда (бин Гали бин Гумер шейх) ас-Саран ал-Булгари ал-Кердари — последний является этнонимическим названием булгар, не убедителен. Наименование ал-Булгари уже показывает его отношение к волжским булгарам, а ал-Кердари указывает на название хорезмского города, связанное каким-то образом с его биографией. Так же и в нашем случае: Мухаммед шейх ал-Кердари был родом из Кердара, города в Хорезме.

В текстах эпиграфических памятников из других мест Волжской Булгарии фамилий иноземного характера почти не обнаруживается, разве что достоин упоминания памятник 1339 года, находящийся в мавзолее Хусейн-бека в Башкирии. Похороненный здесь хаджи Хусейн-бек характеризуется как справедливый в своих решениях и указывается, что предок его был из Турке-

стана: хаджи Хусейн-бек сын Гумар-бека...рсацкого из Туркестана.

Хисамеддин Булгари в своей «Истории Булгарии» называет более двадцати имен проповедников ислама в среде башкирских и мишарских родов. Возможно, что хаджи Хусейн-бек также являлся проповедником мусульманства в этих краях.

СОХРАНИВШИЕСЯ ТРАДИЦИИ

Эти надписи на камнях, которые являются памятниками болгарской седой старины, охватывают относительно небольшой отрезок: самая ранняя надпись из Булгарского городища датирована 1271 годом, а позднейшая — 1356 годом. Возможно, указанные хронологические рамки еще и расширятся, по крайней мере, исследователи надеются на это. А пока 1356 год будем считать поздней датой установления надмогильных памятников в Булгаре.

Здесь невольно бросается в глаза один любопытный факт. Как раз в данное время в Золотой Орде начались дворцовые смуты, и в 1357 году заговорщиками был убит хан Орды Джанибек, недолго правил и его сын Бердибек. Не остались в стороне от дворцовой борьбы и болгарские князья, стали усиливаться отдельные княжества, в первую очередь, Казанское княжество. Возрастанию роли Казани способствовал и массовый отход болгарского населения из Закамья — центральной части Волжско-Камской Булгарии — на относительно спокойные земли Предкамья, потому что Закамье стало ареной многочисленных военных столкновений. С одной стороны, на болгарские земли нападали степные кочевники, с другой — новгородские ушкуйники (разбойники на судах), да и ордынские правители давали знать о себе. В русских летописях, например, под 1361 годом сообщается: «Бурлактемир князь ординский Болгары взял и все города по Волзе и улусы и отня весь Волжский путь».

Богатства болгарских городов интересовали разбойников всех мастей, и их нападения, кончавшиеся разгромом крупных городов, повторялись многократно. Русские летописцы отмечали значительные походы новгородцев против болгар в 1360, 1366, 1369, 1370, 1374,

379 годах и сообщали, что они «много зла сътвориша». Это было началом планомерного завоевания болгарских земель, длившееся до 30-х годов XV века. От таких остоянных грабежей и разрушений прекратилась жизнь целом ряде болгарских городов, и то, что не только в Булгаре, но и во всем Закамье на данном историческом трезке времени отсутствуют эпиграфические памятники, объясняется именно сложившейся общественно-экономической ситуацией.

Разделившееся на несколько княжеств государство золжских болгар в первой четверти XV века перестало существовать. В 1431 году в результате походов князя Федора Пестрого распались Булгарское и Жукотинское княжества. На базе Казанского княжества за короткий срок создано могущественное царство. Казанский край стал тогда действительно сильным. Туда из Булгар, с притоком населения из других княжеств, передвинулся центр хозяйственной и культурной жизни, по существу же основное население края осталось неизменным, что предопределило сохранение традиций установления надмогильных памятников и дальнейшее развитие резьбы по камню.

Памятников XV века сохранилось мало, это связано с изменением социально-политической ситуации в крае. Даже и имеющиеся надгробия показывают появление определенного разнообразия в их оформлении. Под аркой иногда помещается шестиконечная звезда, так называемый «давидов щит», которая в болгарское время встречалась в декорировке зданий, монетах и на надгробии 1382 года из с. Ямашурма Высокогорского района ТАССР. По мнению Ф. Х. Валеева, резной орнамент надгробий второй половины XV — начала XVI веков более наряден и богат по сравнению с орнаментом болгарских надгробий XIII—XIV веков, но более сдержан по отношению к резным узорам надгробий середины XVI века. Это и понятно, потому что за многовековой путь развития искусства резьбы по камню складывается своеобразный художественный стиль, который по-разному выражался в конкретных исторических периодах. В этом отношении надгробия XV века выступают связующим мостиком эпиграфических памятников XIII—XIV веков и XVI века, когда надгробия отличаются наиболее богатой и пышной орнаментикой.

Как было указано выше, в языковом отношении все

булгарские памятники делились на две группы, в одной группе ведущим был р-признак. Примечательно то, что в XV веке такие памятники совершенно исчезают, точнее говоря, такой язык больше не употребляется для оформления текстов надгробий. Продолжает применяться лишь з-язык, который вырос из общенародного разговорного койне волжских булгар. Сравните тексты некоторых эпитафий (приводятся лишь тюркские части): памятник 1323 года из Булгар — Бүлэртай ибн Бүлемшак-бек зийарэте турур. Тэнригә... мэсрүр кылып, Кәүсәр шәрабе берлә кандурсун... Вафаты рәжәп айы ахрында эрди. Тарих йети йүз йегерме түртдә — «Буляр-тая сына, Бюлемшак-бека, место погребения. Всевышнему... обрадовав, да напоит напитком Кевсара (то есть священного родника. — Ф. Х.)... Его смерть произошла в конце раджаба месяца. По летосчислению в семьсот двадцать четвертом»;

памятник 1311 года из кладбища г. Чистополя — Галимләрка тәрбийәт кылкан, зәһидларка севгән, мәсҗед-ләрне гимарәт кылкан, үкүш хәйратлыг Мажар-казый (?) оглы Исмәгыйль зийарэте бу. [...] Вафат болты: тарих жети жүр он бер жол рәжәп айхы жерме әкешикүн эти — «Давшего воспитание ученым, любившего набожных, мечети воздвигавшего, множества благих дел совершившего Маджар-кази (?) сына, Исмагила, место погребения это. [...]Скончался: по летосчислению семьсот одиннадцать лет, раджаба месяца двадцать второй день был». Здесь второе предложение на р-языке;

памятник 1314 года из с. Большие Тарханы Тетюшского района ТАССР — Галимләрка тәрбийә кылкан һәм аларны севгән Хожа оглы Госман оглы тамгачы Ибраһим әс-Суари вафат болган. Бу тарих йети йүз он төртенчедә жәмада әл-әүүәли айының он алтынч күне эрди — «Давшего воспитание ученым и любивший их, мечети воздвигавший, множество благодеяний совершивший, бедных... любивший Ходжы сына, Госмана, сын сборщик податей Ибрагим Суварский скончался. Это по летосчислению в семьсот четырнадцатом, джумада I месяца шестнадцатого дня было»;

памятник 1491 года из с. Тат. Ходяшево Пестречинского района ТАССР — ...Тарих секиз йүз туксан йетидә шәгбан айының он бешенче күне эрди кем Тәүүәкәл ... мәүлә Сәййид-Әхмәд, йекерме үч йашында суга төшәп, дару фәнадин дару бакага рихләт кылды. Хак тәгалә

рәхмәт кылсун — «...По летосчислению в восемьсот девяносто седьмом, месяца шагбана пятнадцатого дня было то, что Таввакель... мавла Саййид-Ахмада, двадцати трех лет, в воде утонув, из мира бренного в мир вечности переселился. Праведный всевышний да помилует его»;

памятник 1543 года из с. Старые Менгеры Арского района ТАССР — Тарих токуз йүз элик йылда эрди кем, Бузнак оглы Тугаш афәд булды, дар-ель-фәнадин дар-ель-бакага рихләт. Хак тәгалә рәхмәт кылсун. Амин — «По летосчислению в девятьсот пятидесятом году было то, что случилось несчастье с Тугашом, сыном Бузнака, — переселился из мира бренного в мир вечности. Праведный всевышний да помилует его. Аминь».

Как видно из этих примеров, язык памятников болгарской эпохи (не считая р-язычную часть) и Казанского ханства представляют одно и то же. Это еще раз говорит о том, что какая-то группа эпитафий волжских болгар была написана особой функциональной формой литературного языка, которая употребляется и поныне. Отсюда становится очевидной преемственная связь и между языками, на которых оформлялись болгарские и татарские эпитафические памятники.

Что касается внешнего облика татарских памятников XV — первой половины XVI веков, то среди них можно было бы выделить несколько типов. Один тип является непосредственным развитием оформительского стиля второй половины XIV века (то есть болгарского времени). Правда, этот стиль связан не с памятниками г. Булгара, а Кирменско-Джукетауского округа. Несмотря на глубокие социально-экономические перемены во второй половине XIV — первой половине XV веков, можно заметить непрерывное развитие традиций эпиграфической школы данного округа. Эта цепь прослеживается на памятниках из населенных пунктов Средние Кирмени (50-е годы XIV века) Мамадышского района, Ямашурма (1382 г.) Высокогорского района, Большие Яки (начало XV века) Мамадышского района, Большие Нырсы (1399 г., 1443 г., 1472 г.) Сабинского района ТАССР, которые следует рассматривать как единый переходный тип от болгарских эпитафий к памятникам Казанского периода.

Другой тип характеризуется бордюром, состоящим из ячеистого орнамента или плетенки. Верхняя часть

памятников — полукруглая, между строками текста имеются врезанные или рельефные полосы. Такие памятники находятся в селах Татарский Азелей Зеленодольского района, Урывкино, Татарское Ходяшево Пестречинского района, Средние Аты Арского района, Чирши Высокогорского района ТАССР и в некоторых других населенных пунктах. Ячеистый орнамент на камнях очень близок к орнаменту татарских полотенец, такой же орнамент имеется на сфероконусе из Булгара и на боевом топоре. Известный болгаровед А. П. Смирнов считает его типичным орнаментом края для вещей X—XI веков.

Тройная плетенка («джут») нашел отражение в каменной архитектуре волжских болгар, он имеется на фрагменте облицовки «Четырехугольника» в Булгарах. Орнамент в виде двойной плетенки по бордюру также имеет аналоги в болгарском искусстве — он обнаруживается в бордюре костяных поделок. Все эти памятники относятся к концу XV века.

К третьему типу можно отнести надгробия с остроконечным или килевидным верхом со стрельчатой аркой, в тимпане которых написана формула «Он живой, который не умирает». Они имеют разнообразный бордюрный орнамент: рельефную полосу, виноградную лозу и геометрический орнамент, состоящий из зигзагообразной линии. Иногда могут сочетаться различные орнаменты. Такие памятники обнаружены в селах Ямашурма Высокогорского района, Нижняя Серда и Старый Узюм Арского района, Татарское Ходяшево Пестречинского района и в некоторых других селах. Отдельные надгробия имеют боковую надпись, встречающуюся и в болгарских памятниках, которая гласит «Вижу мир развалиной по существу, не останется он продолжительно в покое».

Таким образом, в надгробиях XV века можно увидеть типологические элементы болгарской эпиграфики, хотя появляются и новые детали оформления плит. К XVI веку оформляется сложный орнаментальный мотив, состоящий из цветов и листьев и в завершении которого помещается трилистник-тюльпан. Такое затейливое плетение помещается в тимпане арки, оно является характерным орнаментом для памятников XVI века. По бордюру же плит может пущена виноградная лоза или орнамент из цветочных мотивов, а также орнамент из мотива тюльпана. Зарождение нового типа эпигра-

фических памятников происходило путем наложения новых элементов на болгарскую основу, которую можно наблюдать в эпитафике XIV века.

Ф. Х. Валеев, специально исследовавший искусство резьбы по камню казанских татар, писал, что надгробия первой половины XVI века показывают, как резной орнамент в их украшении проделал значительную эволюцию, шагнув от несколько аскетического и суховатого убранства болгарских камней к живописно-орнаментальным решениям, насыщенным цветочно-растительными узорами, потерявшими уже свою семантику и выступающими в чисто декоративном значении. Приемы резной декорации надмогильных плит и орнаментальные детали, наблюдаемые в болгарских надгробиях, стали отправной точкой для дальнейших творческих поисков резчиков.

На территории Татарии имеется ряд мусульманских кладбищ, где можно увидеть надмогильные памятники XIV, XV, XVI веков, то есть наблюдается непрерывное функционирование кладбища. Данный факт свидетельствует древность сел с такими кладбищами, в них проживало, по крайней мере, 8—10 поколений людей. В свое время Г. В. Юсупов отметил, что в старину на кладбищах хоронили только жителей своего села, а для приезжих и путников-мусульман в случае их кончины находили место вне ограды кладбища. При переселении же на новое местожительство или основании села в местности, где имеется надмогильный камень, эта могила провозглашалась могилкой «святого», и около нее как правило запрещалось совершать обряд захоронения. Если учесть указанные обычаи, бесспорным будет и принадлежность татарам кладбищ с памятниками более древних времен.

Таким образом, надмогильные камни — и поражающие своей величавостью, и весьма скромные с несколькими процарапанными словами — являются ценными памятниками духовной и материальной культуры народов. Именно памятниками, ибо в них отражена память людей, многовековая память истории. И поэтому они требуют бережного отношения к себе, пристального внимания и уважения, ведь без прошлого, без памяти к отцам и дедам нет и настоящего. Даже самые простые камни с одним или двумя словами, служившие указа-

телями могол, несут в себе разнообразную информацию, ценность которой можно ощутить лишь спустя многие годы, а, может, и столетия. Тогда эти камни, спавшие веками, знавшие весьма суровые годы и непокорившиеся разрушительной силе природы, донесут до потомков исторический опыт и культуру древних людей.

РЕКОМЕНДУЕМ ПРОЧИТАТЬ

- Валеев Ф. Х. Орнамент казанских татар. — Казань, 1969.
- Валеев Ф. Х. Народное декоративное искусство Татарстана. — Казань, 1984.
- Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. — Москва, 1964.
- Закриев М. З. Татар халкы теленен барлыкка килүе. — Казань, 1977.
- Происхождение казанских татар. — Казань, 1948.
- Фахруллин Р. Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. — Москва, 1984.
- Хакимзянов Ф. С. Язык эпитафий волжских болгар. — Москва, 1978.
- Халиков А. Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. — Казань, 1978.
- Юсупов Г. В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. — М.-Л., 1960.

Оглавление

Введение	3
На развалинах древнего города	8
И врезался резец в камень	17
Идет поиск камней с надписями	25
Лег на камень узор писема	37
Эпитафии заговорили	60
Сохранившиеся традиции	120
Рекомендуем прочитать	127

Джамиль Габдрахимович Мухаметшин
Фарид Сабирзянович Хакимзянов

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ГОРОДА БУЛГАРА

Редактор *А. В. Гарипова*

Рецензенты: Председатель Советского комитета дружбы татар,
член-корр. АН СССР *Э. Р. Тенишев*.

кандидат филологических наук

М. И. Аметов.

Художник *И. К. Ситов*

Художественный редактор *Г. Е. Трифонов*

Технический редактор *Л. М. Тили*

Корректор *З. В. Хасанова*

ИБ № 4518

Сдано в набор 26. 3.87. Подписано в печать 6.10.87. ПФ 09215. Формат
84×103¹/₃₂. Бумага книж. журн. Гарнитура литературная. Печать
высокая. Усл. печ. л. 6,7. Усл. кр.-отт. 6,9. Уч.-изд. л. 6,8. Тираж
2000 экз. Заказ Р-209. Цена 25 коп.

Татарское книжное издательство, 420081. Казань, ул. Баумана, 19.
Полиграфический комбинат им. Камилы Якуба Государственного
комитета Татарской АССР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли, 420081. Казань, ул. Баумана, 19.